

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 1 0

№ 4

Вестник Краснодарского университета МВД России

2010 № 4

Выходит с 2008 г. ежеквартально

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ганченко И.О. доктор педагогических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Бикмашев В.А.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовного права КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Гривенная Е.Н.** кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков КрУ МВД России
- Дегтяренко Т.А.** кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника факультета психологии
по учебной и научной работе
КрУ МВД России
- Долгополов А.А.** доктор юридических наук, профессор кафедры
конституционного и административного права
КрУ МВД России
- Епифанцев А.А.** кандидат исторических наук,
начальник кафедры физической подготовки и спорта КрУ МВД России
- Зайцев Р.Я.** кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права
КрУ МВД России
- Звягольский А.Ю.** доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
КрУ МВД России
- Карлеба В.А.** кандидат исторических наук, доцент, заслуженный юрист РФ,
начальник кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
- Карнаушенко Л.В.** доктор исторических наук, доцент,
начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Клейберг Ю.А.** доктор юридических наук, доктор педагогических наук,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН,
президент Международной академии образования
и Международной академии социальной работы

- Книжникова С.В.** кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
- Кулинская С.В.** кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского и иностранного языков КрУ МВД России
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя
Законодательного Собрания Краснодарского края
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки Кубани, заведующий кафедрой криминалистики
Кубанского государственного аграрного университета
- Михайленко Е.В.** кандидат физико-математических наук, доцент
начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России
- Мятченко И.В.** кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
- Нарыков Н.В.** доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Натура Д.А.** кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
- Палазян А.С.** доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры
теории и истории права и государства КрУ МВД России
- Петров И.В.** доктор экономических наук, профессор, начальник кафедры
гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Кубанского государственного аграрного университета
- Сапрунов А.Г.** доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Субачев С.Ю.** кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника
Ставропольского филиала КрУ МВД России
по учебной и научной работе
- Сычев Е.А.** кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административной и служебной
деятельности КрУ МВД России
- Таганова А.А.** кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника
кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
- Упоров И.В.** доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
КрУ МВД России
- Шалин В.В.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
философии и социологии КрУ МВД России
- Шишкин В.Н.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники КрУ МВД России

Яковлев В.В. кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии
КрУ МВД России

Яковлева Л.В. кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса КрУ МВД России

РЕДАКЦИЯ:

Н.К. Алексаньян (зав. редакцией), В.В. Кириллова (редактор),
Художественное оформление обложки: Д.В. Котелевский

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
Тел. (861) 258-35-96
Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	8	CHIEF EDITOR`S COLUMN
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	9	THEORY AND HISTORY LAW AND GOVERNMENT
Савельев А.Е. Японо-китайская война 1894-1895 гг.	9	Saveliev A.E. Japan-chinese war 1894-1895 ss.
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	19	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Герасименко Л.В. Компенсация морального вреда как форма ответственности медицинской организации	19	Gerasimenko L.V. Compensation of the moral harm as form to responsibility to medical organization
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	23	CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY
Вишневецкий К.В. Особенности виктимизации этнических меньшинств	23	Vishnevetzky K.V. The peculiarities of victimization in the ethnic minorities
Александров А.Г. Правоприменительная практика привлечения к ответственности за незаконное использование товарного знака	26	Aleksandrov A.G. Law enforcement practice of accountability for the illegal use of trademark
Вдовиченко В.П. Криминологические особенности личности преступника, совершающего грабеж в составе группы	29	Vdovichenko V.P. Criminological features of the person of the criminal malcing a robbery as a part of group
Маслак С.Н. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	33	Maslak S.N. History of the formation and developments domestic criminal legislation about responsibility for crimes against sexual of the inviolability and sexual of the liberty to personalities
Стукалов В.В. Проблемы правовой регламентации возрастных признаков субъекта торговли людьми, совершенной в отношении заведомо несовершеннолетнего	42	Stykalov V.V. Problems of legal reglamentation of age features of subject people trade made in relation of minor

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	46	CRIMINAL PROCESS
Томин В.Т., Адаменко И.Е.	46	Tomin V.T., Adamenko I.E.
Проблемные ситуации, связанные с эффективностью уголовного судопроизводства как следствие обилия в современном российском уголовном законодательстве (процессуальном и материальном) белых пятен и черных дыр (Подходы к проблеме)		Problem situations with efficiency of criminal legal proceedings as consequence of abundances in the modern's Russian criminal legislation (remedial and material) white stains and black holes (Approaches to a problem)
Гредягин И.В.	58	Gredyagin I.V.
Проблемы процессуальной самостоятельности и реализации властно-распорядительных полномочий дознавателя при подготовке и производстве опознания		Problems of remedial to independence and realization powerful-efficient authority investigator when preparing and production of identification
Науменко О.А.	62	Naumenko O.A.
Подозреваемый при производстве предварительного следствия и дознания		Suspect at production of the preliminary effect and inquiry
Филимонов Р.Н.	67	Filimonov R.N.
Международные стандарты в области прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России		International standards in the field of rights and liberties of the person and person in criminal proceedings of the Russia
КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	71	CRIMINALISTIC, OPERATIVE INVESTIGATIVE ORGANIZATION
Пахомов С.В.	71	Pakhomov S.V.
Соотношение понятий криминалистической тактики и их методологическое значение		The proportion of the notions in criminalistic tactics and their methodological meaning
Сокол Ю.В.	78	Sokol Ju. V.
Особенности криминалистической характеристики вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий		Particularities of the of criminal law feature of involvement minor in completion antisocial action
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	86	LAW ENFORCEMENT ACTIVITY
Затолокин А.А.	86	Zatolokin A.A.
Совершенствование правовой и организационной основы деятельности Госавтоинспекции по регистрации и учету транспортных средств как государственной услуги		Improvement legal and organizing base to activity Legal Auto Inspection on registrations and account of the transport facilities as state facilities

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	91	INFORMATION SECURITY
Сизоненко А.Б.	91	Sizonenko A.B.
Классификация информации ограниченного доступа в соответствии с законодательством Российской Федерации		Classification of restricted access information in accordance with the law of Russian Federation
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	97	PHYLOSOPHY, SOCIOLOGY AND POLITOLOGY
Жалкиев В.Т.	97	Ghalkiev V.T.
Категориализация социальной солидарности в концепции Э. Дюркгейма		Categorization social solidarity in concepts E. Dyrkgeym
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	101	PHILOLOGY QUESTIONS
Кулинская С.В.	101	Kylinskaya S.V.
Картина мира как национально-культурный и языковой феномен		The picture of the words as a national cultural and luanguage phenomenon
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	106	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

У**важаемые читатели!**

Перед Вами очередной выпуск научно-практического журнала "Вестник Краснодарского университета МВД России", освещающий проблемы, актуальные для различных отраслей научного знания.

Рубрику "Уголовное право и криминология" открывает статья К.В. Вишневецкого, посвященная особенностям виктимизации этнических меньшинств. В статье дается определение понятий "стабильная" и "лабильная" виктимность, раскрывается проблема негативного отношения к этническим меньшинствам.

Хотелось бы отметить статью В.Т. Томина и И.Е. Адаменко "Проблемные ситуации, связанные с эффективностью уголовного судопроизводства как следствие обилия в современном российском уголовном законодательстве (процессуальном и материальном) белых пятен и черных дыр. (Подходы к проблеме)". Авторы рассматривают дискуссионные вопросы законодательного регулирования современного отечественного уголовного процесса (уголовного судопроизводства) как

отрасли государственной деятельности.

В рубрике "Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность" заслуживает внимания статья С.В. Пахомова "Соотношение понятий криминалистической тактики и их методологическое значение", в которой автор предпринимает попытку привести соотношение таких категорий с методологией данного раздела криминалистики.

Внимание специалистов в области информационной безопасности привлечет статья А.Б. Сизоненко "Классификация информации ограниченного доступа в соответствии с законодательством Российской Федерации". В работе дается классификация всего многообразия информации, доступ к которой ограничен законами Российской Федерации.

Приглашаем всех читателей к плодотворному творческому сотрудничеству. Надеемся, что содержание журнала поможет Вам в реализации творческих планов и успешном осуществлении научной деятельности.

**Главный редактор,
доктор педагогических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского
университета МВД России,
генерал-майор милиции
И.О. Ганченко**

Японо-китайская война 1894-1895 гг.

Аннотация

Японо-китайская война 1895-1896 г. являлась заметным событием военно-политической истории конца XIX в. Это был первый шаг в колониальной экспансии Японии и одна из предпосылок русско-японской войны 1904-1905 гг. Произошедшие на суше и море боевые действия показали высокую выучку рядового и командного состава японских вооруженных сил, а также их хорошую оснащенность современными на тот период видами оружия и боевых кораблей, и, напротив, низкий уровень подготовки китайских армии и флота. Отсутствие их внимательной и критической оценки стало одной из причин поражения Российской империи в скором времени. Данная статья посвящена анализу исходных предпосылок японо-китайской войны 1895-1896 гг., хода ее боевых действий и итогов для участников конфликта.

Annotation

The Sino-Japanese War 1895-1896 was the noticeable event in military and political history of XIX century. This was the first step in colonial expansion of Japan and one of reasons for Russian-Japanese War 1904-1905. Military actions on land and sea have shown high professional level of Japanese privates' and officers' staff, great quantity of modern (for that time) weapons in Japanese Army and warships in Fleet. On the other hand, they have shown low training level and poor equipments of Chinese soldiers and sailors. They didn't study the experience of these military actions enough attentively in Russian Empire, and this became one reason of its Army and Fleet defeat in Russian-Japanese War 1904-1905. The article is devoted to the analysis of reasons for Sino-Japanese War 1895-1896, its military actions and results for participants of conflict.

Ключевые слова: Китай, Япония, японо-китайская война, боевые действия, армия, флот.

Key words: China, Japan, China-Japanese War, military actions, Army, Fleet.

Японо-китайская война была первой широкомасштабной военной акцией, начатой правительством Японии для обеспечения своей страны колониями в азиатской регионе, точнее на территории Китая и Кореи. Подобные планы вынашивались правящими кругами Страны восходящего солнца уже давно, и, начиная с 70-х гг. XIX в., их пытались воплотить в действительность. Несмотря на отдельные успехи, обеспечить свое прочное влияние на правительства Китая и Кореи японцы не могли. Отчасти это объяснялось позицией ведущих евро-пейских стран, не желавших усиления позиций Японии на Дальнем Востоке, что могло привести к нарушению их собственных экономических интересов.

Главным источником разногласий между правительствами Китая и Японии была Корея. Эта страна, имеющая прекрасное географическое положение и значительные природные богатства, издавна привлекала к себе внимание своих могущественных соседей,

стремящихся установить в ней свое влияние. Традиционно Корея находилась в сфере интересов Китая, была его союзницей в войнах с Японией. Однако в 1876 г. китайские власти предоставили Корею возможность самостоятельно вести переговоры с иностранными державами, чем не медленно воспользовалась Япония, чтобы упрочить свое влияние в этой стране [1]. С ней были заключены договоры на торговлю, открывшие японцам несколько корейских портов. Усиление влияния японских властей на внутреннее положение страны вызвало отрицательное отношение местного населения, и в декабре 1884 г. несколько сот корейцев напали на японское посольство, разгромили его, убив нескольких сотрудников. Япония потребовала выплаты значительной суммы денег в качестве компенсации, восстановления здания посольства и выставила условием его охраны японскими войсками [2]. Однако благодаря дипломатическим усилиям Китая последнего удалось избежать. 18 апреля 1885 г. между Японией и Китаем был заключен Тяньцзиньский договор, по которому китайское

правительство отказывалось от своих исключительных прав на Корею и допускало японское вмешательство во внутренние дела этой страны [3]. Некоторые пункты этого договора представляют интерес. В частности, там было сказано: "Как Япония, так и Китай выведут свои войска из пределов Кореи. Оба государства предлагают Корее иметь войска для защиты своей самостоятельности, причем для обучения этого войска приглашать офицеров какой-нибудь третьей державы... Если одно или оба государства найдут необходимым, по взаимному соглашению, послать войска в Корею для подавления могущих там произойти крупных беспорядков, то, по миновании надобности, они должны быть отозваны обратно" [4].

Впрочем, корейские власти продолжали проводить прокитайскую политику. Это вызвало недовольство японской парламентской оппозиции, которая стала упрекать свое правительство в пассивности и неспособности защитить национальные интересы. Обстановка в Японии опасно накалилась, тем более, что проводимые там реформы имели немало противников, и члены правительства решили, что лучшим выходом из кризиса будет небольшая победоносная война. Благоприятный повод для ее начала вскоре представился.

В 1894 г. Корее началось крупное народное восстание, подавить которое своими силами корейское правительство оказалось не в состоянии. Оно обратилось за помощью к Китаю, и тот прислал свои войска. Япония также не замедлила послать свои подразделения, по своей численности превосходившие китайские в несколько раз а также сильную эскадру, как было сообщено официально, для защиты своего посольства и граждан, находящихся в Корее. Восстание было вскоре подавлено, и Китай заявил о выводе своих войск, но японское правительство отказалось последовать его примеру. Теперь у него появился хороший рычаг давления на корейские власти, которым вскоре был предъявлен ряд требований, обеспечивающих интересы Японии в Корее и ограничивающих китайские права в этой стране. Ее правительство было в принципе согласно их удовлетворить, но в качестве неперемного условия выдвигало требования о выводе японских войск. Тогда японцы выдвинули ультиматум и, не получив на него ответа, перешли к активным действиям. Их отряд взял штурмом королевский дворец, после чего корейскому правителю были продиктованы условия его освобождения, в числе которых были: отмена всех договоров с Китаем и отказ

от престола в пользу своего отца. Все эти требования были приняты [5].

Сразу же после капитуляции Кореи, Япония начала военные действия против Китая. Произошло это 25 июля 1894 г., когда японский бронепалубный крейсер "Нанива" потопил английский пароход "Коушинг", перевозивший китайских солдат. (6) Официально же война была объявлена только 1-го августа. "Таким образом, японской дипломатии принадлежит "честь" введения в международную практику нового времени обычая начинать войну без ее объявления" [7].

Любопытны декларации, в которых японский и китайский правители объявляли своим подданным и международному сообществу о начале войны между двумя государствами. Япония, к примеру, утверждала, что ее главной целью является мир, но в своем стремлении к прогрессу она желает принести дружественной Корее свободу от власти Китая, который поработил эту страну. Разумеется, китайская позиция была противоположной. В его декларации подчеркивалось, что Корея находилась в тесной связи с Китайской империей уже две сотни лет и процветала под его покровительством. Частые бунты в Корее, происходившие там в последнее десятилетие, заставили китайское правительство посылать туда войска для помощи в их подавление. Япония же, подчеркивалось в этой декларации, стремится к обострению ситуации и подчинению Ко-реи, вследствие чего с помощью своих войск осуществила там дворцовый переворот и продолжает оказывать давление на эту страну [8].

Силы обеих государств были неравными. Китай имел огромную армию в 1244000 человек, но подавляющее большинство из них было вооружено устаревшим оружием и применяли устаревшую тактику. Боеготовыми были в сущности лишь войска пекинского полевого корпуса и подразделения, расквартированные в Чжилийской провинции, вооруженные современным оружием и применявшие европейскую тактику. Они были созданы стараниями вице-короля Чжилийской провинции Ли-Хун-Чжана. Их общая численность достигала 45000 человек, из них в предполагаемом районе боевых действий должны были находиться не более 35200 человек. Подобные подразделения назывались войсками нового формирования или просто новыми. Китайская армия делилась на мелкие тактические единицы (батальон в пехоте и эскадрон в кавалерии), которые были плохо приспособлены для ведения ширококомасштабных боевых действий. Артиллерии как

самостоятельного рода войск не было. Лишь некоторые батальоны имели в своем составе орудия. Войска комплектовались по найму, поэтому не было никакого резерва живой силы. Подготовленных офицеров не хватало, так как военные училища только начали действовать. Генералы также обычно не имели специального военного образования. Тыловое снабжение было налажено очень плохо, большая часть снаряжения просто разворовывалась командирами и чиновниками. Не намного лучше положение обстоит на флоте. Единого командования китайские военно-морские силы не имели. Отдельные эскадры были подчинены местным генерал-губернаторам. Всего были четыре эскадры, наиболее сильной из них была Северная, которая и приняла участие в японо-китайской войне. Она также была сформирована Ли-Хун-Чжанем. Из 22 ее кораблей в боевых действиях использовались 12 (два броненосца, два броненосных крейсера, "крейсер береговой обороны", три бронепалубных крейсера II ранга, два небронированных крейсера III ранга, минный крейсер и посыльное судно). Казалось бы, это внушительная сила, но в реальности было не так. Большинство кораблей действительно были неплохими и боеспособными, но их командный состав отличался низкими качествами, как в плане подготовки, так и по своему моральному состоянию. Любопытно, что командиром эскадры был назначен ... кавалерийский офицер Тинг, естественно, мало разбиравшийся в тактике морских сражений. Кроме того, орудия были устаревшего типа с низкой скоростью стрельбы, а китайские снаряды имели очень плохое качество изготовления, что резко снижало их эффективность [9].

Совсем иначе дело обстояло в Японии. В этой стране издавна война считалась наиболее почетным занятием, а самураи были высшей кастой общества. Даже после отмены сословных привилегий положение изменилось мало. В 1872 г. в стране была введена всеобщая воинская повинность для мужчин в возрасте от 17 до 40 лет. Срок службы составлял 12 лет (3 года в регулярной армии, 4 года в ее резерве и 5 лет в территориальной армии). Те, кто не зачислялись на действительную службу, служили в народном ополчении. Подготовка, как рядового состава, так и офицеров была хорошо налажена и проводилась под руководством французских и германских инструкторов. Основной тактической единицей японской армии были полки, сводившие в бригады. Во время боевых действий они объединялись в дивизии, в каждой имелось по две пехотные бригады,

кавалерийский полк, полк артиллерии, инженерный и обозный батальоны. Войска были снабжены современным стрелковым оружием и артиллерией. Всего японская армия имела в своем составе одну гвардейскую и шесть полевых дивизий. Общая численность сухопутной армии достигала 171392 человек. Как видно, боеспособность японской армии была значительно выше, чем у китайской. Сходное положение наблюдалось и во флоте. Он располагал 75 кораблями различных классов, построенных частично на собственных верфях, но в основном в Англии. На судах имелось современное артиллерийское вооружение, состоящее преимущественно из скорострельных орудий среднего калибра. Личный состав японского флота был хорошо подготовлен, в его главе стоял талантливый адмирал Ито. В боевых действиях из состава флота приняли участие 11 кораблей (1 броненосный крейсер, 7 бронепалубных крейсера, устаревший казематный фрегат, устаревший корвет, вспомогательный крейсер, канонерская лодка и транспорт) [10].

Стратегический план японского командования заключался в высадке под прикрытием флота морской десант в Чемульпо с последующим наступлением в Манчжурию, при одновременном захвате Порт-Артура. Оно было уверено, что китайский флот не сможет перехватить транспорты с солдатами. Активные боевые действия, заключавшиеся пока в передислокации войск, начались 24 июля 1894 г. Первый серьезный сухопутный бой между войсками противников в Корее произошел 29 июля 1894 г., когда японский отряд под командованием генерала Осима атаковал укрепленные позиции китайских подразделений генерала Ие. Внезапный маневром, совершив ночной переход, японцы смогли неожиданно атаковать при поддержке артиллерии китайские позиции и вынудить их гарнизон к отступлению в юго-западном направлении, чтобы присоединиться к своим войскам у Пеньянга. Лишь через три дня после этого боя Япония объявила войну Китаю. В обеих странах началась мобилизация. В Стране восходящего солнца она была проведена достаточно успешно, хотя и длилась в силу различных причин с мая по сентябрь. Главнокомандующим экспедиционными силами (две дивизии - 27 тысяч человек) стал маршал Ягамато Аримото. В Поднебесной же империи, в силу особенностей ее армии, срочно набирались новые рекруты для замены тех подразделений, которые отправлялись в Корею. Было создано 50 дополнительных "инов" по 300

человек в каждом и принудительно собрано еще 35 тысяч человек. Естественно, все эти подразделения имели очень слабую подготовку и плохую экипировку. Их мобилизация и транспортировка к Пекину, который они должны были защищать, происходила медленно и с большими трудностями. Положение усугублялось тем, что китайцы не имели главнокомандующего и войска управлялись советом генералов.

Первые события японо-китайской войны 1894-1895 гг. произошли в Желтом море. После начала оккупации японцами Кореи китайское командование решило отправить в Корею 30 тысяч человек по морю. Из них около половины должны были составлять новые войска. Первая группа отправилась 21 июля под охраной броненосца и 3 крейсеров, но была встречена японской эскадрой из четырех бронепалубных крейсеров, специально выделенных для борьбы с китайскими транспортом, которые заставили ее отступить, лишь два китайских парохода смогли прорваться и высадить около 4500 человек. Стремясь развить успех, японский контр-адмирал Тсубоя, командовавший "летучей эскадрой" приказал подойти к порту Азано, где кроме подошедших транспортов находились "крейсер береговой обороны" "Цзи-Юань" и два вооруженных парохода. При появлении японцев, китайские корабли немедленно вышли в море, надеясь уйти от столкновения, но японские крейсера начали преследование. В конце концов, корабли подошли настолько близко друг к другу, что их столкновение казалось неизбежным. И тут, по официальной японской версии, "Цзи-Юань" выпустил торпеду по крейсеру "Нанива", от которой тот уклонился, дав ответный залп из бортовых орудий. Капитан Фонг, командовавший китайским кораблем, предпочел не испытывать судьбу и приказал уходить, бросив практически беззащитные транспорты. За ним погнался новейший японский крейсер "Иошино". Как это не удивительно, но "Цзи-Юань" смог уйти. Фонга приговорили к смертной казни за столь вопиющее нарушение воинского долга, но помиловали, разрешив "восстановить в бою доброе имя". Позже, это станет причиной одной из трагедий боя при реке Ялу. 24 июля "Нанива" перехватил и потопил "Коушинг" с 1200 китайцами на борту. В тот же день был потоплен и китайский вспомогательный крейсер "Нанто". Все это вынудило китайское командование отказаться от перевозок подкреплений морским путем, и в дальнейшем они отправлялись в Корею в основном через Манчжурию. Японцы же напротив перевезли свои подразделения по морю под охраной своей эскадры и высадили их в

нескольких пунктах на побережье Кореи. После этого японский флот занялся наблюдением за китайскими судами, найдя удобную стоянку в Корейском заливе [11], [12], [13].

Китайцы заняли оборонительные позиции у Пеньянга и приготовились к длительной обороне. Японцы же, закончив первой половине сентября высадку своих сил, стали готовиться к активным наступательным действиям. Их эскадра направилась к устью реки Тайтонг, протекавшей вблизи города Пеньянга, чтобы оказать поддержку своим войскам. Японцы решили атаковать главные силы китайцев с трех сторон и уничтожить их. Ударные силы японских войск состояли из двух дивизий и двух отдельных бригад под командованием генерала Нодзу из 5-ой дивизии. Всего в его распоряжении было 15.5 батальонов пехоты, 2.5 эскадрона кавалерии и 54 орудия - 15 тысяч человек. В ходе наступления японские войска имели несколько стычек с китайцами, которые с боями начали отступать. Для решительного наступления Нодзу решил разделить свои силы на четыре отряда. Основой китайской позиции был город Пеньянг со старинной каменной стеной, вокруг которого располагалось довольно большое число умело сооруженных полевых и легких укреплений. В большинстве из них имелись орудия малого калибра и пулеметы. Правда равнина перед городом была покрыта кустарником и различными плантациями, что облегчало скрытое продвижение противника к позициям. Внутри города также было построено несколько укреплений. Всего китайцы располагали около 45 тысячами человек. Подавляющее большинство из них имели на вооружении лишь холодное или примитивное огнестрельное оружие, современное стрелковое вооружение было лишь у небольшого числа лучших конных частей [14].

Японцы подошли к китайским позициям 16 сентября. На рассвете их артиллерия начала обстрел укреплений, а вскоре после этого начался штурм. Он был кровавым для обеих сторон. Потери японских войск были очень высоки. Был ранен генерал Осима, который в этом бою командовал одной из колонн. В 14 часов было решено прекратить атаки. При этом японцы достигли лишь незначительных успехов. Артиллерия продолжила обстрел города. Неожиданно китайцы начали переговоры о перемирии до утра. Это было необходимо им, чтобы подготовить контратаку японских войск и прорыв из города, чтобы избежать окружения. В 20 часов началась атака китайцев, которая позволила 6 тысячам человек уйти на север. На следующий день японцы вступили в город. В

целом, можно сказать, что китайская армия проиграла сухопутную кампанию в Корее из-за своей плохой оснащенности, тактической слабости и отсутствия должной подготовки у командования, отличавшегося, к тому же, несогласованностью своих действий [15].

Что касается морских боевых действий, то японская эскадра под командованием адмирала Ито появилась у корейских берегов задолго до официального объявления войны. Перед ним ставилась задача прикрыть высадку своей сухопутной армии с транспортов и, напротив, сорвать высадку китайских войск. Отдельные операции против транспортных кораблей Китая, как уже говорилось выше, японцы начали проводить практически сразу же после своего появления. 10 августа Ито попытался атаковать китайский флот на его базе в Вэйхайвэе, но в то время кораблей там не оказалось. В планах китайского командования кораблям предписывалось воздерживаться от активных наступательных действий и, прежде всего, оборонять Чжилийский залив. Однако вскоре стало ясно, что быстро перебрасывать необходимые подкрепления по суше не удастся, и эскадре было поручено охранять транспорты с войсками. 13 сентября корабли прибыли в Порт-Артур. Прежде чем конвоировать транспортные корабли, Тинг решил в некоторое нарушение приказа пройти вдоль побережья Кореи с целью поиска японцев, но два дня крейсирования не дали никаких результатов. Поэтому Тинг вернулся, и в ночь на 16 сентября вышел в море вместе с транспортом. В его распоряжении было 10 больших боевых кораблей и 2 миноносца. В эскадре были также 6 транспортов с 5000 человек из лучших подразделений. В 14 часов того же дня корабли прибыли к устью реки Ялу и стали высаживать войска. Адмирал Ито узнал о выходе китайских транспортов в море и отправился со своей эскадрой на их поиски. Однако ему не было сообщено о том, что китайский флот также находится в море и сопровождает транспорты, поэтому встреча с эскадрой Тинга утром 17 сентября была для него полной неожиданностью. Китайцы же увидели японские корабли на 1.5 часа раньше, что дало им время подготовиться. Инструкции Тинга своим подчиненным были предельно простыми. Командирам китайских кораблей предписывалось действовать само-стоятельно, стараясь сблизиться с японцами на максимально меньшее расстояние и поразить их своим артиллерийским огнем. Японский адмирал, напротив, отдал четкие распоряжения. Он разделил свою эскадру на два отряда. В первый,

летучий, входили четыре бронепалубных крейсера. Остальные силы, включающие в себя броненосный крейсер, три бронепалубных крейсера с тяжелым вооружением, канонерку, устаревшие фрегат и корвет, а также транспорт, составили второй отряд. Оба соединения двигались в кильватерном строю. План Ито предусматривал окружение китайского флота и его уничтожение с дальней дистанции артиллерийским огнем. Особенно опасался адмирал китайских броненосцев, к которым японским кораблям вообще было запрещено подходить близко. Китайские корабли были построены в виде полумесяца, обращенного выпуклой стороной к противнику. В его центре стояли броненосцы и броненосные крейсера, на флангах - бронепалубные и неброненосные крейсера, канонерки. Атаку начали японские крейсера летучего отряда, напав на два китайских небронированных крейсера, стоявших на правом фланге. Вскоре те загорелись и были вынуждены выбраться на мель. Главные силы японцев после некоторой перестрелки с бронированными кораблями китайцев пошли на соединение со своими крейсерами из первого отряда. Тем временем 4 китайских крейсера устремились в атаку на три легких корабля (корвет, канонерку и вооруженный транспорт), отставших от основной японской эскадры. Эти корабли получили повреждения, но были спасены подходом летучего отряда, с которым и вступили в бой китайцы. Соединившись, обе японские эскадры окружили основные силы китайцев. Китайские корабли были повреждены, один крейсер пошел на дно. Тем не менее, они продолжали отражать атаки неприятеля, лишь капитан Фонг на своем "Цзи-Юане" вновь поспешил покинуть место битвы, протаранив и потопив при бегстве одного из своих горящих собратьев. Вместе с тем, японские корабли получили серьезные повреждения. Все это заставило Ито отдать приказ о прекращении боя. Сражавшиеся эскадры разошлись в противоположные стороны. На дне Желтого моря оказались четыре китайских крейсера, остальные корабли получили повреждения различной степени тяжести. Японцы не потеряли ни одного своего корабля, но четыре из них требовали серьезного ремонта. В целом, несмотря на тяжелые потери, китайцы выполнили свою главную задачу - прикрыть транспорты и тем самым обеспечить высадку войск [16, 17, 18].

После наземного сражения у Пеньянга и морского боя при реке Ялу японцы получили полный контроль над Кореей. Но теперь они решили перенести боевые действия на

территорию собственно Китая. Маршал Ямагата получил приказ захватить Ляодунский полуостров и все побережье Чжилийского залива. Однако предварительно следовало упрочить свое положение в самой Корее. Там организовывалось японское гражданское управление, во всех городах и крупных населенных пунктах размещались японские гарнизоны, которые со-ставили территориальные войска 6-ой дивизии (20000 человек). Это не мешало жителям Кореи организовывать партизанские отряды и всеми возможными способами наносить вред японцам. Еще одну сложность составляло тыловое обеспечение, но эту проблему удалось решить, несмотря на некоторые сложности. Тем временем, эскадра адмирала Ито стала появляться у китайских портов, а в Японии была сформирована 2-я армия из двух дивизий, во главе которой встал военный министр, маршал Ойяма. Эти войска были подготовлены к переброске морем на театр военных действий.

Тем временем в Корею для преследования отступающих китайских частей 4 октября был послан генерал Нодзу с отрядом кавалерии и пехотным полком. Его подразделения вышли к пограничной реке Ялу, смогли переправиться на китайский берег и занять там плацдарм для сосредоточения основных подразделений японской армии, которые подошли к переправе к 24 октября. В тот же день через реку переправился авангард японских войск и, вступив под командованием генерала Нодзу в бои с китайскими подразделениями, обеспечили переправу всей армии, которая завершилась утром 26 октября. Сразу же после этого войска атаковали главную китайскую позицию у Тюренчена. Благодаря огромному преимуществу в силах, японцам удалось довольно легко разбить китайские части [19].

Главной целью второй армии из двух дивизий и осадной артиллерии (28 тысяч человек), посылаемой японским командованием в Китай, было взятие Порт-Артура. Это была важнейшая военно-морская база китайского флота. Она имела все необходимое оборудование для обслуживания кораблей и мощные укрепления, особенно со стороны моря. Гарнизон крепости включал в себя 7 тысяч хорошо обученных солдат и 8 тысяч рекрутов. Исходя из своей информации о состоянии крепости, японское командование решило, что штурм ее укреплений с моря бесперспективен, поэтому, согласно разработанному плану, флоту отводилась лишь вспомогательная роль, а основная тяжесть осадной операции должна была лечь на 2-ую

армию. Отправка войск под стены Порт-Артура началась 16 октября, когда в море вышли 50 транспортов под охраной эскадры Ито. В связи с некоторыми трудностями с поиском удобного места для высадки десанта и с ее организацией в выбранном пункте, доставить армию на китайский берег удалось лишь в последних числах октября, после чего японцы приступили к блокаде крепости. 4 ноября крупные силы японской армии начали атаку левого фланга китайских позиций, захватив 6 ноября город Цзинь-чжоу, после чего войска перешли в наступление против города Талиенван, расположенном в одноименном заливе. Этот город был очень хорошо укреплен и имел сильный гарнизон, поэтому его атаковали одновременно и с суши, и с моря. Но китайцы почему-то решили оставить этот очень важный объект без боя, что выглядит очень странно. Так японцы получили в свое распоряжение удобный и хорошо защищенный порт, поэтому дальнейшая транспортировка войск и грузов существенно облегчилась. Тем временем отправленный на разведку крейсер доложил, что китайский флот покинул Порт-Артур и находится в Вэйхайвее.

К активным действиям против крепости японцы приступили 17 ноября, когда они выступили из захваченных городов. Всего в распоряжении маршала Ойямы имелись одна дивизия, одна бригада из состава другой, а кроме того осадная артиллерия и инженерные части (всего около 20 тысяч человек, 78 легких полевых и горных орудия, 30 тяжелых осадных). После небольших стычек с китайцами, они подошли к стенам Порт-Артура. Часть ее гарнизона предприняла вылазку, но была отбита. После этого на рассвете 21 ноября японские войска пошли на штурм. Они были построены тремя колоннами, осадная артиллерия находилась на правом фланге. После тяжелых боев, в ходе которых наступающие понесли большие потери, к полудню японцы смогли овладеть сухопутной линией обороны китайских войск. Теперь перед ними стояла задача - захватить город и приморские укрепления. Полностью это удалось сделать к вечеру следующего дня. Японский флот в этой операции практически не принимал участия, лишь оказывая артиллерийскую поддержку с большой дистанции. Кроме того, был организован диверсионный рейд, когда 23 миноносца прорвались в гавань и уничтожили два стоявших там парохода. После захвата крепости, Ойяма отправил имевшуюся в его распоряжении бригаду в Манчжурию для совместных действий с 1-ой армией. Анализируя итоги войны,

российское командование так оценило эти события: "Японцы овладели самыми сильными укреплениями, почти не встретив серьезного сопротивления, и с наступлением темноты в руках их были все форты, адмиралтейство и гавань" [20]

Последняя тем временем преследовала отступавших китайцев. Главной ее задачей на этот период было достижение долины реки Ляохэ и захват расположенного там крупного города Ньючжуана. В ходе своего продвижения японцы имели много сражений с силами китайской армии. Они смогли захватить не-сколько небольших городов.

В начале 1895 г. главной задачей японцев стал захват Вэйхайвея. Это была сильная крепость и единственная оставшаяся в распоряжении китайского флота крупная и хорошо оборудованная стоянка. Как и в Порт-Артуре, особенно хорошо крепость была защищена с моря, а с суши укрепления были более легкими. Гарнизон крепости составлял около 9000 человек, из которых хорошо подготовленными и вооруженными солдатами было 6000, а остальные - рекруты. На стоянке находились главные силы Северного флота Китая, уцелевшие после битвы при Ялу: два броненосца, два броненосных крейсера, бронепалубный крейсер, небронированный крейсер, учебное судно, 6 канонерок и 12 миноносцев. Причем, благодаря удобству своей стоянки, флот мог принять деятельное участие в обороне крепости. Для ее штурма в Японии была сформирована 3-я армия из двух дивизий (27 тысяч человек), которая отправилась на театральные действия 10 января 1895 г. и прибыла туда 14 января. Однако для маскировки истинных намерений эскадра направилась с начала в Талиенван, где приняла еще одну бригаду, осадную артиллерию и штаб маршала Ойямы, который стал ее командующим. 2-ая же армия была расформирована. Одна ее бригада была послана к 1-ой армии на север, а остальные войска переведены на гарнизонную службу в Цзиньчжоу, Талиенване и Порт-Артуре. Одновременно летучая эскадра из соединения Ито устраивала показательные маневры у китайских берегов и даже смогла захватить порт Тэнгчуфу. К месту высадки транспортная эскадра подошла к рассвету 20 января. Надежды японцев на неожиданность не оправдались. Там случайно оказался китайский отряд (500 человек с 4 легкими пушками), который отбил первую попытку высадки и успел сообщить о ней своему командованию. К крепости японские войска подошли 26 января. Первые попытки овладеть укреплениями не удалась. Их новая атака

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

началась рано утром 30 января. В завязавшемся жестоким бою участвовали и флота противоборствующих сторон. К 14 часам японцы овладели уже всеми береговыми и наземными укреплениями Вэйхайвея. Активность японского флота сковывала боязнь минных заграждений. Атака же отряда канонерок позиции китайского флота оказалась неудачной, так же, как и последовавшая за ней аналогичная попытка 4 японских крейсеров. 1 февраля разыгрался сильный шторм, поэтому основные силы японской эскадры были вынуждены отойти. Тинг этого не заметил, поэтому не смог воспользоваться случаем спасти свою эскадру. Только 2 февраля возобновились активные боевые действия. На следующий день японцы захватили все береговые укрепления китайцев, которые удерживали теперь лишь форты на островах. Однако вести активный обстрел китайских судов японцы не решались, так как опасались, что в такой случае они выйдут в море и смогут причинить большой вред эскадре Ито. Было решено прибегнуть к ночной торпедной атаке. В результате нее ценой гибели одного миноносца японцы потопили один из китайских броненосцев. На следующую ночь была проведена аналогичная атака. На этот раз были потоплены китайские броненосный крейсер, учебное судно и транспорт. После этого Ито решил приступить к активным действиям, и корабли его эскадры стали обстреливать островные форты и китайские корабли, однако без особого успеха. Из гавани попытались выскользнуть 12 китайских миноносцев, но атака двух японских крейсеров заставила их выброситься на берег. Несколько дней прошли в такой же бесцельной перестрелке. Тинг надеялся получить подкрепления, но полученная телеграмма сообщала, что их не будет. Поэтому он решил капитулировать. В качестве условия он поставил возможность свободной эвакуации личного состава эскадры и островных фортов. Маршал Ойяма и адмирал Ито согласились на это, но потребовали сдачи кораблей, порта и арсенала. Не вынеся позора, китайский адмирал отклонил любезное предложение японского адмирала (с которым прежде был в дружеских отношениях) стать "почетным гостем" Японии и покончил с собой, это же сделали и комендант острова, начальник его гарнизона и командир уцелевшего броненосца. 14 февраля 1895 г. японский флот вошел в гавань Вэйхайвея. Японцам достались форты, все ценные портовые сооружения, большие запасы продовольствия и боеприпасов и китайские корабли - броненосец, броненосный крейсер, небронированный крейсер, минный

крейсер и 6 ка-нонерок [21].

Тем временем на севере 1-ая армия с присоединившейся к ней бригадой продолжала вести бой с китайскими войсками. Японцы имели 32 тысячи человек, китайцы же располагали 65 тысячами человек, разбитых на три отряда. Японские подразделения укрепились на захваченных позициях, в то время как китайцы с конца января по конец февраля предприняли многочисленные попытки атаковать японцев, но каждый раз их отбивали. После этого японцы перешли в наступление, направляясь к Ньючжуану, как обычно разделившись на несколько отрядов. 4 марта японцы подошли к городу. Он имел некоторые укрепления и гарнизон в 20 тысяч человек. Его штурм был очень тяжелым, так как защитники отстаивали каждый дом. Полностью захватить город японцы смогли лишь поздно ночью.

Одновременно одна из бригад японцев штурмовала город Инкоу. Сам он был защищен слабо, но вокруг него имелись мощные форты с тяжелой артиллерией. Китайцы пытались остановить японцев контратакой на открытом пространстве, но были отброшены обратно в город. Китайская тяжелая артиллерия с фортов смогла нанести японским войскам серьезные потери и приостановить их наступление. Штурм города начался ночью, и он пал к 14 часам следующего дня. Упорное сопротивление гарнизона города помешало бригаде отрезать пути отступления китайских войск от Ньючжуана, что позволило китайскому генералу Сунгу отвести 11 тысяч человек за реку Ляохэ и укрепиться около города Тяньцзуантая. Японский генерал Нодзу оставил одну из двух своих дивизий для окончательного установления контроля над Ньючжуаном, а сам со второй дивизией начал преследование Сунга. К Тяньцзуантаю отправилась также и бригада генерала Ноги. Японцы подошли к городу 9 марта, после чего подвергли его сильному артиллерийскому обстрелу и лишь затем пошли на штурм. Отступающие китайские части подошли к городу и отступили, после чего японцы беспрепятственно вошли в него.

В ходе отступления китайских войск ими оставалось дорогостоящее европейское оружие и артиллерия, достававшиеся японцам. Один из русских агентов в Китае писал по этому поводу: "Сколько миллионов денег, сколько труда убито для того, чтобы быть позорно брошенными в несколько часов, даже без попытки утилизировать все имеющееся под рукой. Все эти миллионы пошли только на то, чтобы дать нажить господам Мандль и К, да нескольким мандаринам" [22].

Тем временем, китайский император под впечатлением многочисленных поражений китайской армии и флота решил начать переговоры с японским правительством о мире. Но два его первых посланника не имели особых полномочий, поэтому переговоры сорвались. После взятия Вэйхайвея положение китайцев стало настолько тяжелым, что все высшие сановники высказались за немедленные переговоры о мире. Ли-Хун-Чжан, попавший незадолго до этого в опалу, был восстановлен в положении и назначен вести переговоры о мире и 19 марта прибыл в Симоносеки, где по требованию японцев должны были проводиться переговоры. Однако японская делегация выставила слишком тяжелые условия, которые Ли-Хун-Чжан нашел абсолютно неприемлемыми и отказался их принять. Когда он возвращался, на него было совершено покушение, и он был ранен. 31 марта было заключено кратковременное перемирие, а после выздоровления Ли-Хун-Чжана продолжились переговоры и 17 апреля был заключен так называемый Симоносекский предварительный мирный договор на очень тяжелых для Поднебесной империи условиях: 1) Китай признает независимость Кореи; 2) Китай уступает Японии остров Формозу (Тайвань) с Пескадорскими островами, южную часть полуострова Ляодун с городами Ньючжуан, Антунг и Порт-Артур; 3) Китай уплачивает Японии контрибуцию в 200 миллионов лан (300 миллионов иен); 4) Китай заключает с Японией торговый договор на условиях, выгодных для последней, открывает ряд портов для торговли с ней и предоставляет ей ряд торговых привилегий; 5) крепость Вэйхайвей остается под контролем японских войск до выплаты первых 100 миллионов лан контрибуции. Китайцы соглашались на все эти условия, но отказывались передать японцам остров Ляодун. Неизвестно, чем закончились бы эти переговоры, если бы их результатами были не удовлетворены ведущие европейские державы - Россия, Германия и Франция, которые не желали чрезмерного усиления Японии в ущерб своим интересам в этом регионе. После демонстрации силы, устроенной этими державами, посланными 53 боевых корабля и, учитывая сильную русскую армию, стоявшую на границах Манчжурии и Кореи, японское правительство согласилось отказаться от своих требований на Ляодун, но увеличило размер контрибуции до 350 миллионов иен. Окончательно все вопросы были согласованы к 8 мая, когда состоялось окончательное заключение договора и отдельного

соглашения по Ляодунскому полуострову [23].

Очень важное значение для японцев имели Пескадорские острова и остров Формоза, занимавшие стратегически важное положение и располагавшие значительными природными богатствами. Для захвата этих территорий было решено сначала организовать базу в этом районе, в качестве таковой был выбран остров Понгху, на котором имелся китайский форт. 22 марта 1895 г. там неожиданно появилась японская эскадра из 12 кораблей с 3 тысячами человек десанта на борту. Командовал этим соединением адмирал Ито. На следующий день началась артиллерийская перестрелка с фортом, в ходе которой китайцы потопили 2 корабля и повредили остальные. Исход сражения решил десант, высаженный японцами на следующий день, который захватил крепость. Надо заметить, что Южная эскадра китайского флота, состоявшая из 20 устаревших кораблей, даже и не попыталась помешать японцам и без боя разошлась по портам Южного Китая. Несмотря на эпидемию холеры, унесшей жизни почти половины десантного отряда японцев, они решили захватить Формозу, для чего была организована эскадра из 30 боевых и транспортных кораблей. Они высадились в южной части острова и захватили порт Такао, но развить успех не смогли. Эти результаты не удовлетворили японское командование, поэтому был разработан план по захвату города Нанкина (южной столицы Китая) и одной из главных водных артерий страны - Великого (Императорского канала). Эскадра Ито стала готовиться к этой операции, обстреляв город Хайчжоу (около 135 км от канала) и высадив десант, который захватил город. В Японии началась подготовка 4-ой армии, предназначенной для выполнения этой операции, но подписанный в Симоносеки договор приостановил эту подготовку. Тем временем на Формозе вспыхнуло восстание против японцев, во главе которого встали несколько генералов-китайцев и китайский губернатор острова. Формоза была объявлена независимой республикой. Но японцы послали на подавление восстания значительные силы из гвардейской бригады и пехотного полка, во главе которых был поставлен генерал Осима. 23 мая на остров прибыл адмирал Кабайяма, назначенный его генерал-губернатором. 1 июня там высадились войска, и к середине месяца восстание было жестоко подавлено.

Японо-китайская война стала важным рубежом в развитии Японии. За пять лет, начиная с 1894 г., втрое увеличилась сумма денежных средств, вложенных в развитие национальной

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

промышленности, резко возрос объем внешней торговли. Так, прежде отсталая, полузависимая страна неожиданно за несколько десятилетий сама стала крупной колониальной державой. Одновременно эта война показала растущую слабость Китая с его огромным населением и богатейшими природными богатствами, которые в условиях того времени не смогли обеспечить экономическое развитие, политическое и военное могущество этой страны.

1. Нозиков Н. Японо-китайская война 1894-1895 гг. М., 1939.

2. FORERUNNERS, THE SINO-JAPANESE WAR. // Сайт The Russo-Japanese War Research Society.

3. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 // Сайт The Russo-Japanese War Research Society.

4. Нозиков Н. Японо-китайская война 1894-1895 гг. М., 1939. С. 7-8.

5. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 // Сайт The Russo-Japanese War Research Society.

6. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 // Сайт The Russo-Japanese War Research Society.

7. История дипломатии. Т. II. М., 1945. С. 113.

8. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 // Сайт The Russo-Japanese War Research Society.

9. First Sino-Japanese War // Сайт Answers.com.

10. First Sino-Japanese War // Сайт Answers.com.

11. Японо-китайская 1894 года. Бой у порта Азан // Сайт Battle-ships.spb.ru.

12. История создания и службы "эльзвикских" крейсеров - итальянских, испанских, японских и чилийских бронепалубных крейсеров английской постройки, 1880-х годов. // Сайт Battleships.spb.ru.

13. Потопление парохода "Коушинг" крейсером "Нанива". // Сайт Battleships.spb.ru.

14. Нозиков Н. Японо-китайская война 1894-1895 гг. М., 1939.

15. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 // Сайт The Russo-Japanese War Research Society.

16. Нозиков Н. Японо-китайская война 1894-1895 гг. М., 1939.

17. История создания и службы японских и китайских крейсеров 1880-х годов. // Сайт Battleships.spb.ru.

18. История создания и службы германских броненосцев 1880-х годов. // Сайт Battleships.spb.ru.

19. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 //

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Сайт *The Russo-Japanese War Research Society*.

20. Сборник материалов по военно-морским вопросам. Вып. 1. Японо-китайская война, изд. Военно-морского учебного отдела Главного морского штаба, СПб., 1896. С. 361

21. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 /

/ Сайт *The Russo-Japanese War Research Society*.

22. Архив Министерства иностранных дел (АМИД), китайский стол, д. 113, л. 92.

23. THE SINO-JAPANESE WAR. 1894-1895 // Сайт *The Russo-Japanese War Research Society*.

Герасименко Лия Владимировна

заместитель начальника отдела правового и кадрового обеспечения
Краснодарского территориального фонда обязательного медицинского страхования
(тел.: 89184577186)

Компенсация морального вреда как форма ответственности медицинской организации

Аннотация

Автор статьи исследует компенсацию морального вреда как форму ответственности медицинской организации. Автор освещает вопросы понятия морального вреда, порядок его компенсации медицинской организацией, права застрахованных лиц в случае оказания некачественной медицинской помощи, ответственность медицинской организации.

Annotation

Author of the article explores the non-pecuniary damages as a form of responsibility of the medical organization. The author covers the issues the concept of moral harm, the order of compensation for moral damage medical organization, the rights of the insured in case of providing substandard care, the responsibility of the medical organization.

Ключевые слова: договор, вред, ответственность, медицинская организация, страховая медицинская организация.

Key words: contract, injury, liability, medical organizations, medical insurance companies.

Требования о возмещении вреда, связанного с ненадлежащим оказанием медицинской услуги, как правило пациент сопровождает требованием о компенсации морального вреда, под которым понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями, посягающими на личные неимущественные права, либо на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Моральный вред подлежит компенсации также при нарушении имущественных прав граждан в случаях, предусмотренных в законе (например, в законе "О защите прав потребителей"). Вред компенсируется в денежной форме и его объем зависит от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степени вины нарушителя, а также учитываются требования разумности и справедливости (ст. 1101 ГК РФ). Данная санкция применяется при наличии вреда, вины, противоправного поведения и причинной связи, поэтому следует признать её мерой

ответственности. Но в ряде случаев моральный вред компенсируется независимо от вины (ст. 1100 ГК РФ), например, когда вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности.

К.Б. Ярошенко полагает, что "компенсация морального вреда - это бесспорно гражданско-правовая ответственность" [1]. По мнению Е.А. Михно, "компенсация морального вреда в первую очередь преследует цели наказания и превенции" [2].

Н.С. Малеин отмечает, что "для правонарушителя обязанность компенсировать причиненный им нравственный ущерб является мерой ответственности (карой, наказанием), которая имеет также превентивное значение в охране прав личности" [3].

Данная санкция является мерой ответственности и относится к группе компенсационных мер, так как согласно п. 2 статьи 1101 ГК размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от объема и степени причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. Вред

должен быть доказан и окончательная сумма в денежном выражении, подлежащая компенсации, должна быть определена исходя из этого, а не браться с "потолка".

Данная мера ответственности носит внедоговорный характер. Позиция Верховного суда РФ, изложенная в постановлении от 20 декабря 1994г. №10 "О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда", сводится к тому, что юридическое лицо вправе обращаться с требованиями о взыскании морального вреда [4].

Из практики же арбитражных судов виден противоположный подход. Поскольку юридическое лицо не может испытывать физических и нравственных страданий, ему невозможно причинить моральный вред. Поэтому, исходя из смысла статей 151-152 Гражданского кодекса Российской Федерации, право на компенсацию морального вреда предоставлено только физическому лицу. Представляется, что позиция ВАС РФ по этому вопросу является более убедительной и обоснованной.

Нравственные, а тем более физические страдания может претерпевать гражданин. В случае, если у юридического лица нарушаются неимущественные права, например, право на деловую репутацию, и этим причиняются убытки, необходимо защищать нарушенное субъективное право с помощью других мер, но не требовать компенсации морального вреда. Среди мер ответственности таковой может быть возмещение убытков. А когда их нет, юридическое лицо вправе требовать опровержения распространенных сведений, порочащих его деловую репутацию (п. 5 и 7 ст. 152 ГК).

Положения ст. 15 Закона "О защите прав потребителей" вслед за ст. 151 ГК РФ устанавливают, что пациент вправе потребовать компенсации ему морального вреда, причиненного вследствие нарушения исполнителем его законных прав. Однако законодателем тут же определены границы использования данного права пациентом: моральный вред подлежит компенсации только при наличии вины причинителя - исполнителя медицинской услуги. На этот счет следует заметить, что для потерпевшего не имеет значения виновно или невиновно ему был причинен вред. Как было отмечено ранее, характерным признаком гражданско-правовой ответственности является восстановление прав и состояния потерпевшей стороны в результате ненадлежащего исполнения обязанным лицом

своих обязанностей. Это приводит к выводу, что любой вред причиненный пациенту "действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага" (ст. 151 ГК РФ), или пациенту-потребителю вследствие нарушения его прав как потребителя (ст. 15 Закона "О защите прав потребителей"), должен возмещаться независимо от вины - такое положение более справедливо и гуманно по отношению к потерпевшему-пациенту.

Высказанная точка зрения не может считаться противоречащей основополагающему принципу ответственности при наличии вины [5].

В научной литературе отмечалась нецелесообразность "слишком частого отступления от принципа ответственности за вину, даже во имя благородных целей" [6]. Учитывая сложность доказывания наличия причинной связи между совершенными исполнителем медицинской услуги действиями и наступившими последствиями, а также наличия причиненных убытков для пациента, размер подлежащего компенсации морального вреда становится практически единственным "возмещением". Зачастую пациент вообще ничего не получает на заявленные иски требования в адрес медицинской организации [7]. Следует согласиться с авторами, которые считают, что если потерпевшему не удалось отстоять свое право на возмещение по иным основаниям, то он должен получить компенсацию за моральный вред [8].

Ненадлежащее исполнение медицинской организацией своих обязанностей может причинить пациенту неимущественный вред в форме нравственных страданий, в частности, при разглашении информации, являющейся врачебной тайной. Размер возмещаемого морального вреда при этом зависит от объема и характера распространенных сведений, составляющих врачебную тайну; широты распространения сведений; состава лиц, получивших информацию.

В случае неправомерных действий медицинской организации, которые привели к смерти пациента (близкого для истца человека), могут быть использованы следующие критерии определения размера компенсации за переживание утраты: степень близости погибшего и истца, характер их взаимоотношений, семейное положение истца, способ получения информации о смерти. Очевидно, размер компенсации должен быть больше при гибели наиболее близких членов семьи - детей, супруга, родителей, родных братьев и сестер. При предъявлении родителями

иска о возмещении морального вреда в случае гибели ребенка имеют значение и другие обстоятельства, например, был ли погибший единственным ребенком, могут ли пережившие его родители в будущем иметь детей.

При оказании медицинских услуг гражданам вопрос о компенсации морального вреда должен решаться по аналогии с решением данного вопроса (о компенсации имущественного вреда) ст. 1095 ГК РФ (п. 4 ст. 14 Закона "О защите прав потребителей"), т.е. независимо от вины причинителя вреда. Учитывая, что на медицинские отношения распространяются правила ст. 1100 ГК РФ в части причинения вреда жизни или здоровью, профессиональной медицинской деятельности можно придать квалифицирующие признаки деятельности, представляющей потенциальную опасность для услугополучателя, т.е. пациента и в законодательном порядке установить режим ответственности медицинской организации при отсутствии вины.

Содержанием ст. 38, 39 Федерального закона "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" предусмотрена ответственность страховой медицинской организации и медицинской организации.

Одновременно, в той же статье в ч.8 ст. 39 Федерального закона "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" установлена ответственность медицинской организации за неоказание, несвоевременное оказание или оказание медицинской помощи ненадлежащего качества по договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию в виде уплаты штрафа в порядке и размере, которые установлены указанным договором.

Далее, из смысла ст. 16 Федерального закона "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" следует, что застрахованные лица "имеют право на возмещение страховой медицинской организацией ущерба, причиненного в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ею обязанностей по организации предоставления медицинской помощи, в соответствии с законодательством Российской Федерации; возмещение медицинской организацией ущерба, причиненного в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ею обязанностей по организации и оказанию медицинской помощи, в соответствии с законодательством Российской Федерации". В итоге, используя прямой смысл Закона об обязательном

медицинском страховании в Российской Федерации застрахованный не может сделать вывод к кому конкретно предъявлять иск и кто является субъектом возмещения, т.е. надлежащим ответчиком по иску застрахованного.

Следует согласиться с высказанным в литературе мнением, что с иском о возмещении вреда здоровью застрахованный должен обращаться к непосредственному причинителю вреда, т.е. к медицинской организации [9].

По нашему мнению, страховщика нельзя упрекнуть в неправильном выборе медицинской организации для реализации программы ОМС или ДМС с точки зрения технической оснащенности и укомплектованности специалистами. Медицинская организация обязана оказывать пациенту квалифицированную медицинскую помощь - своевременную, безопасную и эффективную. Соответствие медицинской услуги перечисленным требованиям определяется с помощью стандартов диагностики и лечения заболеваний, знание и соблюдение которых является профессиональной обязанностью медика, но не страховщика.

Данное мнение подтверждается ст. 38 Закона об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации. Одной из главных обязанностей страховой медицинской организации является защита прав и законных интересов застрахованных лиц, в том числе путем предъявления в судебном порядке иска к медицинской организации о возмещении вреда, причиненного застрахованному в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Далее, наиболее дискуссионным является вопрос, несет ли страховая медицинская организация ответственность за причинение вреда жизни и здоровью застрахованного вследствие некачественного лечения.

Какой бы спецификой ни обладало медицинское страхование, обязанностью страховщика всегда будет выплата определенной денежной суммы (денежное обязательство). Это утверждение тем более справедливо в отношении договоров ДМС, имеющих рисковую природу, но все же возмездных и направленных в своей совокупности на эквивалентный обмен благами между страховщиком и страхователями.

В договоре ДМС, на случай проведения сложных и опасных медицинских манипуляций, в качестве самостоятельных страховых рисков могут быть указаны некоторые послеоперационные осложнения и даже смерть пациента в результате медицинского

вмешательства.

Даже при наступлении подобных последствий по причине непрофессиональных врачебных действий обязанность страховщика ограничивается выплатой предусмотренного договором страхового возмещения (в пределах страховой суммы). Вред, причиненный здоровью застрахованного, возмещается медицинским учреждением самостоятельно.

Страховая медицинская организация может быть привлечена к ответственности по возмещению вреда здоровью застрахованного лишь тогда, когда наступление такого вреда находится в непосредственной причинной связи с нарушением страховщиком законодательства о медицинском страховании или неисполнением договора медицинского страхования, в частности при заключении договора на оказание и оплату медицинских услуг с медицинским учреждением, не имеющим лицензии, при необоснованном отказе гражданину в выдаче страхового медицинского полиса. Обычно задержка с получением полиса вынуждает больного обратиться за платной медицинской помощью, что может стать основанием для предъявления иска к страховой компании о возмещении расходов. Не исключена и такая ситуация, когда, не имея возможности без страхового полиса получить плановую медицинскую помощь, гражданин вынужден откладывать обращение к врачу, что, как правило, отрицательно сказывается на состоянии его здоровья и заканчивается оказанием экстренной медицинской помощи, на которую приходится большая часть врачебных ошибок (неверная диагностика, поздняя госпитализация и др.). Но даже в этом случае страховщик и медицинская организация возмещают вред застрахованному гражданину в долевом порядке - каждый за собственные противоправные действия (бездействие).

Ненадлежащее исполнение договора ДМС может сопровождаться причинением вреда застрахованному вследствие некачественного медицинского обслуживания. Соответственно, гражданин вправе предъявить к страховщику требование о расторжении договора страхования и возврате страховой премии (договорный иск), а к медицинской организации - требование о

возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (деликтный иск). Если к иску из нарушения договора ДМС применяется общий трехлетний срок давности, то на требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, исковая давность не распространяется (ст. 208 ГК РФ) [10].

1. Ярошенко К.Б. Понятие и состав вреда в деликтных обязательствах. В кн.: Проблемы современного гражданского права. М., 2000. С. 335.

2. Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Спб., 1998.

3. Малейн Н.С. О моральном вреде. // Государство и право. 1993. №3. С. 34.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 1 декабря 1998г. №813/98. В кн.: Споры о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда. Сборник документов. / Под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2000. С. 123.

5. Шевчук С.С. Гражданско-правовое регулирование договора возмездного оказания медицинских услуг. Ростов, 2001. С. 174.

6. Шевчук С.С. Указ. соч. С. 174. Сергеев Ю.Д., Ломакина И.Г., Канунникова Л.В. Неустойка как форма гражданско-правовой ответственности при медицинском вмешательстве // Медицинское право 2006 № 1.

7. Марусин И.С. Возмещение морального ущерба в новом ГК РФ // Правоведение. 1997. № 1. С. 92.

8. Козлова Н., Кратенко М. Ответственность страховой медицинской организации перед застрахованными (гражданами) по договорам обязательного и добровольного медицинского страхования // Право и экономика, 2005 №12.

9. Козлова Н., Кратенко М. Ответственность страховой медицинской организации перед застрахованными (гражданами) по договорам обязательного и добровольного медицинского страхования // Право и экономика, 2005 №12.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук, доцент
начальник кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583831)

Особенности виктимизации этнических меньшинств

Аннотация

Статья посвящена особенностям виктимизации этнических меньшинств. В ней дается определение понятий стабильная и лабильная виктимность, раскрывается проблема негативного отношения к этническим меньшинствам, в том числе и в аспекте детерминации криминальных посягательств, а также определены факторы изменения параметров виктимности отдельных социальных страт и групп населения в современных условиях напрямую связанных с глобализацией.

Annotation

This article is devoted to the peculiarities of victimization in ethnic minorities. The definition of such notions as stable and lable victimity, the problem of negative attitude to the ethnic minorities are discussed in this article, the factors of changes of victimity in different social population groups in modern conditions are connected with globalization.

Ключевые слова: виктимность, виктимизация, степень виктимности, факторы виктимизации, криминальная виктимность, криминогенная виктимизация, толерантность, этнические меньшинства, глобализация.

Key words: victimity, victimization, degree of victimity, factors of victimization, criminal victimity, criminal victimization, tolerance, ethnic minorities, globalization.

Степень виктимности может различаться в зависимости от типа общественного устройства, обуславливающего положение в обществе женщины, ребенка, старика. Однако представители данных категорий будут неизменно отличаться высокой степенью уязвимости в силу того, что особо значительную роль здесь играют факторы внесоциального происхождения. Такая виктимность может быть определена как стабильная.

Лабильной может быть названа криминальная виктимность, в формировании которой определяющую роль играют социальные факторы: положение в обществе; система общественных отношений, обуславливающих характер и способы взаимодействия с представителями конкретных социальных групп; уровень толерантности в обществе и др. Так, толерантное (и даже дружелюбное) отношение населения к мигрантам-гастарбайтерам,

характерное для Германии первого послевоенного десятилетия, в 80-е годы сменилось резко враждебным отношением [1].

Проблема негативного отношения к этническим меньшинствам, в том числе и в аспекте детерминации криминальных посягательств, была одной из наиболее острых в любом обществе. Уже первые формы самоорганизации социума были связаны с идентификацией по принципу "свой" - "чужой". Формирование крупных многонациональных государств, появление мировых религий, развитие философских представлений об универсальности этических категорий - все это способствовало появлению принципов взаимоотношения этносов на основе начал толерантности и закреплению соответствующих норм в стереотипах социального поведения личности и в практике государственно-правового строительства. В XX вв., особенно после Второй мировой войны, в Западной Европе, несколько позже в США, в СССР и других социалистических государствах,

как на уровне общественного сознания, так и государственно-правовой идеологии, прочно закрепляются представления о толерантном отношении к личности, независимо от ее расово-этнического происхождения, формируется негативное отношение ко всем формам проявления ксенофобии [2].

Усиление национально-ориентированных ценностей в глобализирующемся мире неправильно было бы вместе с тем рассматривать лишь в свете подобных экстремальных и агрессивных форм национализма. Как и локализация, оно играет роль своего рода противовеса, ограничивающего негативные, дегуманизирующие и десоциализирующие, последствия глобализации. З. Бауман полагает, что современный национализм представляет собой "возрождение этничности": он связан не с национально-государственными приоритетами, но, напротив, с ослаблением роли национального государства и отражает "денационализацию государства" и "приватизацию национальности", иными словами, "разрыв между государством и нацией... Этничность становится одним из символических центров, вокруг которых формируются гибкие и свободные от санкций общности, конструируются и утверждаются индивидуальные идентичности" [3].

Очевидно, это далеко не всегда так: и в современных условиях национализм нередко принимает весьма жесткие, в том числе огосударствленные, формы. Однако, по-видимому, З. Бауман прав в том, что усиление роли этно-национальных ориентаций - не столько политическая, сколько социально-культурная и социально-психологическая тенденция, представляющая собой ответ личности на вызов глобализации. Являющийся одним из следствий этого рост межэтнической напряженности выступает виктимизирующим фактором в глобальном масштабе и, так сказать, в стратегической перспективе.

Представляют интерес результаты анализа степени и характера виктимизации женщин, относящихся к различным этническим группам, предпринятые американским криминологом в 2003 г. [4], хотя следует отметить, что в целом здесь мы имеем дело с малоисследованным аспектом данной проблемы. В западной литературе можно обнаружить сравнительно немного новых источников, где приводились данные соответствующих социологических исследований о факторах, которые влияют на риск насилия для женщин различных рас и этнических групп в связи с различиями в их культуре, особенностях поведения, специфике

правосознания [5]. Вместе с тем оправданным и перспективным представляется сам подход, при котором вопросы этнических и гендерных факторов виктимизации рассматриваются в системном единстве. Культурные различия этносов проявляются через различия в образе жизни, стереотипах поведения, системе ограничения или предоставления определенных свобод их представителям мужского и женского пола.

Если суммировать имеющиеся данные, то можно выделить следующие закономерности. При отмечаемой практически всеми исследователями за последнее десятилетие тенденции снижения риска насилия для всех женщин независимо от расового или этнического происхождения, риск все же продолжает быть выше для чернокожих женщин по сравнению с белым, и для испаноговорящих женщин по сравнению с неиспаноговорящими [6]. Общий уровень виктимизации чернокожих женщин выше, чем белых и испаноговорящих женщин. Различия являются наибольшими для такого преступления как ограбление: число чернокожих жертв женского пола относится к числу белых женщин-жертв за период 1995-1998 гг. - примерно пять к одному. Причиной повышенной виктимности цветных женщин может являться как сохраняющийся довольно высокий уровень расистских настроений в американском обществе, так и виктимный характер поведения представителей этнических меньшинств (частая смена места жительства, нестандартные формы бытового поведения, склонность к употреблению алкоголя или наркотиков и т.п.).

Представляется важным при разработке общей модели виктимизации женщин учитывать расовые и этнические культурные различия, не только опираясь на житейский опыт, здравый смысл или общетеоретические дедуктивные выводы, но используя данные соответствующих социологических исследований. В таком случае можно составить с большой долей вероятности прогнозы возможных актов насилия и использовать их для виктимологической профилактики насильственной преступности. Например, учитывая, что азиатские женщины могут быть более уязвимы в случае занятости на производстве и то, что они в основном подвергаются стихийному насилию, имеют самую высокую пропорцию инцидентов в общественных местах, совершенных трезвыми незнакомцами, с оружием или группой, можно предположить, что преступление, скорее всего, произойдет в течение их обычного движения к месту работы и от него. Поэтому в местах

компактного проживания и работы иммигрантов из азиатских стран было признано целесообразным усилить уличное патрулирование в утренние и вечерние часы.

В целом выделяются следующие особенности жертв преступлений, совершаемых на почве расовой или религиозной ненависти, на почве негативного отношения к другой культуре, или, повторяя выражение Ю. Хабермаса, к "другому". Эти преступления имеют тенденцию быть совершаемыми многократными обидчиками в отношении незнакомых лиц, которые имеют четко выраженную принадлежность к той или иной этической, религиозной и т.п. группе. Они обычно совершаются в местах, хорошо знакомых жертве, которая с высокой долей вероятности будет испытывать после инцидента опасение повторного нападения. Жертвы насилия будут в большей степени и в течение более длительного периода времени переживать последствия насилия, возможны более глубокие психологические травмы, чем для жертв аналогичных преступлений, не связанных с культурологическими факторами [7].

В целом ксенофобия, нетерпимость продолжают оставаться значимой проблемой для современного общества. В том числе и проблемой криминологического порядка, поскольку ксенофобия нередко оборачивается насилием по отношению к этническим меньшинствам. Ее главной особенностью в эпоху глобализации является "опосредствование культурой": представитель этнического меньшинства вызывает ненависть уже не просто как "чужой", а как носитель чуждой культуры - как "другой". Вместе с тем до настоящего времени нерешенной остается проблема учета особенностей культуры как преступников, так и жертв в уголовном процессе, в судопроизводстве, в практике индивидуальной профилактики правонарушений.

Подводя итог можно сказать, что факторы изменения параметров виктимности отдельных социальных страт и групп населения в современных условиях напрямую связаны с глобализацией, с криминогенными и виктимогенными обстоятельствами, сопровождающими ее процессы [8]. Изменение культурной среды воспроизводства большинства страт, процессы миграции,

формирование транснациональной системы стратификации ("параллельной" по отношению к традиционной), характерное для глобализации изменение культурологических параметров социальной среды - все это может усилить или, наоборот, снизить уровень виктимизации социального статуса. Степень влияния факторов, связанных с глобализацией, на виктимизацию социальных групп и статусов будет напрямую зависеть от того, являются ли доминирующими для ее представителей в процессе виктимизации социальные или же внесоциальные факторы, зависит ли виктимность в большей степени от образа жизни потенциальной жертвы или же от отношения к ней представителей других социальных страт.

1. Макарян А.С. *Глобализация и человеческий потенциал*. М., 2003. С. 93 - 94.

См. подробнее: Шалин В.В. *Толерантность (Культурная норма и политическая необходимость)*. Ростов-на-Дону, 2000.

2. Бауман З. *Глокализация, или Кому глобализация, а кому локализация / Глобализация: Контуры XXI века: реферативный сборник*. Ч. 1. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 133.

3. Dugan L., Apel R. *Op. cit.*

4. См.: Abraham M. *Speaking the Unspeakable: Marital Violence among South Asian Immigrants in the United States*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2000; Block C. R. *The Chicago Women's Health Risk Study Risk of Serious Injury or Death in Intimate Violence a Collaborative Research Project*. New Report. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority, 2000; Craven D. *Sex Differences in Violent Victimization*. BJS Special Report Washington, D.C.: Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice, 1997.

5. Rennison C. M. *Violent Victimization and Race*. Special Report. Washington, D.C.: Bureau of Justice Statistics, U. S. Department of Justice, 2001.

6. Sgarzi J., McDevitt J. *Victimology: a study of victims and their roles*. New Jersey, 2003. P. 201 - 202.

7. См.: *Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова*. М., 2004. С. 343 - 344.

Александров Андрей Григорьевич

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89094595873)

Правоприменительная практика привлечения к ответственности за незаконное использование товарного знака

Аннотация

Автор статьи исследует проблемные вопросы привлечения к ответственности за незаконное использование товарного знака, виды ответственности за незаконное использование товарного знака, сведения подлежащие установлению в процессе доказывания вины за незаконное использование товарного знака.

Annotation

Author of the article explores the problematic issues of accountability for the illegal use of a trademark, the types of liability for illegal use of trademark information, which should be find in process of establishing guilty mind for illegal use of trademark to be in the process of establishing proof of guilt for illegal use of a trademark.

Ключевые слова: товарный знак, незаконное использование, объективная сторона, ответственность, экспертиза.

Key words: trademark, unauthorized use, the objective side, responsibility and expertise.

Товарный знак, по своей сути, является средством, индивидуализирующим товары и услуги на потребительском рынке, позволяет потребителям покупать товары определенных производителей. Товарный знак также способствует ликвидности товаров, обеспечивает функцию рекламы. В связи с этим исключительное право на товарный знак является наиболее часто нарушаемым.

Нарушение исключительных прав владельца товарного знака, влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Законодатель определяет широкий спектр видов ответственности, по сути, за одно противоправное деяние - нарушение исключительного права владельца товарного знака. Тем самым, предоставляя возможность обладателям исключительных прав на товарный знак самостоятельно избирать отрасль правового законодательства для защиты своих ущемленных прав. Причиняемый вред в результате незаконного использования товарного

знака напрямую связан с финансовыми убытками правообладателя, и для него в первую очередь важно возмещение убытков и соответственно наиболее приемлемой будет защита прав в гражданском судопроизводстве (ч. 4. ст. 1515 ГК РФ). Санкции ст. 180 УК России, ст. 14.10 КоАП России не предусматривают возмещение ущерба вообще.

Однако следует сказать, что одной из ключевых задач, независимо от вида судопроизводства, в рамках которого будет производиться привлечение к ответственности за незаконное использование товарного знака, будет являться правильное установление признаков объективной стороны правонарушения. Совокупность внешних признаков (атрибутов) деяния, составляющего нарушение исключительных прав правообладателя товарного знака, изложена законодателем в ст. 1484 ГК России - Исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности путем размещения товарного знака:

1) на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации;

2) при выполнении работ, оказании услуг;

3) на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот;

4) в предложениях о продаже товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, а также в объявлениях, на вывесках и в рекламе;

5) в сети "Интернет", в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Нарушением исключительного права правообладателя (незаконным использованием товарного знака) признается использование без его разрешения в гражданском обороте на территории Российской Федерации товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, в том числе размещение товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения на товарах, на этикетках, упаковках этих товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся и (или) перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации. Товары, этикетки, упаковки этих товаров, на которых незаконно используется товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными (ст.ст. 1484, 1515 ГК РФ).

Соответственно, законом установлен прямой запрет на использование как самого товарного знака в целом, принадлежащим другому правообладателю, так и на регистрацию обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками других правообладателей. И вот именно с доказыванием такого тождества (сходства) связано значительное количество споров. Как правило, обозначение считается сходным до степени смешения с другим, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на отдельные отличия. Сравнение проводится по трем основным критериям: звуковому, графическому и смысловому.

Президиум ВАС России в информационном письме от 13.12.2007 № 122 "Обзор практики

рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности", определил, что вопрос о степени смешения обозначений является вопросом факта и по общему правилу может быть разрешен судом без назначения экспертизы. Экспертиза в силу ч. 1 ст. 82 АПК России назначается, когда для сравнения обозначений требуются специальные знания. Вопрос о сходстве до степени смешения двух словесных обозначений, применяемых на товарах истца и ответчика, может быть разрешен судом с позиции рядового потребителя.

Однако на практике Палата по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности предпочитает при рассмотрении вопросов наличия тождества или опасного (до степени смешения) сходства учитывать только результаты проведенной экспертизы.

В постановлении Президиума ВАС РФ от 18.07.2006 № 3691/06 по делу "NIVEA" и "LIVIA" дополнительно было указано три важных момента:

1) для признания сходства товарных знаков достаточно уже самой опасности, а не реального их смешения. Ее наличие может быть установлено исходя, в частности, из результатов соцопросов, представленных правообладателями;

2) необходимо проводить оценку однородности товаров, поскольку она влияет на установление наличия или отсутствия угрозы смешения товарных знаков;

3) наличие серии знаков (т.е. группы товарных знаков одного владельца, имеющих общие элементы) влияет на усиление различительной способности, как, впрочем, и длительность их использования на товарном рынке.

Угроза смешения противопоставляемых знаков в отношении однородных товаров и услуг широкого (доступного) потребления усиливается тем, что более ранние товарные знаки имеют доминирующие элементы, объединяющие обозначения в одну серию. В результате основной потребитель идентифицирует товары и услуги в первую очередь по привычным ему серийным элементам товарных знаков. Как правило, он руководствуется общими впечатлениями (часто нечеткими) о знаке, виденном ранее, не имеет возможности непосредственно сравнить знаки и проявляет меньшую осмотрительность, чем при выборе дорогих товаров и услуг. В результате чего, ранее принятое решение Палаты по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной

собственности, патентам и товарным знакам об отказе в удовлетворении возражения против регистрации товарного знака "LIVIA" было признано недействительным. Таким образом, в делах о незаконном использовании товарных знаков суды не ограничиваются формальной оценкой обозначений по сравнительным критериям. Основное внимание они уделяют вопросам восприятия данных обозначений потребителями. Это более объективный и полноценный подход с точки зрения экономических интересов правообладателей.

В ст. 14.10 КоАП России помимо наложения штрафа на лицо, незаконно использовавшее товарный знак, предусмотрена также конфискация контрафактного товара. Однако имеют место быть ситуации, когда защищаться приходится добросовестному приобретателю контрафактной продукции. Это, как правило, предприниматель, который приобрел товар с незаконно проставленным товарным знаком не по ошибке. Но при этом он все же не знал и не мог знать, что лицо, у которого он приобрел контрафактный товар, не имеет права на его отчуждение.

Что касается добросовестных приобретателей, то у них контрафактные экземпляры не изымаются при одном условии: они должны использоваться для личных, семейных, домашних, а не коммерческих нужд.

При привлечении к уголовной ответственности по ст. 180 УК России бремя сбора доказательств вины подозреваемого ложится на оперативных сотрудников подразделений борьбы с экономическими преступлениями МВД России и следователей следственного комитета России. При определении объективной стороны преступления, сбора доказательств вины подозреваемого сотрудники указанных правоохранительных структур сталкиваются с проблемой проведения экспертизы и получения признательного объяснения. Как отмечалось ранее, суды при рассмотрении дел о незаконном использовании товарного знака предпочитают

учитывать только результаты проведенной экспертизы, а принимая во внимание тот факт, что проведение экспертизы подлинности товара, либо причастности к тому, или иному товарному знаку является весьма дорогостоящей, данное обстоятельство значительно затрудняет проведение уголовного судопроизводства по ст.180 УК России.

В ст.180 УК России закреплено, что обязательным обстоятельством привлечения к уголовной ответственности является неоднократное совершение деяния либо причинение крупного ущерба. Для признания факта умышленного, повторного совершения преступления самим подозреваемым, некоторые оперативные работники подразделений борьбы с экономическими преступлениями МВД России используют, своего рода, тактический прием. После привлечения индивидуального предпринимателя к административной ответственности по ст.14.10 КоАП России, его вызывают под любым предлогом в подразделение борьбы с экономическими преступлениями МВД России. В ходе беседы оперативный сотрудник предлагает индивидуальному предпринимателю ознакомиться под роспись с перечнем товарных знаков, которым предоставлена правовая защита в России (согласно ст.ст. 1229, 1484 ГК России). После получения подписи и при повторном привлечении к ответственности за незаконное использование товарного знака уже по ст.180 УК России, подозреваемый не сможет отрицать тот факт, что сознательно совершил данное преступление и соответственно даст признательные показания.

Таким образом, можно полагать, что процесс доказывания и привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст.180 УК России, является наиболее проблематичным. В завершении проведенного исследования хочется подчеркнуть, что ряд изложенных в статье положений носит дискуссионный характер.

Василий Петрович Вдовиченко
аспирант кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89280412222)

Криминологические особенности личности преступника, совершающего грабеж в составе группы

Аннотация

В статье раскрывается понятие и структура личности преступника, ее роль в механизме совершения преступления. Дается криминологическая характеристика основных черт личности преступника, совершающего групповые грабежи.

Annotation

In article the concept and structure of the person of the criminal, its role of the mechanism of commission of crime reveals. The criminological characteristic of the basic lines of the person of the criminal making group robberies is given.

Ключевые слова: криминология, групповая преступность, преступления против собственности, хищение, грабеж, личность преступника.

Key words: a criminology, group criminality, crimes against the property, plunder, a robbery, the person of the criminal.

Ключевое место в криминологической характеристике того или иного преступления и механизме его детерминации занимает личность преступника.

Личность преступника - это личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [1].

Познать всю совокупность разнообразных свойств и характеристик личности преступника возможно лишь на основе их научно обоснованной систематизации, определяемой структурой личности. Под структурой личности преступника понимается условное разделение свойств и отношений, характеризующих абстрактного нарушителя уголовного закона на группы, выделяемые в зависимости от различных криминологически значимых признаков. В литературе встречаются различные точки зрения на структуру личности преступника. В качестве

основы для дальнейшего анализа мы будем использовать подход, согласно которому в структуре личности преступника выделяют социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические характеристики [2].

Социально-демографическая характеристика личности преступника помогает разобраться в особенностях ее формирования. В ряду социально-демографических признаков, подлежащих изучению, особое значение имеют: пол, возраст, образование, социальное, семейное положение, профессиональная принадлежность и профессиональный статус, уровень материальной обеспеченности и др. Анализ этих данных представляется целесообразным провести на основе информации ГИАЦ МВД России о лицах, выявленных за совершение преступлений, конкретизируя ее результатами исследования материалов конкретных уголовных дел.

Основной массив лиц, выявленных за совершение грабежей, - лица мужского пола. Согласно данным ГИАЦ и в России в целом, и в Краснодарском крае их удельный вес составляет 94 - 95%. Удельный вес женщин является достаточно стабильным и не демонстрирует

резкого роста: в 1997 году среди выявленных за грабеж в Краснодарском крае он составил 5%, а в 2009 году - 6%. В тоже время показатели удельного веса женщин в общем массиве лиц, выявленных за совершение всех преступлений против собственности, значительно выше; он достигает здесь 13 - 15%.

Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что совершение грабежей не входит в сферу криминальных интересов лиц женского пола. При совершении преступлений против собственности они предпочитают тайные и обманные способы завладения чужим имуществом (среди выявленных за совершение краж лиц женщины составляют 7 - 15%, а среди выявленных за мошенничество - 25 - 30%).

Незначительное участие женщин в совершении грабежей еще более отчетливо проявляется в случае групповых посягательств. Согласно результатам исследования материалов уголовных дел о групповых грабежах (всего было изучено 112 уголовных дел), доля мужчин среди осужденных составила 98%, соответственно доля женщин - 2%.

Анализируя возрастную характеристику лиц, совершающих грабежи, важно обратить внимание на преимущественно молодой возраст преступников: 74% из них были в возрасте от 14 до 24 лет, еще 20% - в возрасте 25 - 29 лет.

Учитывая погрешности выборочного исследования, можно констатировать, что в целом распределение по возрасту общей массы грабителей, совершивших преступление и группой, и в одиночку, совпадает.

Однако есть и заметное отличие. Стоит указать, что в нашем исследовании удельный вес лиц так называемого раннего молодого возраста (18 - 24 года) существенно превосходит аналогичный показатель для общей категории грабителей и составляет 59%. Такое различие не может быть признано случайным. Полагаем, что оно отражает, прежде всего, значительные сдвиги в структуре подростковой преступности, которая в последние годы демонстрирует, по мнению ряда исследователей, устойчивую тенденцию возрастания доли преступлений, совершенных без признаков соучастия и особенно без участия взрослых лиц, тенденцию к самостоятельной криминальной активности несовершеннолетних [3]. Это находит свое выражение в уменьшении доли подростков в общем числе лиц, осужденных за групповые грабежи [4]. В тоже время в группе 18 - 24 летних, которые относительно недавно переступили порог совершеннолетия, все еще сохраняются характеристики, присущие подростковой

преступности несколько лет назад, в том числе и относительно высокий удельный вес групповых посягательств. В этом, на наш взгляд, можно усматривать феномен, который назван М.М. Бабаевым "отложенным следствием", "криминальным эхом", "проявлением прошлого в современной преступности" [5]. Преступность лиц молодого возраста инерционно сохраняет в себя черты, присущи носителям криминальным навыков в недавнем прошлом, в том числе и их стремление к групповой преступной деятельности.

Представленные данные, с одной стороны, дают основание для вывода о том, что на сегодняшний день именно возрастная когорта 18 - 24-летних является наиболее опасной в плане продуцирования групповых грабежей. С другой стороны, надо понимать, что переход этой когорты в более старшую возрастную группу, при сохранении индивидуалистических тенденций подростковой преступности, в недалеком будущем может привести к уменьшению ее участия в групповых грабежах. Тем самым, общая тенденция сокращения групповой преступности вообще и групповых грабежей, в частности, отмеченная в первом параграфе настоящей главы, будет продолжена. При этом надо учитывать, что коэффициент криминальной активности в части продуцирования грабежей на протяжении последних десяти лет у лиц старше 18 лет остается относительно стабильным и составляет в среднем 27 - 30 преступлений на сто тысяч населения соответствующего возраста, а среди несовершеннолетних значительно вырос, с 75 до 90 преступлений. Таким образом, переход современных несовершеннолетних в более старшую возрастную группу, не снижая общего числа грабежей, будет способен привести к дальнейшему сокращению числа и удельного веса именно групповых посягательств.

Молодой возраст основной массы лиц, совершающих групповые грабежи, уже сам по себе является фактором, обуславливающим тесную криминологическую связь рассматриваемых преступлений и их криминогенного комплекса с факторами подростковой и молодежной преступности. Вопрос об их содержании и механизме действия в отечественной криминологии тщательно изучен [6] и не нуждается в дополнительном и специальном анализе в рамках настоящей публикации. Лишь кратко отметим, что в этом возрасте особенное криминогенное значение имеют незанятый социально полезной деятельностью и увлечениями досуг, отсутствие или недостаточность контроля за поведением

подростков, криминогенное влияние старших по возрасту лиц. Иными словами, факторы, по большей части внешние по отношению к несформированной (а точнее - формирующейся) личности подростка или молодого человека; факторы - относительно легко устранимые мерами ранней и общесоциальной профилактики.

Сказанное нельзя расценивать в качестве попытки объяснить или тем более оправдать групповые грабежи лишь возрастными особенностями личности и факторами подростково-молодежной преступности. В данном случае мы подчеркиваем только связь групповых грабежей с молодежной преступностью и преступностью несовершеннолетних, а следовательно и значимость учета продуцирующих эти виды преступности факторов в работе по профилактике самих групповых грабежей.

Более того, возраст в криминологии, как известно, важен не столько сам по себе, сколько в силу того, что он во многом обуславливает содержание социальных характеристик личности и выполнение ею определенных социальных функций.

Прежде всего, заметим, что преимущественно молодой возраст осужденных за групповые грабежи во многом обуславливает тот факт, что основная масса из них - 91% не состояли в браке на момент совершения преступления. В криминологии считается практически общепризнанным, что отсутствие у человека семьи является мощным криминогенным фактором. Как справедливо замечает Д.А. Шестаков, "отсутствие семьи, как и плохая семья, отрицательно сказывается на поведении человека, нормой для которого является наличие стабильной, ориентирующей на выполнение социальных установлений семейной жизни" [7].

Вместе с тем, в исследуемых преступлениях вряд ли можно устанавливать однозначную связь между фактом отсутствия брака и совершением преступления. Общая линия эволюции брачного поведения молодежи состоит, как известно, в повышении брачного возраста (если в 1997 году в стране было зарегистрировано 461931 браков, в котором возраст жениха не превышал 24 лет, то в 2009 году - только 382093 [8]). На этом фоне отсутствие брака у юноши в 14 - 24 года выглядит вполне нормальным явлением. В этот отрезок жизни основные усилия лиц молодого возраста сосредотачиваются преимущественно на решении проблем образования, будущей и настоящей занятости. Однако в случае с лицами, совершающими групповые грабежи, этого не

наблюдается.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что основная масса лиц, осужденных за групповые грабежи, имела среднее образование - 63%, еще 24% имели неполное среднее образование, среднее специальное образование установлено у 5% осужденных, 3% имели неоконченное высшее образование и 5% - высшее образование.

Общая информация об уровне образования лиц, выявленных за совершение грабежей, несколько иная. Согласно данным ГИАЦ в Краснодарском крае удельный вес лиц с начальным и основным общим образованием среди выявленных за грабеж составляет в среднем 35 - 45%, со средним профессиональным образованием - 12 - 15%, с высшим образованием - 2 - 3%.

Сравнивая эти данные, можно констатировать, что уровень образования лиц, совершающих групповые грабежи, существенно ниже, чем общей массы лиц, осужденных за грабеж. В целом 87% осужденных в нашем исследовании не имели даже начальных профессиональных навыков. И это при том, что в общем числе лиц, выявленных в крае за совершение грабежей удельный вес лиц со средним профессиональным образованием вырос с 9% в 1997 году до 15% в 2009 году.

Образование преступников - важный, криминологически значимый показатель. При этом мы исходим из того, что криминогенным является не столько низкий уровень образования сам по себе, сколько уровень культуры, который определяется содержанием духовных потребностей, формами проведения досуга и социально-политической активностью; и надо отметить, что лица, осужденные за исследуемое преступление, имеют его достаточно низким.

Уровень образования напрямую коррелирует с родом занятий осужденных. Среди осужденных за групповой грабеж 53% лиц на момент совершения преступления нигде не учились и не работали, 18% были заняты профессиональной деятельностью (занимая, как правило, должности, не требующие особой, специальной профессиональной подготовки - разнорабочий, официант, охранник и др.), 18% - обучались в высших или средних специальных учебных заведениях, 11% были учениками средней школы.

Эти данные несколько отличаются от общей характеристики лиц, выявленных за грабеж. Согласно информации ГИЦ МВД по Краснодарскому краю, среди всех лиц, выявленных за грабеж, удельный вес лиц без

постоянного источника доходов в последние 10 лет составляет в среднем 82%, доля учащихся и студентов - 7%, доля работающих - 11%.

Обращает на себя внимание, прежде всего, разница в показателях удельного веса учащихся и лиц без постоянного источника доходов. Представляется, что она вполне объяснима отмеченными выше возрастными особенностями лиц, совершающих грабежи в группе. Преобладание здесь несовершеннолетних и лиц раннего молодого возраста вполне соответствует повышенному удельному весу учащихся и студентов. Но даже при этом отличии, в целом можно констатировать, что лица, совершающие грабежи, в том числе и в группе, это, прежде всего, лица, не имеющие постоянного источника дохода, не работающие и не учащиеся. Очевидно, что при таком социальном статусе вопросы финансового и материального обеспечения являются особенно чувствительными, а совершение преступления для их решения - относительно легким, доступным и незатратным способом.

О высокой криминогенности факта отсутствия постоянного дохода (и особенно откровенной бедности) криминологи говорят уже давно. В подтверждение можно сослаться на специфику современной России, где при сокращении удельного веса лиц, находящихся за "чертой бедности", доля лиц без постоянного источника дохода среди преступников не только не сокращается, но в некоторых случаях растет. Так, если в 1997 году удельный вес лиц с доходами ниже величины прожиточного уровня в России составлял 20,8% от общей численности населения, то в 2009 году - 13,2%; численность безработных граждан сократилась с 7,7 млн. чел. в 2000 году до 4,5 млн. чел. в 2009 году [9]. И на этом фоне удельный вес лиц, не имеющих постоянного источника доходов, в общей массе лиц, выявленных за грабеж, возросла с 79% в 1997 году до 84% в 2009 году. Все это свидетельствует о том, что бедность не только сохранила свое криминогенное значение, но и в современной России стала еще более криминогенной.

Если подвести итог и представить социально-демографическую характеристику личности грабителя, совершающего преступление в группе, то можно констатировать, что это мужчина в возрасте 14 - 24 лет, не состоящий в браке, имеющий неполное среднее или основное общее образование, трудоспособный, но не имеющий определенных занятий,

испытывающий значительные трудности в материальном обеспечении.

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. *Личность преступника*. СПб., 2004. С. 16.

2. *Криминология. Учебно-методические материалы и альбом схем: Учебное пособие / Под ред. С.Е. Вицина и В.А. Уткина*. М., 2001. С. 169.

3. См., например: Попандопуло В.В. *Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль*. Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 51.

4. В подтверждение сошлемся на результаты исследования А.А. Герценсона. В 1970 году он писал, что удельный вес лиц в возрасте от 14 до 24 лет в общем числе грабителей составлял 75%, из них 30% - несовершеннолетние (см.: Герцензон А.А. *Уголовное право и социология (проблемы социологии уголовного права и уголовной политики)*. М., 1970. С. 103). Современные же данные показывают, что и удельный вес молодежи, и особенно удельный вес несовершеннолетних, существенно сократились.

5. См.: Бабаев М.М. *Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд*. 2010. № 2. С. 298.

6. См., например: Миньковский Г.М. *Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР*. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972; Ревин В.П. *Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений*. Диссертация ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1994; Бабаев М.М., Крутер М.С. *Молодежная преступность*. М., 2006 и др.

7. Шестаков Д. А. *Семейная криминология. Криминофамилистика*. СПб., 2003. С. 139 - 140.

8. См. официальные данные Росстата: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#>

9. См. официальные данные Росстата: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>

Маслак Сергей Николаевич
 адъюнкт кафедры уголовного права
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: 89284244007)

История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Аннотация

Анализ политических, социальных и экономических условий реформ в зависимости от того или иного периода существования российского государства, может иметь свои детерминирующие политический процесс особенности на национальном, региональном или международном уровнях. Поэтому для понимания особенностей современного этапа реализации государственной политики в сфере защиты прав и интересов подрастающего поколения, необходимо использование методологии политико-исторического анализа. В таком случае появляется возможность выявления трендов политического дискурса, а также объективной оценки политических практик акторов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме.

Annotation

The analysis of political, social and economic conditions of reforms depending on this or that period of existence of the Russian state, can have the features determining political process at national, regional or international levels. Therefore for understanding of features of the present stage of realization of a state policy in sphere of protection of the rights and interests of rising generation, use of methodology of the political-historical analysis is necessary. In that case there is a possibility of revealing of trends of a political discourse, and also an objective estimation political an expert of the actors concerning the considered problem.

Ключевые слова: политический дискурс, защита прав и интересов, несовершеннолетние, подрастающее поколение.

Key words: a political discourse, protection of the rights and interests, minors, rising generation.

Половая неприкосновенность и половая свобода личности в той или иной интерпретации с давних времен находят отражение в отечественном законодательстве в качестве объектов уголовно-правовой охраны.

"Русская правда", как основной источник права Киевской Руси в "Уставе Ярослава Владимировича" содержит упоминание об ответственности за половые преступления. Вместе с тем, отсутствие точного описания признаков составов данных преступлений, "размытость" используемых формулировок, противоречивость их толкований не позволяет составить должного представления

об уровне уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности того периода. Кроме того, и о самом существовании уголовно-правовой регламентации ответственности в отечественном законодательстве XI в. можно говорить лишь с известной долей условности: уголовные и гражданские правоотношения не разграничивались как таковые, а регламентация ответственности за их нарушения осуществлялась едиными нормативными актами, не предусматривающими отраслевого деления.

Так, например, в Соборном Уложении 1469 г.

ответственность за изнасилование предусматривалась в отношении "ратных людей, которые при следовании на службу или со службы "учиняет... женскому полу насильство" [1].

Необходимо отметить, что преступность деяния и его наказуемость в обозначенный период находились во взаимосвязи с социально-демографическими, в частности, сословными признаками субъектов рассматриваемых правоотношений.

Вместе с тем, правовая регламентация ответственности за половые преступления постепенно утрачивала зависимость от сословной принадлежности виновного и потерпевшего. Так, уже в начале XVI века, в период феодальной раздробленности русских княжеств, несмотря на законодательно определенные различия в правах представителей различных сословий, "Статут Великого княжества Литовского" 1529 года содержал в седьмом разделе отдельную статью (ст. 6), регламентирующую ответственность за изнасилование в понимании данного термина, близком к его современному уголовно-правовому толкованию: "...если бы кто-либо изнасиловал женщину или девушку независимо от его сословного положения (...) такой насильник должен быть приговорён к смертной казни" [2].

Среди отечественных источников права петровского периода представляется необходимым выделить Артикул воинский 1715 года, систематизировавший уголовно-правовую регламентацию ответственности не только за изнасилование, но и за иные действия сексуального характера, несопоставимые с господствовавшими в обществе того периода морально-нравственными представлениями. Так, в названном документе глава XX "О содомском грехе, насилии и блуде" содержала нормы об ответственности за изнасилование, скотоложство, мужеложство, двоебрачие, кровосмешение.

Необходимо отметить, что сущность и содержание права вообще и, в частности, норм о половых преступлениях в анализируемый период определялось в большой степени религиозными постулатами [3] (подобно современному мусульманскому праву), что вполне логично объясняет действовавшую правовую регламентацию ответственности за греховные деяния, признаваемые в качестве таковых религиозными канонами.

При этом, на наш взгляд, позитивным шагом в регламентации ответственности за половые преступления явилось исключение из числа их составообразующих признаков обстановки, времени и места их совершения: "...ежели кто

женский пол (...) в неприятельской или дружеской земли изнасилствует (...), оному голову отсечь..." [4]. Не имели квалификационного значения и морально-нравственные характеристики личности потерпевшей: "Ибо насилие есть насилие, хотя над блудницею или честной женою, и надлежит судье не на особу, но и на дело и само обстоятельство смотреть..." [5]. Подобный подход характеризует начало формирования современного понимания половой свободы личности, как возведенного в ранг объекта уголовно-правовой охраны, права любого человека, независимо от каких бы то ни было социально-демографических признаков.

Разработанный в начале XIX в. Свод законов, систематизировал законы по отраслевому признаку. Впервые в отечественном уголовном законодательстве нормы разделялись на Общую и Особенную части. При этом структура Особенная части определялась видами преступных деяний, в один из которых входили и половые преступления.

Очередным шагом в кодификации уголовно-правовых норм стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, которое содержало специальный раздел "О преступлениях против чести и целомудрия женщин". В этом разделе предусматривались нормы позволявшие дифференцировать ответственность в зависимости от характеристик возраста потерпевшей: предусматривались самостоятельные нормы об ответственности за "растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста", а также за "изнасилование лица женского пола, имеющего более четырнадцати лет от роду". Очевидно, что приведенный пример дифференциации ответственности характеризовал признание на законодательном уровне существования и необходимости уголовно-правовой охраны самостоятельного объекта преступления, определяемого современным правом, как половая неприкосновенность личности. При этом, насилие при "растлении девицы" расценивалось как квалифицированный вид растления, что также указывает на законодательное признание половой неприкосновенности, как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, отличного от половой свободы личности, охраняемой действовавшими нормативами об ответственности за "изнасилование лица женского пола, имеющего более четырнадцати лет от роду".

Помимо насилия, к квалифицированным видам растления относилась зависимость потерпевшей

от виновного.

Ответственность и наказуемость изнасилования находилась в зависимости от отношений подчиненности, служебной зависимости потерпевшей от виновного (что в современном уголовном праве вынесено за рамки изнасилования). Такие признаки, как побои или истязание, использование беспомощного состояния ("состояния беспамятства или неестественного сна"), сопряженность изнасилования с насилием опасным для жизни потерпевшей, с похищением потерпевшей, а также наступившая в результате изнасилования смерть потерпевшей образовывали квалифицированные виды изнасилования.

Самостоятельную уголовно-правовую регламентацию получили и иные, признававшиеся преступными, деяния, выражавшиеся в особых видах сексуальных отношений (мужеложство и скотоложство), а также деяния, объективно не выражающиеся, но способствующие возникновению осуждаемых моралью и правом того периода половых отношений: сводничество малолетних или несовершеннолетних со стороны их опекуна, учителя или родителя, жён их мужьями, сожительство неженатого с незамужней.

Необходимо отметить, что, несмотря на достаточно подробную регламентацию ответственности за половые преступления и наличие большого числа законодательно определенных отягчающих обстоятельств, Уложение 1845г. характеризуется относительной лояльностью и смягчением наказания за половые преступления. В сравнении с ранее действовавшими правовыми актами, предусматривавшими за половое насилие самые суровые меры наказания, вплоть смертной казни, при этом в наиболее жестоких способах ее исполнения, Уложение 1845 г. уже не предусматривало смертной казни за половые преступления. Представляется, что проявившаяся в Уложении 1845г. политика экономии мер уголовной репрессии была естественным шагом отечественного законодателя на фоне мировой либерализации уголовного законодательства.

Уголовное уложение 1903 г., в части регламентации ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, существенно отличалось от Уложения 1845 г., в частности более широким перечнем деяний, признаваемых преступными, а также их разграничением и классификацией на две самостоятельные группы, современными аналогами которых в Российском уголовном

праве являются преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступления против здоровья населения и общественной нравственности. К первой группе относились половые преступления, связанные с удовлетворением виновным половой страсти: любодеяние, любострастные действия, мужеложство (в современном уголовном праве, именуемые, соответственно, как изнасилование, насильственные действия сексуального характера и мужеложство). Вторую группу образовывали составы, непосредственно с осуждаемыми обществом половыми отношениями не связанные, но создающие для них условия: сводничество, притоносодержание, потворство, склонение к непотребству.

Уложение 1903 г. в своих нормах о половых преступлениях сохранило соответствующие составообразующие и квалифицирующие признаки, позволяющие в процессе квалификации отразить причинение вреда не только половой свободе, но и половой неприкосновенности личности, а также причинение вреда нормальному физическому, психическому и нравственному развитию несовершеннолетних.

Таким образом, уже в уголовном праве конца XVIII- начала XIX века были сформулированы, а в Уложении 1903 г. были законодательно регламентированы такие объекты уголовно правовой охраны, как половая свобода и половая неприкосновенность личности, а также нормальное психическое и нравственное развитие несовершеннолетних, как составляющая последнего. Кроме того, соответствующую правовую регламентацию получили и аналоги современных уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

К первой группе преступлений относились посяательства на половую нравственность, отождествляемую, в свою очередь, исключительно с половыми отношениями. Так, Ф.Лист определял половую нравственность как "соблюдение границ, установленных господствующими нравами для половых отношений" [6]. Представляется, что данное определение обозначенного объекта уголовно-правовой охраны с одной стороны, излишне сужает границы уголовно-правового регулирования половых отношений, с другой стороны - не охватывает деяний, которые, не характеризуясь половыми отношениями в узком смысле, очевидно, причиняют вред половой

нравственности, как части общественной нравственности.

Уголовное право раннего советского периода использовало термин "Преступления в области половых отношений" [7]. К таким преступлениям УК РСФСР 1922 г. относил как насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (изнасилование), так и ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность (половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, развращение малолетних путем совершения развратных действий). Кроме того, в разряд преступлений в области половых отношений входили сводничество, содержание притонов разврата, вербовка женщин для проституции.

Представляется, что подобная классификация, основанная на, якобы, общности объекта уголовно-правовой охраны, не вполне обоснована. Сами по себе половые отношения, действительные при изнасиловании или подразумеваемые при сводничестве, содержании притонов разврата, вербовки женщин для проституции, на наш взгляд, не могут определять общности объектов названных преступных посягательств, равно как различаются объекты уголовно-правовой охраны при уgone и дорожно-транспортном преступлении.

Изнасилование определялось в УК РСФСР 1922 года как "...половое сношение с применением физического или психического насилия или путём использования беспомощного состояния потерпевшего лица" [8].

Очевидно, что при подобной формулировке признаков состава изнасилования вполне логичным было появление точек зрения о возможности квалификации изнасилования потерпевшего-мужчины [9]. Вместе с тем, приведенный вариант толкования рассматриваемой нормы представляет собой лишь единичные высказывания, пусть даже и весьма именитых авторов. Исторически сложившееся понимание изнасилования, как полового насилия мужчины над женщиной, нашло свое отражение в УК РСФСР 1922г. и поддерживалось в течение всей истории развития советского уголовного права.

Вместе с тем, с течением времени стала очевидной ограниченность регламентированного УК РСФСР 1922г. определения изнасилования, в связи с чем, в УК РСФСР 1926г. уголовно-правовая регламентация понятия изнасилования была дополнена признаками, конкретизирующими и определяющими направленность применяемого при

изнасиловании психического насилия. Так в УК РСФСР 1926г. изнасилование трактовалось как "...половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием путем обмана беспомощного состояния потерпевшего лица" [10].

В 1934г. в Уголовный кодекс РСФСР 1926г. была включена статья об ответственности за мужеложство. При этом, также как и в приведенном выше примере произошло, на наш взгляд, ошибочное отождествление объектов уголовно-правовой охраны при регламентации в единой норме УК ответственности за ненасильственное мужеложство, как преступление посягающее на мораль социалистического общества, которой, в соответствии с господствовавшей идеологией, были чужды подобные проявления сексуальных отношений, и за насильственное мужеложство, как за посягательство на половую свободу личности. При этом насилие, исходя из конструкции нормы, характеризовалось как квалифицированный вид ненасильственного мужеложства, а не как самостоятельный состав преступления, посягающий, с нашей точки зрения, на совершенно иные объекты уголовно-правовой охраны.

Приводимые наиболее известными идеологами рассматриваемого периода обоснования допустимости криминализации аморального поведения в области, в том числе, половых отношений, представляются весьма противоречивыми. Так, с одной стороны, К.Маркс отмечал, что "...законодательство не может декретировать нравственность..." [11], но, с другой стороны, констатировал, что "...сохранение жизни нравственных отношений есть не только право законодателя, но и его обязанность" [12]. Иллюстрируя свою позицию, автор разграничивал преступное изнасилование и непроступную супружескую измену. Представляется, что подобное обоснование относительно допустимости криминализации ненасильственного мужеложства не вполне убедительно. Подобная трактовка оценочных, исторически изменчивых и социально зависимых категорий аморальности и "вычленение" из их числа деяний, степень безнравственности которых сама по себе, по мнению Маркса, обосновывает допустимость их криминализации, на наш взгляд, - есть эмоционально насыщенное, но в правовом понимании абсолютно голословное утверждение, противоречившее, к тому же, сложившейся к тому времени судебно-следственной практике.

Гомосексуальные связи, по мнению известных

ученых, рассматриваемого периода [13], не характеризуются достаточной для их криминализации степенью общественной опасности. Кроме того, криминализация мужеложства на фоне ненаказуемости гомосексуальных отношений женщин объективно представлялись как дискриминация. Не смотря на наличие в теории права рассматриваемого периода подобных взглядов, преступность как насильственного, так и ненасильственного мужеложства регламентировалась положениями УК РСФСР 1926 г. и позже - УК РСФСР 1960 г.

Уголовное право РСФСР периода действия УК 1960г. рассматривало в качестве половых преступлений изнасилование, половые преступления, посягающие на половую свободу, половые преступления, посягающие на нормальное развитие несовершеннолетних и половые преступления, нарушающие основные принципы социалистической морали [14].

Существовали и другие классификации половых преступлений, но все они были основаны на практически единообразном понимании видового объекта половых преступлений, что находило отражение, в том числе, и в практически не различающихся авторских определениях рассматриваемой группы преступлений, сформулированных известными учеными советского периода.

Так, под половыми преступлениями Я.М. Яковлев понимал "предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, присущие сложившемуся в социалистическом обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающие половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола" [15]. А.Н. Игнатов к группе половых преступлений относил "общественно опасные деяния, грубо нарушающие установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений и основные принципы половой нравственности, направленные на удовлетворение сексуальных потребностей виновного или других лиц" [16]. Представляется, что приведенные определения содержат некоторые недостатки, характеризующиеся, с одной стороны, излишним обобщением, с другой - необоснованной ограниченностью буквально определяемых пределов уголовно-правовой регламентации ответственности за данные преступления.

Так, на наш взгляд, очевидно, что ссылка на "удовлетворение сексуальных потребностей самого виновного или других лиц", используемая в обоих определениях, при описании субъективных признаков преступлений данной группы, едва ли необходима. При этом, характеризуя в соответствии с определениями фактически специальную цель половых преступлений - удовлетворение сексуальных потребностей самого виновного или других лиц, указанная направленность умысла виновного не находит отражения в составах половых преступлений: квалификация изнасилования была одинаково возможна безотносительно целей полового насилия, как в целях унижения потерпевшей, так и в целях удовлетворения сексуальных потребностей самого виновного или других лиц.

Определение, сформулированное А.Н. Игнатовым не содержит признака противоправности, что не характеризует его полноту, а в совокупности с использованным в определении оценочным признаком "...грубо нарушающие..." влечет, с нашей точки зрения не обоснованно широкое его толкование. Кроме того, ссылка на общественную опасность деяний в приводимом определении, на наш взгляд, представляется излишней, поскольку дублируется описанием таких деяний как "грубо нарушающих установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений".

УК РСФСР 1960 г. в главе "Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности" содержал пять составов преступлений, предусматривавших ответственность за посягательства на "установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений и основные принципы половой нравственности": изнасилование, понуждение женщины к вступлению в половую связь, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, развратные действия в отношении несовершеннолетних и мужеложство.

Необходимо отметить, что УК РСФСР 1960 года не предусматривал специальных норм об ответственности за половое насилие в отношении женщин, проявляющееся в форме насильственного полового акта, отличного от признаваемого естественным половым сношением.

Исторически сложившаяся определение изнасилования и понимание содержания данного термина, аналогичное его медицинской трактовке, характеризует изнасилование, как половое сношение мужчины и женщины, то есть

сношение полов, чего, очевидно, не может быть при гомосексуальных связях. Равно, как и гомосексуальные связи, не признавались изнасилованиями и насильственные действия сексуального характера, совершенные как в отношении мужчин (например, мужеложство), так и в отношении женщин (насильственное лесбиянство, а также сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, именуемые как *coitus per os* и *coitus per anum*). Очевидная ограниченность подобной регламентации ответственности за половые преступления в уголовном праве периода действия УК РСФСР 1960 года вызывала диаметрально противоположные взгляды, относительно алгоритма квалификации насильственных *coitus per os* и *coitus per anum*. Одни авторы, сторонники расширительного толкования изнасилования, предлагали понимать под последним любые формы насильственных сексуальных контактов в отношении женщины - как в естественной, так и в извращенной форме [17]. Другие, не менее известные ученые, понимали под изнасилованием только естественное, физиологически обусловленное, половое сношение [18]. В судебно-следственной практике РСФСР рассматриваемого периода использовалось расширительное толкование, что вызывало, на наш взгляд, справедливую критику. Только три республики в составе СССР (Эстония, Молдавия и Украина) внесли в свои уголовные кодексы специальные нормы об ответственности за насильственные действия сексуального характера (именовавшиеся в рассматриваемый период, как насильственное "удовлетворение половой страсти в извращенных формах (...)") (УК УССР и Молдавской ССР), "в извращенном виде" (УК Эстонской ССР)). Суды остальных союзных республик при квалификации подобного рода преступлений шли по пути либо расширительного толкования, квалифицируя их как изнасилования, либо расценивали их в зависимости от иных признаков преступления как, например, злостное хулиганство. С нашей точки зрения, оба варианта квалификации противоречили принципу законности, а потому естественным шагом законодателя стало внесение изменений и дополнений в уголовно-правовую регламентацию ответственности за половые преступления, которые осуществлялись в рамках реформирования всей системы отечественного уголовного законодательства. В 1996 г. был принят и в 1997г. вступил в силу УК России, как единственный источник уголовного закона Российской Федерации. Принципиальное отличие

положений УК РСФСР 1960 г. об ответственности за половые преступления от регламентации такой ответственности в УК РФ 1996 г. состоит в том, что в УК РФ было декриминализовано ненасильственное мужеложство с одновременной криминализацией насильственных гомосексуальных связей, насильственных действий сексуального характера, а также значительно более обширном, нежели в УК РСФСР перечне квалифицирующих признаков "половых преступлений". Безусловно, к принципиальным отличиям УК РФ от ранее действующих уголовных кодексов является выделение половых преступлений в самостоятельную группу, определяемую особенностями объекта уголовно-правовой охраны - половой неприкосновенности и половой свободы личности. Нормы УК РСФСР 1960г. об ответственности за посягательства на половую нравственность [19] в УК РФ нашли свое логичное, на наш взгляд, закрепление в соответствующих статьях главы "Преступления против здоровья населения и общественной нравственности". Регламентируемое УК РСФСР недостижение потерпевшим половой зрелости, как составообразующий признак в правовой регламентации ответственности за преступления против половой неприкосновенности, в УК России заменено возрастным критерием потерпевшего.

Таким образом, УК России 1996 г. представляет собой очередной шаг в развитии отечественного уголовного законодательства об ответственности за половые преступления. Вместе с тем, в течение относительно недолгого времени существования, нормы УК РФ 1996г. об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности претерпели весьма значительные изменения и дополнения [20], при этом, отдельные изменения, ставшие, очевидно результатом поспешно принимаемых, криминологически необоснованных решений, представляли собой, по сути, возврат к ранее существовавшей редакции соответствующих норм [21].

Так, первоначальная редакция ст. 134 УК России предусматривала ответственность за ненасильственное половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. С принятием Федерального закона от 25.06.1998г. № 92 - ФЗ, максимальный возраст потерпевшего был снижен до четырнадцати лет. Очевидно, что подобное законодательное решение фактически декриминализовало деяние, исторически

признаваемое преступным, как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве об ответственности за половые преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних. Через пять лет с принятием Федерального закона Российской Федерации от 08.12.2003г. № 162 - ФЗ рассматриваемая норма вновь претерпела изменения, и была фактически восстановлена ее ранее действующая редакция, в соответствии с которой потерпевшим признавалось лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста. С нашей точки зрения, данная позиция законодателя представляется справедливой, отражающей существующие, к тому же, исторически сложившиеся представления о половой неприкосновенности личности и о максимальном возрасте лица, такой неприкосновенностью обладающего.

Дальнейшие изменения и дополнения, внесенные законодателем в уголовно-правовую регламентацию ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста [22] касались дополнения нормы квалифицирующими признаками, позволяющими дифференцировать ответственность виновного в зависимости от возраста потерпевшего (по ч. 2 и 3 ст. 134 УК РФ, не достигшего, соответственно, четырнадцатилетнего и двенадцатилетнего возраста). Часть 4 ст. 134 УК РФ так же представляет собой квалифицированный вид рассматриваемого преступления, где отягчающим обстоятельством выступает соучастие в форме группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

Изменения коснулись и наказуемости данного преступления, в связи с чем, максимальное наказание было ужесточено до двадцати лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет.

В 2009 году рассматриваемая норма была дополнена специальным условием освобождения от уголовного наказания в связи с заключением брака между виновным (виновной) и потерпевшей (потерпевшим).

Существенно изменилась и уголовно-правовая регламентация ответственности и наказуемости изнасилования и насильственных действий сексуального характера. При этом, максимальное наказание за совершение рассматриваемых преступлений при особо отягчающих обстоятельствах было ужесточено

до двадцати лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет.

В качестве примечания, статья 134 УК России регламентирует специальное условие освобождения от уголовного наказания в связи со вступлением виновного в брак с потерпевшим, что характеризует утрату общественной опасности виновным и совершенным им преступлением. Отметим, что заключение брака с потерпевшим, хотя и является на сегодняшний день единственным случаем буквальной законодательной регламентации такого основания освобождения от наказания, но, вместе с тем, не представляет собой чего-либо нового и ранее неизвестного доктрине отечественного уголовного права в области регулирования половых отношений. Так, А.В. Лохвицкий [23] в 1867г., И.Я. Фойницкий [24] в 1916г., а среди советских ученых - Жижиленко А.А. [25] в 1924г., Е.П. Френкель [26] в 1927 году допускали декриминализацию изнасилования жены мужем, однако впоследствии такая позиция не нашла поддержки в доктрине уголовного права.

Касаемо наказуемости половых преступлений в истории становления и развития отечественного уголовного законодательства, представляется необходимым обратить внимание на некую периодичность в ужесточении и смягчении наказаний. В истории становления и развития Советского уголовного права наиболее строгое наказание за изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах колебалась в пределах от восьми лет лишения свободы [27] до смертной казни. [28] В УК России 1996г. максимальное наказание за самые тяжкие виды рассматриваемого преступления изменилось с течением времени с 15 лет лишения свободы (в первоначальной редакции), до 20 лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет и с ограничением свободы на срок до двух лет (в редакции Федерального закона от 27.12.2009 № 377 - ФЗ).

Подводя итог, отметим, что история становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности характеризуется достаточно длительным периодом, в течение которого формировались понятия преступного полового насилия, определения и содержание его

составообразующих признаков, и квалифицированных видов.

Изменявшаяся с течением времени социальная, морально-нравственная оценка половых отношений, относительно их существования вне брака, общественная оценка нетрадиционных форм половых отношений, само понятие общественной (и, в частности, половой) нравственности, динамика половых преступлений и даже политическая идеология на различных этапах развития отечественного уголовного права существенным образом влияли на государственно-правовые методы регулирования половой свободы и половой неприкосновенности личности и допустимость применения при этом мер уголовно-правового характера.

Анализ и сопоставление точек зрения и взглядов наиболее известных ученых всех рассмотренных выше периодов развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за насильственные половые преступления, позволяет определить основные составообразующие признаки изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Изменявшееся с течением времени, но исторически сложившееся и устоявшееся в общественном правосознании определение изнасилования, характеризует последнее, как посягательство на половую свободу женщины. Вместе с тем, многие известные авторы, поддерживая данную точку зрения, основанную на медицинском понимании полового сношения, отмечали, что изнасилование, в отличие от полового сношения - есть юридический термин и поэтому его регламентация и определение в уголовном праве зависит от воли законодателя. Большинство авторов, с одной стороны, выступали против излишне расширительного толкования изнасилования, с другой - признавали необходимость последнего для осуществления в ходе квалификации должной правовой оценки иных видов сексуально-насильственных посягательств в отношении женщин, которые половыми сношениями в медицинском смысле не являются.

Неурегулированность подобного рода посягательств специальными нормами уголовных кодексов абсолютного большинства союзных республик СССР вело либо к применению закона по аналогии и его расширительному толкованию, либо к необоснованной квалификации половых преступлений по статьям УК об ответственности за хулиганство и посягательство на здоровье личности. С нашей точки зрения, и первое, и

второе, едва ли представляется законным и справедливым.

Таким образом, регламентируемая УК РФ ответственность за насильственные действия сексуального характера, безотносительно половой принадлежности потерпевшего, - есть необходимая мера по обеспечению законности и справедливости в процессе уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения половой свободы и половой неприкосновенности личности.

1. *Российское законодательство X - XX вв. в 9 томах / Под общей редакцией О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 3. С. 97.*

2. *Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под редакцией Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 95.*

3. *Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. В 2 т. СПб., 1902.*

4. *Российское законодательство X - XX вв. в 9 томах / Под общей редакцией О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 3. С. 359.*

5. *Там же.*

6. *Лист Ф. Учебник уголовного права, Особенная часть, М., 1905. С. 70.*

7. *УК РСФСР 1922г.*

8. *Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. редактор И.Я. Козаченко. М., 1998. С. 118.*

9. *Френкель Е.П. Половые преступления. Одесса, 1927. С. 5, 18.*

10. *Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М., 1952. Ст. 153. С. 50.*

11. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 162.*

12. *Там же. С. 163.*

13. *Форель В. Половая жизнь и право. М., 1907; Фукс И.Б. Гомосексуализм как преступление. СПб., 1914; Пятницкий Б.И. Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910; Внуков и Эдельштейн. Правонарушения в области сексуальных отношений. М., 1927, и др.*

14. *Классификация по А.Н. Игнатову (см.: Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М.: "Юридическая литература", 1974).*

15. *Яковлев Я.М. Половые преступления. Душанбе, 1969. С. 64.*

16. *Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М.: "Юридическая литература", 1974. С. 8.*

17. *Яковлев Я.М. Половые преступления. Душанбе, 1969г. стр. 107 - 112; Блиндер Б.А.*

Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву; Г. Н. Мудьюгин, Ю. Д. Шубин. Расследование изнасилования. М., 1970., С. 18 и др.

18. Игнатов А. Н. Ответственность за преступления против нравственности. "Юридическая литература", М., 1966г., С. 62-64., Осипов П. П. Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов). Л., 1966., С. 192.

19. Вовлечение в занятие проституцией, организация занятия проституцией, статьи об ответственности за порнографию и т. п.

20. Федеральный закон Российской Федерации от 25.06.1998г. № 92 - ФЗ, от 08.12.2003г. № 162 - ФЗ, от 21.07.2004г. № 73 - ФЗ, от 27.07.2009г. № 215 - ФЗ, от 27.12.2009г. № 377 - ФЗ

21. Федеральный закон Российской Федерации от 25.06.1998г. № 92 - ФЗ, от 08.12.2003г. № 162 - ФЗ.

22. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2009г. № 215 - ФЗ, от 27.12.2009г. № 377 - ФЗ.

23. Лохвицкий А. В. Курс уголовного права. 1867г., С. 577.

24. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Петроград, 1916г., С. 141.

25. Жижиленко А. А. Половые преступления. М., 1924г., С. 19-20.

26. Френкель Е. П. Половые преступления. Одесса, 1927г., С. 15.

27. УК РСФСР 1926г.

28. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС ССР 02.07.1991 N2281-1).

Стукалов Вячеслав Владимирович
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
тел.: 88612583563

Проблемы правовой регламентации возрастных признаков субъекта торговли людьми, совершенной в отношении заведомо несовершеннолетнего

Аннотация

В статье анализируются проблемы правовой регламентации возрастных признаков субъекта торговли людьми, совершенной в отношении заведомо несовершеннолетнего.

Annotation

In article are analysed problems to legal regulation age sign subject to trade people, made in respect of undoubtedly minor.

Ключевые слова: торговля людьми, несовершеннолетние, субъект преступления, психическое и нравственное развитие несовершеннолетних, уголовная ответственность.

Key words: trade people , minor Subject crimes, psychic and moral development minor , criminal responsibility.

В соответствии с п. "б" ч.2 ст. 127.1 УК России, купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно мотивируемые целями его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в отношении заведомо несовершеннолетнего признаются квалифицированным видом торговли людьми. Торговля несовершеннолетними обладает более высокой общественной опасностью по сравнению с торговлей взрослыми людьми. Помимо свободы личности, выступающей в качестве основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления, при торговле несовершеннолетними причиняется вред или создается угроза причинения существенного вреда общественным отношениям, обеспечивающим нормальное психическое и нравственное развитие несовершеннолетнего, что, на наш взгляд вполне справедливо находит отражение в уголовно-правовой регламентации ответственности за рассматриваемый вид торговли людьми. Торговля несовершеннолетними в соответствии с УК

России наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Представляется, что такая санкция, более чем в полтора раза превышающая максимальный размер наказания за торговлю взрослыми людьми, вполне справедлива и, согласуясь с принципами уголовного закона, учитывает характер общественной опасности преступления против свободы личности, совершенного при рассматриваемомотягчающем обстоятельстве.

Вместе с тем, при, безусловно, оправданном содержании, сама форма правовой регламентации несовершеннолетнего возраста потерпевшего, как отягчающего обстоятельства торговли людьми в уголовном законодательстве России, на наш взгляд представляется не вполне удачной, и не отражающей общих направлений уголовной политики России по криминализации деяний, причиняющих вред или создающих реальную угрозу причинения существенного вреда общественным отношениям, обеспечивающим нормальное психическое и нравственное развитие несовершеннолетних.

Так, п. "б" ч.2 ст. 127.1 УК России излагается в

следующей редакции: "в отношении заведомо несовершеннолетнего". Абсолютно оправданной, на наш взгляд, является законодательная регламентация заведомости, как заведомой осведомленности виновного о несовершеннолетии потерпевшего. Вместе с тем, исходя из законодательной формулировки обозначенногоотягчающего обстоятельства, можно сделать вывод, что ответственности за данное преступление подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Этот вывод основан на положениях ст. ст. 19, 20 УК России, а также на отсутствии прямого указания на возраст субъекта преступления в диспозиции ст. 127.1 УК России.

Представляется, что установление уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста за посягательства на психическое и нравственное развитие несовершеннолетних не вполне оправдано и вступает в противоречие с принципом вины, запрещающим объективное вменение и регламентирующим обязательное установление вины при привлечении лица к уголовной ответственности. В соответствии с положениями ст.ст. 5, 24-27 УК России, уголовная ответственность может наступать только за виновное совершение деяния и только за такие последствия, в отношении которых установлено осознание или (как минимум) способность осознания лицом общественной опасности и фактического характера, а также возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий совершаемого деяния. С нашей точки зрения, шестнадцатилетнее лицо, будучи способным осознавать общественную опасность торговли людьми, все же, не способно в полной мере осознавать общественной опасности и фактического характера причинения вреда нормальному психическому и нравственному развитию несовершеннолетнего, как дополнительному объекту квалифицированного вида торговли людьми. При этом, наша точка зрения находит подтверждение и в законодательной регламентации ответственности за многие преступления против несовершеннолетних. Так, например, ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (статья 150 УК России), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий [1] (статья 151 УК России), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста [2] (статья 134 УК России), развратные действия [3] (статья 135 УК

России) в силу прямого указания закона наступает только в отношении лиц, достигших ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста. Квалифицированный вид незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, предусмотренный п. "в" ч.3 ст. 228.1 УК России так же излагается законодателем в следующей формулировке: "лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего" [4]. Статья 242.1 УК России "Изготовление и оборот материалов или предметов с порно-графическими изображениями несовершеннолетних"[5] в диспозиции ч. 1 также содержит буквальное указание на совершеннолетие, как признак специального субъекта преступления.

Вместе с тем, анализ положений УК России позволил выявить ряд статей, предусматривающих в качестве квалифицирующего признака совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего и не содержащих прямого указания на достижение субъектом восемнадцатилетнего возраста. В частности, к таким статьям относятся: ст. 117 УК России "Истязание", ст. 121 УК России "Заражение венерической болезнью", ст. 122 УК России "Заражение ВИЧ-инфекцией", ст. 126 УК России "Похищение человека", ст. 127 УК России "Незаконное лишение свободы", ст. 127.1 УК России "Торговля людьми", ст. 127.2 УК России "Использование рабского труда", ст. 131 УК России "Изнасилование", ст. 132 УК России "Насильственные действия сексуального характера", ст. 206 УК России "Захват заложника", ст. 230 УК России "Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ", ст. 240 УК России "Вовлечение в занятие проституцией", ст. 241 УК России "Организация занятия проституцией", ст. 359 УК России "Наемничество". Вместе с тем, приведенные примеры не опровергают наших выводов, поскольку представляют собой, по сути, первоначальную редакцию УК 1996г., в которой анализируемому нами вопросу не уделялось должного внимания. Тем не менее, принципиальная недопустимость объективного вменения легла в основу вносимых в УК изменений и дополнений.

Те нормы УК России, которые, предусматривая ответственность за посягательства на психическое и нравственное развитие несовершеннолетних, регламентируют ее только в отношении взрослых преступников, в абсолютном большинстве являются результатом

модернизации законодательства и внесения в него соответствующих изменений и дополнений. Так, например, именно внесению специального указания на совершеннолетний возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 151 УК России "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий" посвящена ч. 77 ст.1 Федерального закона России от 08.12.2003г. № 162-ФЗ; в соответствии с ч.10 ст.1 Федерального закона от 27.07.2009 N 215-ФЗ изменения, касающиеся возраста субъекта преступления, были внесены в ст. 135 УК России "Развратные действия". Пункт "б" ч. 12 ст.1 Федерального закона от 27.07.2009 N 215-ФЗ изложил в новой редакции п. "в" ч.3 ст. 228.1 "Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего". Ст. 242.1 УК России "Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних", содержащая буквальное указание на совершеннолетие, как признак специального субъекта преступления, также является результатом внесения изменений и дополнений в отечественное законодательство.

Таким образом, с нашей точки зрения, на сегодняшний день можно проследить тенденцию, в соответствии с которой, законодатель регламентирует ответственность за посягательства на психическое и нравственное развитие несовершеннолетних только в отношении взрослых, т.е. лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста.

Обозначенный подход представляется нам вполне справедливым: взрослый человек вполне способен осознавать, что, вовлекая несовершеннолетнего в совершение преступления, а равно, совершая преступление в отношении несовершеннолетнего, он причиняет вред нормальному психическому и нравственному развитию ребенка. Способность осознания данного обстоятельства характеризует один из признаков виновности в причинении вреда названному объекту уголовно-правовой охраны. С другой стороны, несовершеннолетнее лицо, совершая преступление в отношении своего сверстника, способно осознавать, что причиняет вред жизни, здоровью, свободе личности и т. п., но, с нашей точки зрения, не способно осознавать общественной опасности (как и самого факта) причинения вреда или создания реальной угрозы причинения существенного вреда нормальному психическому и нравственному развитию потер-

певшего. Подобная неспособность осознания в соответствии с положениями ст. 28 УК России исключает вину, а, следовательно, и уголовную ответственность за посягательство на обозначенный объект уголовно-правовой охраны.

Проведенное нами социологическое исследование показало, что более чем 83 % опрошенных несовершеннолетних преступников осознавали общественную опасность того или иного преступления, совершенного в отношении несовершеннолетнего, только применительно к основному непосредственному объекту посягательства, но не осознавали общественной опасности причинения вреда нормальному психическому и нравственному развитию потерпевшего. При этом абсолютное большинство опрошенных не осознавало противоправности таких действий, т.е. регламентации уголовным законом повышенной ответственности за совершение преступления в отношении несовершеннолетнего. Безусловно, правовой нигилизм не может лечь в основу декриминализации деяния, вместе с тем, с другой стороны, неспособность преступника, не достигшего восемнадцатилетнего возраста осознавать повышенную общественную опасность того или иного преступления в случае его совершения в отношении несовершеннолетнего, на наш взгляд, является основанием для законодательного запрета вменения в обозначенных случаях рассматриваемогоотягчающего обстоятельства.

Безусловно, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 20 УК России, суд в обозначенных выше 83 % вправе отказаться от вменения отягчающего обстоятельства "совершение преступления в отношении несовершеннолетнего" и не учитывать этого квалифицирующего признака, если виновный "вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия)". Вместе с тем, представляется, что такое судебное усмотрение, тем более при таком высоком проценте "неосознающих", и привлечение к повышенной ответственности только оставшихся 16,5 % виновных вступает в противоречие с принципом равенства граждан перед законом и, кроме того, с другой стороны, является в большой степени коррупциогенным.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем дополнить диспозиции всех статей УК России, предусматривающих в качестве признаков состава преступления несовершеннолетие потер-

певшего (в том числе и п. "б" ч.2 ст. 127.1 УК России (торговля людьми в отношении заведомо несовершеннолетнего)) ссылкой на достижение виновным восемнадцатилетнего возраста.

1. В ред. Федерального закона от 08.12.2003
N 162-ФЗ

2. В ред. Федерального закона от 27.07.2009
N 215-ФЗ

3. В ред. Федерального закона от 27.07.2009
N 215-ФЗ

4. П. "в" в ред. Федерального закона от
27.07.2009 N 215-ФЗ

5. В ред. Федерального закона от 27.07.2009
N 215-ФЗ)

Томин Валентин Тимофеевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

Адаменко Игорь Евгеньевич

кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89183458285)

Проблемные ситуации [1], связанные с эффективностью [2] уголовного судопроизводства как следствие обилия в современном российском уголовном законодательстве (процессуальном и материальном) белых пятен и черных дыр. (Подходы к проблеме)

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы законодательного регулирования современного отечественного уголовного процесса (уголовного судопроизводства) как отрасли государственной деятельности. Следственный, исследовательский и преподавательский опыт авторов побуждает их весьма критично отнестись как к нынешнему тексту УПК РФ, так и к практике его применения. Многие их суждения носят парадоксальный характер.

Annotation

The article is about debatable questions of legislative regulation of today's domestic criminal trial (criminal justice's) as branches of the state activity. Investigatory, research and teaching experience of the authors induces them is rather critical to concern as present text code of criminal procedure the Russian Federation, and practice of its application. Their many judgements have paradoxical character."

Ключевые слова: гражданское общество, интродукция, конкретная жизненная ситуация, проблемная ситуация, проблема, среда функционирования, социально-психологическая атмосфера, социально-психологический климат, эффективность уголовного судопроизводства, детерминанта, методология, метод.

Key words: civil society, introduction, specific wordly situation, problem, shhere of functioniny, social-phychlogy atmosphere, social-psychology climate, effectivness of criminal judge, deteminanta methodology, method.

о обстоятельство, что авторы умудрились дать сноску уже к первому использованному ими в статье термину, не случайно.

Наше длительное пребывание в среде юристов

- исследователей и правоведов-ораторов, в среде юридических текстов, произносимых или начертанных, привело нас к выводу, что многие споры или разногласия между исследователями происходят от того, что многие из них в одни и

те же термины вкладывают разное содержание. Именно поэтому свою совсем небольшую статью мы и снабдили специальным предуведомлением, в частности для того, чтобы предупредить читателя, что в сносках мы дали истолкование ряда понятий, которые разными авторами подчас истолковываются рассогласовано. Это не означает, что мы считаем наше понимание единственно верным, истиной в последней инстанции. Нет, для того, чтобы избежать словесных полемик, мы в соответствующих сносках дали такие определения терминов, из которых исходим в настоящей работе, как, впрочем и в ряде других публикаций.

Авторы не собираются утверждать, что все без исключения существующие, или могущие стать таковыми, серьезные недостатки современного отечественного уголовного процесса (уголовного судопроизводства) как отрасли государственной деятельности порождены пробелами (сиречь, черными дырами) или, напротив, излишествами, в законодательстве. Как раз напротив, большая часть невзгод, с которыми приходится сталкиваться сегодня гражданам РФ, подвергнувшись преступным посягательствам и обратившись в поисках защиты, восстановления нарушенного преступлением права и возмещения причиненного ущерба в правоохранительные органы и зачем-то усиленно отделяемые от них разнообразными судами, по нашему мнению, зачастую приходится разочаровываться в эффективности исполнения законов названными субъектами.

Однако в настоящей статье, мы хотели бы, прежде всего, обратить внимание на то обстоятельство, что одна из самых серьезных причин пробуксовки законов - это их далеко не всегда высокое качество, не своевременность принятия и вступления в силу [3], в частности, не соответствие законов тому периоду, в который они приняты и объявлены вступившими в силу. Наличие в принимаемых и поправляемых законах противоречий с правосознанием большинства народа, в особенности это важно для нормативных актов, принимаемых в переходный период, который страна переживает сегодня, условиям и возможностям других характеристик этого периода. Один из нас уже неоднократно в своих публикациях цитировал: "хотите, чтобы плохие законы были отменены - исполняйте их тщательно и буквально, в полном соответствии с тем, что в них написано!"

2. Социально-психологическая атмосфера (извне) и социально-психологический климат (изнутри) как детерминанты эффективности

уголовного процесса. Очень дробное деление нынешнего общества на страты

Есть два обстоятельства, на наш взгляд, теснейшим образом связанные со средой функционирования (СФ) правоохранительной и судебной деятельности. Это: (1) социально-психологическая атмосфера (СПА) общества, в котором действуют милиционеры (быстро и безропотно ставшие в переходный период полицейскими), прокуроры, судьи и адвокаты; (2) социально-психологический климат в ОВД в целом, в отдельных их подразделениях, в прокуратуре, в судах, в разобщенной персонально, однако зачастую объединяемой совпадающими интересами адвокатуре.

Социально-психологическая атмосфера современного общества, точнее различных его страт, ибо, мы настаиваем на этом, единого гражданского общества в стране сегодня нет, нуждается в серьезном и непредвзятом анализе. Дело в том, что людская общность в Российской Федерации расслоена, а, может, мы обязаны сказать, расколота, сегодня до такой степени, что ее подчас и называть общностью язык не поворачивается. Российское общество ныне разобщено по множеству параметров: 1) по имущественному положению и по способам получения в собственность или владение миллионов или даже миллиардов рублей, иной собственности; 2) по идеологии; 3) по возрасту и степени доверия ТВ, интернету, другим СМИП (средствами массовой информации, пропаганды и агитации); 4) по положению во властной или других вертикалях, в частности, по должностному и социальному положению; 5) по вероисповеданию и принадлежности к той или иной церкви, действительному или - по разным соображениям - демонстрируемому; 6) по этническим и языковым различиям; 7) по месту проживания и семейным традициям; наконец, 8) по отношению к закону - законопослушные и криминально-зависимые граждане.

К п. 8) перечня, завершающего предыдущий абзац, весьма тесно примыкают следующие разбиения страты 9) "индивиды, и связанные с каждым из них преступления: а/ совершившие преступления, изобличенные и справедливо осужденные; б/ не совершавшие преступления, однако ошибочно и, следовательно, несправедливо осужденные; в/ совершавшие преступления, не изобличенные и, следовательно, несправедливо не осужденные.

Приведенный перечень, конечно не исчерпывающ.

Мы опасаемся, в частности, что в Российской Федерации сегодня - по трудно

устанавливаемым свойствам, тем не менее, судя по последствиям их существования, явно наличествуют подчас поляризованные страты русских и россиян.

Заметим, страта (социальная группа) криминально-зависимых личностей весьма своеобразна. Во всяком случае, в условиях РФ она не очень стабильна, вхождение в нее отдельных личностей и выход их из нее, а также их самооценки в этом отношении весьма подвижны. Может быть, подвергнув состав криминальной страты более глубокому анализу, обнаружим, что эта социальная группа не только разнопрофильна, но и разноречива, что характер и степень тяги различных индивидов этой страты к совершению преступлений определенной направленности, характер и сила сдерживающего воздействия на них профилактических мероприятий различного генезиса и содержания, также, как и провоцирующего, зовущего к подражанию другим членам этой страты - различны, подчас диаметрально противоположны.

Мы выше назвали девять параметров, по которым возможно реальное разбиение человеческой общности на страты. Впрочем, это далеко не все возможные параметры разобщения.

Надо ли из констатированной (частично, возможно, предполагаемой, не безусловно истинной) раздробленности человеческой общности на многочисленные людские страты делать вывод не только о неизбежной людской отчужденности, но даже и враждебности между стратами, тем более, что целый ряд событий в социальной жизни страны, например, свежие в памяти каждого из нас столкновения на "Манежке" (Манежной площади в Москве), могут подвинуть мышление именно в этом, весьма опасном для современного направлении. Естественно, нет. Мы хотим подчеркнуть сказанным лишь следующее: возможно, в условиях, сложившихся сегодня в стране, социально-психологическую атмосферу функционирования уголовно-процессуальной системы с учетом дробности сильно расслоившегося общества следует изучать, учитывая социальные и психологические особенности страт и характер их взаимодействия между собой.

Мы хотим обратить внимание еще на одну из причин разобщения и, как ее следствие, естественной разобщенности не только предполагавшегося единым советского народа, но и многих разнонациональных советских народов изнутри. На наш взгляд, сделать это в

данной ситуации, в данных условиях, в данном состоянии массового, группового и индивидуальных правосознаний представляется просто необходимым, ибо это та самая причина, которая оказалась совершенно разрушительной для КПСС и, вследствие этого, для многонационального и неизбежно противоречивого первопреходца социализма и во многом другом тоже первопреходца - советского государства.

Эта причина, в частности, - накопившаяся за 60-е годы прошлого столетия и последующие годы инфекционная разобщенность между коммунистами и партийным аппаратом. Сложившаяся за эти годы устойчивая практика назначения на большинство руководящих должностей в большинстве своем членов партии привело, по крайней мере, к двум отрицательным последствиям.

Первое отрицательное последствие заключалось в том, что в партию ринулись чуть ли не строем карьеристы. Впрочем, может быть зря, мы в предыдущей фразе употребили глагол в прошедшем времени. В правящей сегодня "Единой России", похоже, и во времени настоящем, начинают наблюдаться аналогичные процессы [4]. Видимо, их продвижению способствовали и партийные чиновники. Ведь карьеристами сподручнее управлять. И в этом второе, не менее отрицательное, чем первое, последствие накопившихся за последние десятилетия 20-го века причин разобщения, даже отчуждения партийных чиновников от коммунистов. Попробуем разьяснить свою позицию. Поскольку подавляющее большинство хозяйственных, прокурорских, судейских, милицейских, вузовских и прочих руководителей были членами КПСС, то партийный аппарат, и не только его руководители, проводя партийную политику, действовали не через партийные организации, а через начальников, имевших партийные билеты. Совсем не случайно, что в смутные времена самого начала 90-х уже прошлого столетия среди работников партийного аппарата нашлось мало, очень мало ораторов, способных и, главное, готовых выйти на улицы к участникам немногочисленных, хотя зачастую и крикливых, митингов и демонстраций.

Мы подчеркиваем это обстоятельство, кроме всего прочего для того, чтобы высказать свой скепсис в отношении суждений тех авторов, которые сегодня утверждают, что в нашей стране уже сформировалось столь страстно пропагандируемое ими гражданское общество.

Честно говоря, нас мучает вопрос: не является ли намеренным введение в заблуждение народа,

который заинтересованные группы лиц, как в стране, так и за рубежом, убеждают, что в нашей стране создается и даже уже создано единое гражданское общество.

Гражданское общество своим названием в последние годы стало весьма популярным в отечественной юридической литературе. Однако нам неизвестны операциональные определения его в отечественных уголовно-процессуальных источниках, поэтому придется начинать подходы к ответу на этот вопрос с самого начала. Знать бы только, где его искать. Существенные затруднения при этом вызывает то обстоятельство, что авторское понимание отражаемого этим термином понятия побуждает меня констатировать определенную облегченность значительного числа коллег - процессуалистов при использовании его.

Мы продолжим тем, что вместе с С.Г. Кара-Мурзой заявим, что ГО - понятие существенно различное для людских объединений традиционных и современных. Современное общество возникло в Западной Европе на обломках традиционного общества Средневековья. Россия, как в облике Империи, так и в образе СССР, традиционно является традиционным обществом. То, что одно из обществ когда-то давно получило название современного, вовсе не означает, что оно совершеннее, и это даже не бесспорно. Оба названия, в сегодняшнем применении, носят весьма условный, более того, субъективный характер.

Понятие ГО по О.Г. Румянцеву и В.И. Додонову скроено явно по западноевропейским лекалам. Его характеристика по отношению к Европе и, конечно США, носит у них (верная примета отечественных западников) явно комплиментарный по отношению к Западной Европе окрас [5]. ГО выходцев из Европы в будущие США без всяких нравственных проблем триста лет пользовалось рабским трудом, считаясь при этом идеалом демократии. Можно даже сказать, идолом западной демократии. Однако, заметим, в то же время именно с Запада оговаривали Россию за гораздо меньший срок существования в ней крепостного права. Напомним для точности, крепостное право существовало отнюдь не на всей территории России.

Основатель теории ГО Джон Локк [6], наверное, можно считать его таковым, соучаствовал в составлении конституции (если не слишком вдумываться в содержание, то всякая конституция, это аргумент в пользу демократичности общества), даже если это

конституция рабовладельческих штатов, и вкладывал свои сбережения или заработки, не информированы, чего больше, в работоторговлю [7]. Дескать, философия - философией, а о доходах нельзя забывать.

При возникновении современного общества в результате Реформации и буржуазных революций возникло новое представление о человеке - свободный индивид - которое, думается и порождает непримиримые противоречия между традиционным и современным обществом, между православием и различными видами протестантизма. Индивид - это латинизированный греческий атом (неделимый). Физики атом давно не то, чтобы разделили, но и воистину анатомировали, однако индивид в социальном понимании этого термина остается монолитом.

Индивид и личность - это разные понятия. Индивид с позиций протестантской социологии становится атомом, образующим народы, государства, человечество. Все названные образования, в государстве и обществе, именуемыми современными, образовывались не общинами или их совокупностями, а свободными индивидами, находящимися (и это принципиально важно) в противоречиях между собой. При этом каждый из индивидов, участвующих в строительстве общества, имеет в частной собственности свое тело. Именно оно становится самым исходным, первичным элементом частной собственности. Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, происходило выскальзывание индивидов из связывающих человека солидарных, общинных и многих других действительно человеческих связей. А капитализму как раз и был нужен индивид, свободно перемещающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы.

"Поэтому община всегда была главным врагом буржуазного общества и его культуры" [8].

С определенными упрощениями можно сказать, что наем человеческого тела становится всем доступен. Со временем вполне доступным становится наем и человеческого интеллекта. Однако, это уже другой вопрос. А, может, быть тот же самый?

Понимая обладание совсем широко, можно ли так утверждать? Ведь это в семейных отношениях, да и в отношениях между полами и в специфических отношениях внутри полов вообще черт знает что получается!

На Западе, в так называемом современном обществе, и популярное понятие "народ" изменилось. Это уже не сообщество личностей,

а совокупность индивидов. Французский традиционалист Ламеннэ писал, что следствием Реформации явился капитализм с его жадной наживы, превративший Францию с начала XIX в. в "сборище 30 млн. индивидуумов".

По чьему же не очень убедительно аргументированному мнению ... население страны превращается в народ посредством пребывания в гражданском обществе? Существует ли хоть одна страна в мире, в котором гражданское общество является единым? А, может быть, их, гражданских обществ, в одной - любой - стране по определению, просто не может быть одно. Между тем, СПА в стране, важной детерминантой [9] и составной частью которого и является единое ГО, в значительной части определяет, во-первых, настрой гражданина, столкнувшегося с подготовкой или совершением преступления, с попыткой заподозренного скрыться от преследующего его милицейского патруля [10], во-вторых, детерминанты его поведения при вовлечении в уголовный процесс.

Во многих самых разнообразных источниках сегодня можно прочитать примерно следующего типа суждения: "Защита прав и законных интересов личности стала приоритетной задачей уголовного судопроизводства, определяющей его предназначение..." [11]. Такое утверждение искажает не только позицию современного законодателя, но и от веков существующие осознаваемые, а иногда не осознаваемые социальные, государственные и просто человеческие цели (задачи) создания и функционирования уголовного процесса и примыкающих к нему других отраслей государственной охранительной деятельности.

Современный законодатель, как нетрудно установить простым прочтением ст. 6 ч. 1 УПК РФ, формулирует для уголовного судопроизводства (уголовного процесса) двойственную задачу: "1. судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод".

Лаконичность в формулировках, конечно, хороша. Однако, в данном случае неизбежно встает несколько требующих уточнения вопросов, ответы на которые не нашли отражения в формулировке статьи, в своем наименовании декларирующей, что в ней охарактеризованы все стороны назначения уголовного процесса (уголовного судопроизводства).

Названная второй из них (сторон назначения) в тексте ч. 1 ст. 6 УПК РФ 2001 г., на наш взгляд,

в современных исторических условиях действительно рассматривается рядом авторов как одна из главных, более того многими из них декларируется и декламируется в этом качестве. Имея в виду актуальность проблемной ситуации, мы хотели бы, в связи с этим, призвать читателя, коллег в первую очередь, порассуждать с нами вместе о дельности этих утверждений.

Вот элементарный вопроса самому себе. А что, установление уголовным законом и возложение на него ответственности за причинение зла гражданам, организациям, обществу и государству не является назначением уголовного процесса? Для чего, в таком случае, существует такое уважаемое явление как материальное уголовное право?

Для нас ответ на этот вопрос может быть только положительным.

В самом общем плане эффективность каждой деятельности, наверное, можно определить как достижение поставленной цели /совокупности задач/ при наименьших затратах сил и средств.

В таком же общем плане эффективность уголовного судопроизводства надо понимать как достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в УСП.

Что касается материальных затрат на УСП то, по нашему мнению, при рассмотрении проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности они должны рассматриваться как константа, определяющаяся выделенными для этой деятельности бюджетными средствами, как ограничение системы, т.е. детерминанта [12], которая в рамках и средствами системы уголовного судопроизводства решена быть не может. Скажем более, в рамках системы УСП попытка её решения собственными средствами чревата опасными последствиями..

Есть несколько более развернутых определений. В частности, представитель Нижегородской школы процессуалистов С.С. Ерашов понимает под эффективной уголовно-процессуальной деятельностью такой порядок её организации, при котором каждое лицо, нуждающееся в защите своих законных интересов посредством УСП, могло бы легко и быстро получить её (доступ к правосудию) - это с одной стороны, а с другой - суд, прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель, к которым обратилось вышеупомянутое лицо, были в в состоянии без излишней затраты своего и чужого труда, времени и средств удовлетворить его законные требования.

И.Л. Петрухин полагает, что в понятие

эффективности находит выражение способность системы хорошо приспосабливаться к условиям окружающей среды, извлекать из неё ресурсы, необходимые для существования и развития ставить перед собой посильные, обоснованные цели и достигать их [13].

Будем честными - достижение цели уголовного процесса по всем уголовным делам, оказавшимся в производстве, невозможно. Законодатель из этого исходит. К такому выводу приводит исследователей, в частности, формулирование законодателем оснований к прекращению уголовного дела. Таких, например, как прекращение уголовных дел за истечением сроков давности уголовного преследования. Такое основание существовало в УПК РСФСР 1960 г., сохранилось оно и в УПК РФ 2001 г. (ст. 24 ч. 1 п. 3)

Любопытные рассуждения по поводу того, какое государство является эффективным, содержатся в выступлении В.В. Путина в его бытность президентом страны: "только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово "сильное", скажем эффективное государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей...".

Таким образом, В.В. Путин применительно к государству как органу власти полагает такие термины как "эффективное" и "сильное" синонимами. Следуя этому вполне устраивающему нас примеру, мы скажем, что необходимым условием эффективности уголовного судопроизводства являются сильные его составляющие, каковыми видимо являются субъекты уголовного процесса /оперативные аппараты, следователи, прокуроры, суды/ и его процедуры. К сожалению, "являются" в нашем отечестве сегодня это не реалии, не действительное. Это желаемое.

Непрерывной составляющей эффективного УСП является возможность использования разнообразных источников информации, обеспечение такой возможности нормами материального и процессуального уголовного права, технологиями и материальными средствами.

Эффективным мы назовём такой уголовный процесс, который характеризуется следующими основными чертами (качествами, свойствами):

в состоянии удовлетворить, в терминах науки "управление, социальными и экономическими системами", если не все, то, по крайней мере, большинство заявок на обслуживание; иными словами эффективно прореагировать на

большинство поводов к возбуждению уголовного дела; более того инициировать поступление заявлений о преступлениях (под иным углом зрения - заявок на обслуживание) заявок и способность правоохранительных органов самостоятельно выявлять признаки совершенных или готовящихся преступлений;

в состоянии достичь цели уголовного процесса по большинству уголовных дел в стране, находящихся в производстве правоохранительной и судебной систем [14];

достигнутыми в ходе уголовного процесса и достигнутыми в его завершении результатами в состоянии удовлетворить чувство справедливости. Поясню: речь идет, как об общественном, так и индивидуальном (большинства жителей страны, как прибежавшим к такой форме обслуживания их государством, как уголовный процесс, так и нет) чувстве справедливости.

Добавим, что в современном российском обществе вполне возможны как групповые (между различными стратами общества), так и индивидуальные расхождения в оценке справедливости уголовного судопроизводства.

в конкретных жизненных ситуациях в состоянии разумно разрешить объективно существующее противоречие между интересами достижения цели уголовного процесса и необходимостью обеспечения прав и свобод граждан, оказавшихся к деятельности в этой КЖС в деятельности правоохранительной и/или судебной системы прикосновенными.

При этом надобно подчеркнуть, что защищать (в терминологии А.А. Юнусова - оберегать [15]) надлежит права и свободы не только таких участников, как обвиняемые и подозреваемые, но и всех других участников уголовного процесса, к которым допустимо применение мер процессуального принуждения, и конечно же, эффективно защищать законные интересы тех законопослушных граждан, на которых учинено преступное посягательство;

уголовный процесс (уголовное судопроизводство) можно назвать эффективным лишь в том случае, если он выполняет свои задачи, расходуя (затрачивая) лишь те средства, которые выделены ему бюджетом. Деньги, затрачиваемые в ходе УСП - это бюджетные деньги. Сколько их выделено - во столько и надо уложиться. Лучше, конечно, чтобы таких денег в распоряжении правоохранительных органов и судов было побольше. И еще: чтобы выделенные деньги тратились рационально.

Мы уже упоминали, что лет, наверное, тридцать назад, один из нас писал о том, что

юристам надо научиться считать государственные деньги. Имелось в виду, что одним из параметров оценки предлагаемых для внедрения уголовно-процессуальных процедур должны стать их стоимость и цена (совершенно разные вещи!) в рублях. Подчеркнем, что в рублях. А не в долларах и не в евро. Наверное, это то, что сейчас называется экономической экспертизой.

Большинство тогдашних правоведов, особенно теоретиков права, отнеслось к такому повороту темы свысока, с некоторым недоумением даже. "Дешевое правосудие дорого обходится", - любил повторять, увы! - ушедший от нас молодым талантливый В.М. Савицкий. К сожалению, этот красивый афоризм в данном случае - ни что иное, как уход от реально существующей сложной и далеко не всегда красивой проблемы материального обеспечения отрасли государственной деятельности. По нашему мнению, проблемная ситуация в данном случае разрешалась лингвистически - посредством подмены понятий.

Нет, ничего удивительного, что процессуалисты 60-х и 70-х годов свысока относились к такому низменному предмету как деньги. Государство тогда аккуратно субсидировало уголовно-процессуальную деятельность, о средствах для её финансирования правоведам можно было не задумываться. Удивительно другое. Сегодня, когда уголовное судопроизводство финансируется неравномерно, подчас (караул!) нищенски, когда многие программы не осуществляются вследствие отсутствия средств на их исполнение, современный отечественный процессуальный закон, как и некоторые современные процессуалисты выступают за высоко затратные процессуальные процедуры.

В самом общем плане эффективность каждой деятельности, наверное, можно определить как достижение поставленной цели (совокупности задач) при наименьших затратах сил и средств.

В таком же общем плане эффективность уголовного судопроизводства надо понимать как достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в УСП.

Что касается материальных затрат на УСП, то по нашему мнению, при рассмотрении проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности они должны рассматриваться как константа, определяющаяся выделенными для этой деятельности бюджетными средствами, как ограничение системы, т.е. константа, которая в

рамках и средствами системы уголовного судопроизводства решена быть не может. Скажем более, в рамках системы УСП попытка её решения собственными средствами чревата неожиданными поворотами и опасными последствиями.

Есть несколько более развернутых определений. В частности, представитель НШП (Нижегородской школы процессуалистов) С. Ерашов понимает под эффективной уголовно-процессуальной деятельностью такой порядок её организации, при котором каждое лицо, нуждающееся в защите своих законных интересов посредством УСП, могло бы легко и быстро получить её (доступ к правосудию) - это с одной стороны, а с другой - суд, прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель, к которым обратилось вышеупомянутое лицо, были в в состоянии без излишней затраты своего и чужого труда и средств удовлетворить его законные требования.

И.Л. Петрухин полагает, что в понятие эффективности входит выражение способность системы хорошо приспосабливаться к условиям окружающей среды, извлекать из неё ресурсы, необходимые для существования и развития (? - знак вопроса поставлен нами применительно к трактовке И.Л. Петрухиным эффективности УСП. - Авт.), ставить перед собой посильные, обоснованные цели и достигать их [16].

Будем честными - достижение цели уголовного процесса по всем уголовным делам, оказавшимся в производстве, невозможно. Во всяком случае, мы не можем назвать случая, когда такие результаты имели бы место на существенной территории и достаточно большой срок. Законодатель из этого исходит. К такому выводу приводит исследователь, в частности, формулирование законодателем оснований к прекращению уголовного дела. Таких, например, как прекращение уголовных дел за истечением сроков давности уголовного преследования. Такое основание существовало в УПК РСФСР 1960 г., сохранилось оно и в УПК РФ 2001 г. (ст. 24 ч. 1 п. 3).

Любопытные рассуждения по поводу того, какое государство является эффективным, содержатся в выступлении президента страны: "только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово "сильное", скажем эффективное государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей..." [17]. Таким образом, В.В. Путин применительно к государству как органу власти полагает такие

термины как "эффективное" и "сильное" синонимами. Следуя этому вполне устраивающему нас примеру, мы скажем, что необходимым условием эффективности уголовного судопроизводства являются сильные его составляющие, каковыми видимо являются субъекты уголовного процесса /оперативные аппараты, следователи, прокуроры, суды/ и его процедуры.

Непрерывной составляющей эффективного УСП является возможность использования разнообразных источников информации, обеспечение такой возможности правом, технологиями и материальными средствами.

Почему только в диссертационных? Тому есть, по крайней мере две причины. Одна объективная, другая, как и следовало ожидать - субъективная. Вначале об объективной. Было бы, наверное, даже не остроумно в сложившейся сегодня в науке и практике ситуации в небольшой журнальной статье братья осветить все вопросы методологии, методов и методик всех видов исследований, касающихся эффективности отечественного уголовного процесса и влияния на него отечественного же уголовно-процессуального и примыкающего к нему законодательства в полном объеме.

Что касается стороны субъективной, то для ее выявления и характеристики мы сделали следующее. Посредством случайной выборки (с наших полок) - благо у двух авторов и наборов таких на полках их личных библиотек два - мы отобрали пятьдесят авторефератов диссертаций, защищенных в различных диссертационных советах и перекликающихся по направленности исследования, обозначенного в заголовке настоящей статьи. Впрочем, по причине, которая станет вполне понятной ниже, нам пришлось привлечь и иные источники, выходящие за пределы обозначенной проблематики. Исследование отображенных авторефератов привело нас к грустному, скорее, даже к нескольким грустным, выводам. В очень многих рефератах соответствующие фрагменты носят упрощенный, а подчас и просто примитивизированный характер. Косвенным, однако, наглядным свидетельством верности этого суждения является разноречивость в заголовках. Давайте взглянем: 1) общеметодологические основы диссертационного исследования [18], 2) методологическая основа исследования [19], 3) методологические основы исследования [20], 4) методологическая основа исследования + методика исследования [21]; 5) методологическая основа + методическая сторона исследования [22]; 6) теоретическая и

методологическая основа исследования [23]; 7) 8) методологическая и теоретическая основа исследования [24]; 9) методологическая и теоретическая основы исследования [25]; 10) методология и методика исследования [26]; 11) методологическая основа диссертационного исследования [27]; 12) методология исследования, [28] а также методология диссертационного исследования; 13) методологическая база исследования [29], 14) методология и методы исследования [30].

Нетрудно заметить, что из оказавшихся предметом нашего анализа пятидесяти авторефератов докторских и кандидатских диссертаций, во всяком случае, мы обратили внимание на то, что большинство наименований, которыми диссертанты снабдили своим фрагменты, подчас очень мало чем отличаются друг от друга. В этой связи нас заинтересовало, а учитывают ли авторы соответствие выбранных ими названий содержанию тех фрагментов, которые ими обозначаются. Наверное, есть смысл выбрать для дальнейшего анализа наименования под номерами 6, 7 и 8. Наименования 6 и 7 отличаются друг от друга только тем, что в них различна очередность размещения прилагательных "теоретическая" и "методологическая". При этом в обоих случаях существительное "основа" употреблено в единственном числе. Посмотрим на тексты, по мнению авторов авторефератов, раскрывающих содержание соответствующих фрагментов. 6: "Методологическую основу исследования образуют базовые положения материалистической диалектики...". Таким образом, наименовав лингвистической единицей "основа" в единении и "методологическую и теоретическую" стороны, в раскрытии содержания фрагмента автор автореферата не делает даже попытки обосновать их единство. Противоречивость наименований и раскрытия содержания фрагмента превращает наименование и во многих других авторефератах из строгих терминов в необязательные словосочетания.

Наименование 8 отличается и от 6 и от 7, в основном, тем, что существительное "основа" употреблено в нем в единственном числе. Хочется надеяться, что это обстоятельство должно влечь за собой и отличия, которые отражены в раскрытии Е.Г. Щербатых содержания, которое повлекло за собой употребление существительного "основа" во множественном числе.

Выскажем и еще одно не менее весомое замечание, касающееся уже не терминологии, ►

а существа дела и относящееся к большинству рефератов. В приведенной только что короткой цитате из Д.В. Шинкевича читаем три слова: "положения материалистической диалектики". Д.В. помнит, что диалектика бывает разная, и не только буржуазная и пролетарская. А вот две трети правоведов, сообщающих о том, на какой методологии они строили свои исследования, про диалектику, правда, в большинстве помнят, а про материализм забывают. Между тем, рожденные в СССР авторы этой статьи твердо помнят, что диалектика бывает разная, к примеру, диалектик Георг Вильгельм Фридрих Гегель был не только объективным идеалистом, но и создателем системы "абсолютного идеализма". К слову, кроме объективных идеалистов, имеются еще и идеалисты субъективные: Джордж Беркли, например.

К сожалению, в последние лет 20 забывчивых и перестроившихся становится все больше. В связи со сказанным, и с многим несказанным, у нас возникает вопрос: почему столь многие исследователи заявляя об используемой ими методологии, опускают упоминание о материализме.

Вторая черта, которую мы попытались проследить, знакомясь с 50 названными реальными авторефератами (в том числе и для того, чтобы подтвердить или опровергнуть мысли, которые появились у нас ранее), это объем и содержание перечисленных разноименных фрагментов. Вначале об объеме, учитывая, что именно этот показатель менее поддается субъективизму при оценке. Нам приходится отметить, что большинство авторов авторефератов юристов не подтверждают расхожее мнение, что правоведы многословны и говорливы. Фрагменты в авторефератах, которые подчас просто мизерны, пожалуй, свидетельствуют об обратном. Объем некоторых просто анекдотичен. Три с половиной страницы, даже три страницы и один слог в четвертой.

О своих целях, замыслах и намерениях, ради которых авторы обратились к написанию и опубликованию настоящей статьи, мы сообщили читателю в Предупреждении [31]. Мы, в частности, обещали, что статья будет небольшой. Однако, воистину, аппетит приходит во время еды. Судя по происходящему, мы будем просить коллег дать нам место для того, чтобы иметь возможность сказать членораздельно то, что в этой статье сказать еще не успели, а сказать полагаем целесообразным. В частности, мы полагаем, что совсем не исчерпали возможности, которые нам дало массовое исследование авторефератов.

Именно поэтому авторы намереваются испросить у издателей дозволения считать предлагаемый текст лишь началом - и получить возможность наименовать предлагаемый текст статьей 1-й и дополнить его "Статьей 2-й" по той же проблематике. Самое главное, или, может быть одно из главных, чего мы не досказали в "Статье 1-й", заключается вот в чем.

Во главу угла, и, если хотите, в центр тяжести - при анализе проблемных ситуаций и при формулировании проблем надобно ставить - не на недостатки и преступления, с которыми надобно бороться, которые надо изживать, а на героев и на свершения, которым надо подражать! С которыми надо двигать вперед нашу собственную историю, нашу правовую систему, нашу правоохранительную систему, нашу уголовную юстицию, наше отечественное, евроазиатское правоведение.

1. Проблемная ситуация - 1/конкретная жизненная ситуация, нуждающаяся в разрешении - преодолении или сохранении; 2/ противоречия, не имеющие видимого однозначного решения - снятия или компромисса; 3/ сложное сочетание противоречивых условий и обстоятельств, в которых планируется или уже имеет место деятельность индивида или социальной, профессиональной или иной группы (страты) индивидов.

2. Эффективность уголовного процесса - степень (полного, частичного) совпадения результатов УСП

3. У авторов этой статьи давно уже складывается устойчивое впечатление, что члены некоторых рабочих групп при подготовке законопроектов для обсуждения законодателями в отношении определения времени вступления закона в силу весьма эгоцентричны. Думается, читатель с нами согласится. В большинстве проектов предлагается: "Закон вступает в силу с момента опубликования". Конечно, сами названные работники, инициаторы установления именно таких сроков, уже знакомы с текстом, становящимся законом. Хорошо ли плохо, но они работали с этим текстом. Но ведь законы издаются не только для того, чтобы его инициаторы, разработчики и избранные члены законодательных палат имели возможности

написать о них комментарии и опубликовать их. Субъекты деятельности, которым нормативные акты адресованы, тоже должны иметь время, чтобы ознакомиться со словами в них, определяющими их обязанности и полномочия. Гражданам, на которых новыми законами возлагаются новые обязанности и которым даруются новые права, тоже весьма желательно осведомиться о них.

Правда, в ней партийный аппарат еще не успел институализироваться и приобрести такое мощное и всестороннее влияние, которое имел аппарат КПСС.

3. Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1997. С. 63-64.

4. Локк (Лоске) Джон - (1632-1704) англ. философ, психолог, педагог, в Краткой философской энциклопедии 1994 г. начертали, что он "главный представитель эмпиризма". Гражданское общество, хоть он и числится памятными исследователями его прародителем, не было основным предметом его теоретически и практических интересов. Более того, просмотрев находящиеся на моих рабочих полках словари и справочники, имеющие в своем составе словарные статьи, посвященные Локку, я не обнаружил в них упоминания об его роли в исследовании Г.о.

5. Это уже Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 332.

6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация... С. 333.

7. Отметим: в большинстве отечественных словарей и справочников слова детерминанта нет. Есть - "детерминант", слово мужского рода. Это математический термин. Он означает: "определитель определитель". С помощью определителя как математического инструмента находятся решения линейных систем уравнений. (Современный словарь иностранных слов. - Ок. 20 000 слов. М.: Рус. яз., 1993. 740 с.) Трудно предположить, что достаточно часто употребляемые в юридической литературе слова, например, регламентация, исходят из математических терминов. Скорее всего и правовой и математический термин исходят из одного и того же первоисточника, греческого или латинского. Словарь, на который мы уже ссылались, называет в качестве источника *determinans* (*determinantis*), что означает - определяющий. В связи со сказанным мы вводим термин при обозначениях в юридических текстах для обозначения определяющий,

детерминирующий термин детерминанта (в женском роде). Мы делаем это совершенно спокойно, поскольку один из нас пользуется им в течение полувека, и, хотя мы специально не исследовали этот вопрос (не филологи все-таки), думаем, что немалое число юристов поступает также, как и мы.

8. Нам известна КЖС (конкретная жизненная ситуация), имевшая место в Н. Новгороде. Неудачливый уличный грабитель сдернул дорожную бобровую шапку с головы пожилого гражданина, не очень опасаясь возмездия. Сунув добычу за борт просторной куртки, он нырнул в присмотренный заранее проходной двор. Мы не случайно назвали упоминающегося уличного грабителя неудачливым. В непрозрачных октябрьских сумерках он не углядел случившийся поблизости милицейский патруль. Это был специфический патруль. Два курсанта Нижегородской Академии МВД, России, привлеченные к патрулированию вместе со всем своим курсом в связи с очередным усилением. Курсанты в отличие от небдительного законоослушника углядели и его, и ситуацию и пострадавшего. Крикнув последнему, чтоб он ожидал их, не сходя с места, патрульные припустили за грабителем. Очень быстро выяснилось, что в академии МВД с физподготовкой дело обстоит гораздо лучше, чем у грабителя самоучки. Тот быстро сник.

И вот здесь авторы имеют возможность, наконец, сообщить внимательно читающим причины, по которым они сочли целесообразным сопроводить свои размышления о СПА (социально-психологической атмосфере) функционирования правоохранительной системы о поведении граждан, случайно оказавшихся прикосновенными к попытке заподозренного в совершении преступления скрыться от преследующего его милицейского патруля. Настигаемый курсантами грабитель рванул подвернувшуюся дверь небольшого магазина. В торговом зале оказались две продавщицы и несколько покупателей. Преследуемый рванул в запираемое пространство и оттуда - в дверь, ведущую в служебные помещения. Одна из продавщиц прошла туда же и тщательно затворила за собой дверь. Зря она это сделала. В магазин вошел один из курсантов. Быстрым взглядом окинув помещение, он, кроме той двери, через которую вошел, обнаружил еще только одну и проследовал вслед за своими предшественниками. Никто из присутствующих ничего ему не сказал, да он и

не настаивал. То, что патрульный вошел в магазин один, могло означать лишь следующее: его товарищ уже занял позицию у служебного выхода. Дальнейшее развитие событий очевидно. Авторам лишь остается задать вопрос коллегам, и себе в том числе, свидетельствует ли поведение продавцов и покупателей в описываемой КЖС об их принадлежности к гражданскому обществу?

9. Амленов С.С. *Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве*. Дис... канд. юрид. наук. - Тюмень: ДМ 203.034.01. С. 3. Причина, по которой указанный автор заменил содержащийся в ст. 6 УПК РФ 2001 г. термин назначение уголовного судопроизводства термином предназначение нам неизвестна. Во всяком случае, из окружающего текста очевидно, что здесь он понимает эти два слова как синонимы.

10. *Истолкование лексической единицы "детерминанта" и ее отличие от термина "детерминант" см. сн. 10 в наст. статье.*

11. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. *Теоретические основы эффективного правосудия*. М.: Наука, 1979. С. 165.

12. Авторы совсем не уверены в том, что пришедшая с Запада мода на отчуждение друг от друга правоохранительной и судебной систем, более того, создание из судей своеобразной надструктуры в уголовном судопроизводстве и во всем уголовном процессе вряд ли в практической реализации будет способствовать большей эффективности уголовного процесса, улучшению условий достижения цели уголовного процесса по каждому или большинству уголовных дел, споспешествовать разрешению задач уголовного судопроизводства.

13. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. *Теоретические основы эффективного правосудия*. М.: Наука, 1979. С. 165.

14. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. *Теоретические основы эффективного правосудия*. М.: Наука, 1979. С. 165.

15. Там же.

16. Губаева Т.В. *Словесность в юриспруденции*. Автореф. дис... д-ра. юрид. наук. М.: Д 052.01.04 в Академии управления МВД Российской Федерации 1997. С. 7. Из 50 - 1. (Специальность обозначена: теория государства и права; история права и государства; история политических и правовых учений).

17. Попков А.Ю. *Применение меры пресечения в виде заключения обвиняемого под стражу при*

окончании предварительного расследования и на стадии подготовки к судебному заседанию. Автореф... канд. юрид. наук. Тюмень. ДМ 291.034.01, 2009. С. 6. И др. - всего (из 50) - 14. Не можем удержаться от желания сообщить читателю, что А.Ю. Попков является единственным автором из числа просмотренных нами авторефератов, который сообщил, что методологию его исследования составляют "философские диалектический и герменевтический методы". Термин герменевтика не очень популярен среди правоведов, поэтому напомним читателю, что он означает: "искусство истолкования текстов (в наше время, обычно древних); учение о принципах их интерпретации". Желая получить развернутую информацию можно порекомендовать словарную статью в следующем источнике: "СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ / Под общей ред. В.Е. Кемерово. - 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, М., Минск: "Панпринт", 1998. С. 193-196.

18. Морозов А.И. *Предварительное слушание в судебном разбирательстве уголовных дел...* Автореф... канд. юрид. наук. - Воронеж. Д 212.038.04 при Воронежском ГУ, 2009. С. 6. И др. - всего (из 50) - 3.

19. Стойко Н.Г. *Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых семейств*. Автореф... докт. юрид. наук. СПб. Д 212.232.66 при СПб. ГУ, 2009. С. 8-9. -И др. всего (из 50) - 5;

20. Сверчков В.В. *Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела (преследования, отказа в его возбуждении)*. Автореф. дис... д-ра. юрид. наук. Н. Новгород. Д 203.009.01 в Нижегородской Академии МВД России, 2002. С. 5. И др. - всего (из 50) - 4.

21. Юрченко Л.В. *Оценочные действия судьи на этапе подготовки уголовного дела к судебному заседанию*. Автореф. дис... канд. юрид. наук. - Челябинск. К 212.298.01 при Южно-Уральском ГУ, 2007. - С. 6. - И др. - всего (из 50) 1;

22. Шинкевич Д.В. *Особенности доказывания по уголовным делам при оказании правовой помощи иностранцам*. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Омск. Д 203.010.01 при Омской Академии МВД России, 2006. С. . И др. - всего (из 50) - 3.

23. Щербатых Е.Г. *Мировой судья: организационно-правовые, и уголовно-*

процессуальные аспекты деятельности. Автореф. дис... канд. юрид. наук. - Воронеж. Д 212.010.04 при ВГУ, 2006. - С. 7. И др. - всего (из 50) - 2.

24. Корнеева И.В. Функционирование суда присяжных в Российской Федерации. - Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород. Д 052.009.01 в Нижегородской Академии МВД России, 2002. С. 5. И др. всего (из 50) - 6.

25. Строков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ставрополь. ДМ 212.245.10. при СКТУ, 2009. С. 5. И др. - всего (из 50) - 3;

26. Кричун С.В. Криминалистические основы обеспечения экологической безопасности России. Автореф. дис... канд. юрид. наук. - Ставрополь. ДМ 212.245.10 при СКТУ, 2009. С. 7. И др. - всего (из 50) - 3.

27. Капитонов С.А. Правообеспечительный потенциал милиции (вопросы теории, методологии и организации). Автореф. дис... докт. юрид. наук. М.: Д 203.002.03 Академии управления МВД России. С. 8-9. И др. - всего (из 50) - 2.

28. Коптяев А.Ю. Производство о применении принудительных мер медицинского характера. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень. ДМ 203.034.01. при ТЮИ МВД России, 2010. С. 7. И др. - всего (из 50) . См.: "Предупреждение".

Гредягин Игорь Владимирович
преподаватель кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89180980098)

Проблемы процессуальной самостоятельности и реализации властно-распорядительных полномочий дознавателя при подготовке и производстве опознания

Аннотация

Достижение цели уголовного судопроизводства дознавателем определяется не только соблюдением процессуальной формы, но и тем насколько оптимально и профессионально он организует и проводит следственные действия, в том числе и опознание. Без наличия властно-распорядительных полномочий в отношении участников уголовного-судопроизводства процессуальная самостоятельность дознавателя становится только возможностью самостоятельно принимать решения по уголовному делу, но реализация этих решений становится проблемой.

Annotation

Achievement of the purpose of criminal legal proceedings by the investigator is defined not only observance of the remedial form, but also that how much optimum and professionally it will organize and spends investigatory actions, including an identification. Without presence of imperiously-administrative powers concerning participants criminal-legal proceedings remedial independence of the investigator only possibility becomes independent to make decisions on criminal case, but realization of these decisions becomes a problem.

Ключевые слова: дознание, дознаватель, опознание, прокурор, процессуальный статус, процессуальная самостоятельность, предварительное расследование, преступление, следственные действия, уголовное дело.

Key words: inquiry, the investigator, an identification, the public prosecutor, the remedial status, remedial independence, preliminary investigation, crime, investigatory actions, criminal case.

Проблемы процессуальной самостоятельности и реализации властно-распорядительных полномочий дознавателя при подготовке и производстве опознания.

Статья 193 УПК РФ регламентирует порядок предъявления для опознания. Предъявление для опознания - представляет собой следственное действие, содержание которого заключается в предъявлении потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому определенного объекта для установления его тождества тому

объекту, который они воспринимали ранее и о котором давали показания. Предъявление для опознания представляет собой процессуальный вид идентификации по мысленному образу (следу памяти, психическому или идеальному отражению) [1].

Мы не разделяем мнения, что "Реализация полномочий следователя (дознавателя) по производству данного следственного действия у следователя, как правило, не возникает существенных затруднений, поскольку порядок его производства достаточно подробно урегулирован в ст. 193 УПК" [2]. В ч. 1 ст. 193

УПК РФ говорится, что для опознания может быть предъявлен предмет, труп и лицо. Таким образом, законодатель установил четкий перечень объектов, которые возможно предъявить для опознания. В качестве объектов опознания, по мнению некоторых ученых, могут выступать: животные [3], части трупа [4], помещения и участки местности [5], документы [6], пластиковые модели с неизвестных трупов (результаты реконструкции лица по черепу, субъективные портреты) [7] и т.д.

Некоторые авторы отмечают, что "Животных, а также помещения и участки местности законодатель в число возможных объектов предъявления для опознания не включил" [8]. Имеет ли возможность следователь и дознаватель предъявить для опознания эти объекты? Предмет - всякое материальное явление, вещь, во втором значении: тот (то), на кого (что) направлена мысль какое-нибудь действие, объект [9]. Если рассматривать предмет в значении объекта, тогда в круг предъявляемых для опознания предметов можно включить и те предметы, которые не подразумевал законодатель. Но все-таки в ст. 193 УПК РФ определены объекты, которые могут быть предъявлены для опознания. Следовательно, из перечня этих объектов выпадают животные. Животное - живой организм, обладающий способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями [10].

Д.А. Бурыка и З.Г. Самошина справедливо указывают: "...людей можно предъявлять для опознания не только по внешнему облику, но также по голосу и особенностям речи... в 18% случаев в показаниях потерпевших и свидетелей содержались указания на то, что они слышали и запомнили голос преступника" [11]. В настоящее время имеются тактические рекомендации по организации и проведению предъявления для опознания по голосу и особенностям речи, хотя в законе об этом ничего не говорится [12]. Действительно прямо такой вид опознания не указан, но возможность его производства определяет "что следователь может предъявить для опознания лицо" (ч. 1 ст. 193 УПК РФ). Не следует видеть за этой формулировкой только анатомические признаки, хотя в ст. 193 УПК РФ упор делается именно на признаки внешности. В систему внешних признаков по методу "словесного портрета" включаются анатомические признаки, функциональные признаки (осанка, походка, жестикуляция, мимика, речь, манеры) и сопутствующие элементы и их признаки [13]. Речь - это

собственно речь (язык, наречие, акцент, особенности произношения, употребление жаргонных слов и т.д.) и данные речевого механизма (темп, характер, особенности речи и т.д.) [14]. Следовательно, опознание лица может быть произведено по признакам внешности и по функциональным признакам, в том числе и по голосу. Поэтому мы считаем, что дополнительного указания на данный вид опознания в законе не требуется.

Необоснованным нам кажется утверждение, что "...организовать предъявление для опознания по походке крайне сложно: необходимо подобрать трех человек с аналогичными, достаточно выраженными аномалиями походки (что само по себе встречается редко!), располагать значительным по площади изолированным участком местности, по которому предъявляемые лица могли бы передвигаться в течение более или менее продолжительного времени ит.д. Кроме того, доказательственное значение предъявления для опознания в такой форме невелико" [15]. Во-первых, в данном суждении наблюдается попытка сужения функциональных признаков, берется только один из них - походка. При опознании же лица внешние и функциональные признаки должны рассматриваться в целостности, если опознающий указал на те и другие в ходе предшествующего опознанию допросе. Трудно представить себе ситуацию, что запомнив особенности походки человека, опознающий не имеет представления о росте, телосложении и т.д. Во-вторых, "аномалия походки" человека - это уже ярко выраженный броский признак [16], на что указывают и сами авторы: "что само по себе встречается редко!". Поэтому в данном случае то, что данная аномалия встречается редко не проблема, а удача, т.к. "идентификационная ценность признака определяется... частотой встречаемости. Чем реже данный признак встречается у других однородных объектов, тем он специфичнее, тем выше его идентификационная значимость, ценность" [17]. В-третьих, под внешним сходством понимаются именно сходство (общие признаки), а не тождество. В-четвертых, проблема "значительных по площади изолированных участков изолированных местности" решается очень просто. Предъявление лица для опознания по походке целесообразно производить в том месте, в котором происходило восприятие допрошенным лицом данного человека, и в сходных условиях восприятия [18].

Отсутствие среди объектов опознания, ►

упомянутых в УПК РФ, помещений и участков местности по нашему мнению также ограничивает возможности дознавателя и следователя по собиранию доказательств. Некоторые авторы считают, что отсутствие в УПК РФ данного вида опознания можно компенсировать путем производства иных следственных действий: осмотра места происшествия, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, допроса на месте происшествия [19]. Бесспорно, в некоторых случаях такая компенсация возможна. Но не следует забывать, что "отождествление объекта в результате опознания означает его включение в систему источников доказательственной информации, соотнесение с ними, определение его роли в доказывании" [20]. Именно при опознании происходит идентификация по мысленному образу. Допрос, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, осмотр не предоставляют возможности отождествления объекта, так как имеют другие цели. Одной из проблем предъявления для опознания помещений и участков местности является невозможность предъявить их в группе однородных объектов не менее трех. Так как данные объекты неподвижны это практически невозможно [21]. Но возможно предъявление предметов в порядке ч. 5 ст. 193 УПК РФ, т.е. по его фотографическому изображению (ч. 6 ст. 193 УПК РФ). Следовательно, опознание участков местности и помещений ни сколько не противоречит требованиям УПК РФ.

По нашему мнению перечень объектов опознания должен определяться в первую очередь возможностью их отождествления, научной обоснованностью такой возможности, и процедурой снижающей возможности ошибочного узнавания. Криминалистами и психологами исследованы механизмы восприятия, запоминания и узнавания, в том числе в сложных условиях кратковременного контакта, выявлены типичные виды ошибок и их причины, показано, что успех опознания зависит от условий восприятия, личных качеств опознающего, выраженности индивидуальных признаков объекта, готовности опознающего к получению истинного вывода и других фактов [22]. Поэтому мы считаем, что для единообразного понимания требований УПК РФ ч. 1 ст. 193 должна быть представлена в следующей редакции: "Следователь может предъявить для опознания лицо по внешним и (или) функциональным признакам или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Для опознания могут быть

предъявлены животное, труп или части трупа, помещения и участки местности".

1. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. *Следственные действия: психология, тактика, технология: Учебное пособие.* М., 2007. С. 166.

2. Шумилин С.Ф. *Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации.* М., 2006. С. 327.

3. *Справочная книга криминалиста / Рук. авт. колл. Н.А. Селиванов.* М., 2001. С. 151; Гинзбург А.Я. *Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: Учебно-практическое пособие / Под ред. Р.С. Белкина.* М., 1996. С. 18; *Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде (лекция для слушателей ВЮЗИ).* М., 1968. С. 10 и др.

4. Россинская Е.Р. *Криминалистика: вопросы и ответы: Учебное пособие для вузов.* М., 1999. С. 211; Цветков П.П. *Предъявление для опознания в советском уголовном процессе.* Л., 1962. С. 22; *Криминалистика: Учебн. пособие / Под. ред. А.В. Дулова.* Минск, 1998. С. 351; Михайлова Ю.Н. *Информационная сущность предъявления для опознания и его тактические основы: Дис. ...канд. юрид. наук.* Саратов, 2000. С. 57-59.

5. *Криминалистика: Учебник / Под. ред. А.А. Закатова, Б.П. Смагоринского.* М., 2003. С. 171; Цыпленкова Е.В. *Тактика проверки показаний обвиняемого на предварительном следствии: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук.* Свердловск, 1991. С. 15; Порубов Н.И., Порубов А.Н. *Юридическая этика.* Минск, 2003. С. 210 и др.

6. Россинская Е.Р. *Указ. соч.* С. 211; *Криминалистика / Под. ред. В.А. Образцова.* М., 2001. С. 581 и др.

7. Дубягин Ю.П. *Проблемы криминалистического отождествления человека в обычных условиях расследования и чрезвычайных ситуациях: дис. ...д-ра юрид. наук.* М., 2000. С. 322; Гапонович Н.Н. *Опознание в следственной и судебной практике (тактика).* Минск, 1978. С. 69-85; Дубягин Ю.П., Мазурский В.А. *Теория и практика предъявления для опознания различных отображений трупа / Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности.* Омск, 1989. С. 113-119 и др.

8. *Криминалистика: Учебник под общей ред. А.Г. Филиппова.* М., 2009. С. 421.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый*

словарь русского языка. М., 1994. С. 570.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Там же. С. 189.

11. Бурыка Д.А., Самошина З.Г. О видах и формах предъявления для опознания // Вестник криминалистики. Вып. 3 (15). М., 2005. С. 70.

12. Бурыка Д.А., Самошина З.Г. Там же. С. 70.

13. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под. ред. Р.С. Белкина. М., 2004. С. 337-356.

14. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Там же. С. 350, 356.

15. Бурыка Д.А., Самошина З.Г. Указ соч. С. 70.

16. Криминалистика: Учебник под общей ред. А.Г. Филиппова. М., 2009. С. 212; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.

Криминалистика: Учебник для вузов / Под. ред. Р.С. Белкина. М., 2004. С. 656; Криминалистика: Учебник / Под. ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. М., 1993. С.292 и т.д.

17. Криминалистика: Учебник / Под. ред. И.Ф. Крылова. Ленинград, 1976. С. 93.

18. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: Учебное пособие. М., 2007. С. 117.

19. Корухов Ю.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде (лекция для слушателей ВЮЗИ). М., 1968. С. 10-11.

20. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 472.

21. Бурыка Д.А., Самошина З.Г. Указ соч. С. 67.

22. Криминалистика: Учебник / Под. ред. Н.П. Яблокова, В.Я. Колодина. М., 1990. С. 300.

Науменко Оксана Александровна

преподаватель кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583268)

Подозреваемый при производстве предварительного следствия и дознания

Аннотация

В статье на основе международно-правовых актов, Конституции РФ и УПК РФ автор анализирует процессуальные основания считать лицо подозреваемым при производстве предварительного следствия и дознания.

Annotation

In article on the basis of international legal certificates, Constitutions of the Russian Federation and УПК the Russian Federation the author ana-lyzes the remedial bases to consider the person suspect by preliminary investigation and inquiry manufacture.

Ключевые слова: права, процессуальные гарантии, подозреваемый, задержание, уведомление, меры пресечения, предварительное следствие, дознание.

Key words: the rights, remedial guarantees, the suspect, detention, the notice, a preventive punishment, preliminary investigation, toknowledge.

Права и свободы человека конституционно признаются высшей ценностью. 5 мая 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав и основных свобод и в соответствии со ст. 15 ч. 4 Конституции РФ Конвенция стала составной частью правовой системы нашей страны. Кроме того, защита прав и основных свобод человека, гарантии законности и обеспеченности содержатся и в других международно-правовых актах: Всеобщей Декларации прав человека и гражданина от 10 декабря 1948 г., Международном пакте об экономических социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г., Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17 декабря 1979 г. Права и свободы человека являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной

власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 17, 18 Конституции РФ).

Взяв за основу указанные положения, УПК РФ 2001 г. Указал на исключительно правозащитное назначение российского уголовного судопроизводства (ст. 6), заключающееся в:

1) защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Вместе с тем, именно в уголовном судопроизводстве из-за мер процессуального принуждения, следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права граждан, происходит наиболее острое вторжение в область частной жизни человека. Под этим углом зрения представляет значительный интерес проблемы обеспечения прав и законных интересов личности при производстве предварительного расследования, и, прежде всего, обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого.

Предварительное расследование - стадия уголовного судопроизводства, в которой в установленном законом порядке осуществляется

деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях раскрытия преступления, изобличения лиц, его совершивших, принятия мер к возмещению вреда, причиненного преступлением, а также выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Согласно ч. 1 ст. 150 УПК РФ предварительное расследование производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания.

Несмотря на существующие отличия форм расследования преступлений (по кругу субъектов и объему их полномочий, по срокам расследования, по видам итоговых решений, по подследственности и др.), дознание и следствие объединены между собой общим назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), принципами уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ), общими правилами производства предварительного расследования (главы 21-22). Принципиальное значение для предварительного расследования, независимо от его формы, имеет обеспечение в равной степени прав и свобод личности, в частности, подозреваемого.

Сопоставляя процессуальный статус подозреваемого при производстве предварительного следствия и дознания, необходимо отметить, что согласно ст. 46 УПК РФ лицо приобретает этот статус по следующим основаниям:

возбуждение уголовного дела против конкретного лица;

задержание лица в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ;

применение меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ;

уведомление о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ.

Рассматривая первое основание процессуального статуса подозреваемого лица, когда уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, уместно отметить, что закон не предусматривает обязанности следователя или дознавателя допросить подозреваемое лицо в определенный срок. Такая обязанность предусмотрена только в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ (не позднее 24 часов с момента фактического задержания).

Представляется верным мнение И.И. Овсянникова о том, что в подобных случаях необоснованное затягивание допроса подозреваемого может ущемить его интересы и право на защиту ... существующее положение

противоречит не только интересам самого подозреваемого, но и интересам потерпевшего, органов расследования и общества в целом [1].

В связи с этим полагаем, что первоначальная редакция ч. 2 ст. 46 УПК РФ с указанием того, что подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, за исключением случаев, когда место нахождения подозреваемого не установлено, представляется наиболее удачной.

Что касается такого основания считать лицо подозреваемым как задержание, то закон четко предусматривает понятия, условия и порядок задержания (п. 11 ст. 5, п. 3 ст. 38, ст. 91, 92). Следователь и дознаватель вправе при определенных основаниях (ст. 91 УПК РФ) задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Но, как показывает практика, возникают сложности в реальном обеспечении прав подозреваемого при задержании.

В юридической литературе понимание задержания лица по подозрению в совершении преступления неоднозначно. Например, такие авторы как А.С. Есина, Е.Н. Арестова, А.А. Чувилев моментом фактического лишения свободы, или задержания, считают момент составления протокола задержания лица по подозрению в совершении преступления [2].

Доводы данных авторов связаны с тем, что для процессуального задержания необходимо возбужденное уголовное дело.

На наш взгляд, представляется верным мнение авторов, которые считают, что УПК РФ не устанавливает такого условия для задержания, как наличие возбужденного уголовного дела [3]. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. указывается, что понятие "задержанный" должно толковаться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальном, более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права предлагается учитывать не только формально процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, стало быть, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться не только актом возбуждения в отношении данного лица уголовного дела, проведением следственных действий, но и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или

свидетельствующими о наличии подозрения против него [4].

Буквальное толкование норм УПК РФ в ст. 5 п. 11 и п. 15 позволяет сделать вывод, что закон предусматривает задержание в двух видах: фактическое или физическое, когда человек фактически ограничивается в свободе (поимка, захват, доставление в правоохранительные органы) и уголовно-процессуальное задержание, при котором физическое задержание получает процессуально-правовое оформление в виде протокола задержания согласно ст. 92 УПК РФ.

Фактическое лишение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, чаще всего осуществляется в ходе административно-правовой и оперативно-розыскной деятельности уполномоченными на то лицами, т.е. за рамками уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что фактическое задержание (захват) осуществляется вне уголовно-процессуальной деятельности, 48-часовой срок процессуального задержания исчисляется с этого момента. После фактического задержания заподозренное в совершении преступления лицо принудительно препровождается в орган дознания или к следователю в целях составления протокола задержания. А вот правом процессуального задержания, именуемого законодателем "задержание подозреваемого", обладают лишь властные субъекты досудебного производства: орган дознания, дознаватель и следователь [5].

После доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46. Разъяснение прав подозреваемому должно осуществляться до составления протокола, в котором делается об этом соответствующая отметка.

На практике возникает немало сложностей при обеспечении прав подозреваемого, когда уголовное дело не возбуждено, осуществляется предварительная проверка и лицо задержано "по горячим следам". В течение 3 часов сложно произвести необходимые следственные действия, собрать достаточные доказательства для возбуждения уголовного дела, и обеспечить права подозреваемого в полном объеме.

Видимо законодатель путем внесения изменений в УПК РФ, касающихся прав подозреваемого лица при фактическом задержании, попытался ввести аналог знаменитого "правила Миранды", которое списано с решения Верховного Суда США

1966 г. Более 40 лет назад полиция штата Аризона обвинила Эрнесто Миранда в похищении и изнасиловании. После двухчасового допроса в полицейском участке он признался и на основании этого признания был осужден. Рассмотрев жалобу его адвоката, Верховный Суд США потребовал, чтобы полицейские при аресте зачитывали так называемое "предупреждение Миранды": о причине ареста, о праве хранить молчание, о возможности использования показаний против них, о праве на адвоката и возможности пригласить защитника за счет государственной казны.

В УПК РФ названы такие права подозреваемого как право знать, в чем он подозревается, получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания, постановления о применении к нему меры пресечения, давать объяснения и показания по поводу подозрения, право отказаться от объяснений и показаний, право пользоваться помощью защитника и др., которые в большей степени направлены на предотвращение самооговоры подозреваемых под психологическим или физическим воздействием в ходе расследования, нежели на формальное соблюдение конституционного "права на молчание".

Отметим также, что в ч.3 ст.14 Закона "О полиции", который вступает в силу с 1 марта 2011 г. указывается, что сотрудник полиции обязан разъяснить лицу, подвергнутому задержанию, его право на юридическую помощь, услуги переводчика, на уведомление близких о том, что он задержан, а также право на отказ от дачи объяснений. Срок задержания теперь решено отсчитывать не с момента водворения в помещение полиции, как это было в первоначальном варианте, а с момента фактического задержания.

Возможно, наиболее удачно отражено "правило Миранды" в российском законодательстве в уведомлении о подозрении в совершении преступления. Это основание процессуального статуса подозреваемого относится исключительно к дознанию (ст. 223.1). Дознаватель ставит в известность лицо о том, что оно находится под подозрением, что подтверждается и тем, что при вручении копии уведомления составляется протокол с отметкой о вручении и с разъяснением прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Так же в течение 3 суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления дознаватель должен допросить подозреваемого по существу подозрения.

Анализируя нормы УПК РФ в этой части можно сделать вывод о том, что уведомление о подозрении схоже с процессуальным документом - постановлением о привлечении в качестве обвиняемого.

С нашей точки зрения, было бы целесообразно сократить срок до 24 часов, в течение которого дознаватель должен допросить подозреваемого, с момента вручения уведомления. В случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, а не в отношении конкретного лица, дознаватель производит все необходимые следственные действия, направленные на получение достаточных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления и к моменту вручения уведомления о подозрении, дознаватель уже располагает определенными доказательствами по существу подозрения. Так же необходимо отметить, что вручение лицу уведомления о подозрении сопряжено с гарантированным правом на защиту подозреваемому (ст. 49 УПК РФ).

Дознание является ускоренной формой досудебного производства, проводится по уголовным делам небольшой и средней тяжести, и довольно редко при производстве дознания возникают основания для применения мер пресечения, в связи с чем допрос подозреваемого в течение 24 суток с момента вручения уведомления, с нашей точки зрения никак не ограничивало бы его права, с одной стороны, и не затягивало производство дознания по делу, с другой.

При применении меры пресечения лицо, заподозренное в совершении преступления, приобретает официальный статус подозреваемого. Меры пресечения, указанные в главе 13 УПК РФ могут применяться как в ходе предварительного следствия, так и дознания. На основании ст. 100 УПК РФ продолжительность действия меры пресечения, избранной в отношении подозреваемого, не может превышать 10 суток. И, если в законе четко определено, что подозреваемое лицо в ходе предварительного следствия находится под подозрением 10 дней, после чего следователь обязан предъявить обвинение, то для дознания такой порядок не предусмотрен, за исключением применения меры пресечения в виде заключения под стражу. При применении других мер пресечения лицо может находиться под подозрением в течении всего срока дознания - до 30 суток, с возможным его продлением - до года. Следует согласиться с мнением А.В. Сучкова, предлагающего изменить

ч. 2 ст. 224 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: "Если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения, то обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня ее избрания, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, обвинительный акт составляется не позднее 10 суток с момента задержания" [6].

В дополнение к изложенному хотелось отметить, что ч. 3 ст. 224 УПК РФ предусматривает отмену меры пресечения - заключения под стражу, при условии невозможности составить обвинительный акт в течение 10 суток, то есть невозможностью предъявления обвинения. Подобный порядок отмены меры пресечения при производстве дознания необходимо предусмотреть не только для заключения под стражу, но и всех мер пресечения, указанных в главе 13 УПК РФ.

Подводя итог исследованию вопроса о приобретении процессуального статуса подозреваемого при производстве предварительного следствия и дознания отметим главное.

В ст. 46 УПК РФ названы четыре основания считать лицо подозреваемым, одно из которых (уведомление о подозрении) применимо только при производстве дознания. При этом целесообразно сократить срок до 24 часов, в течение которого дознаватель должен допросить подозреваемого, с момента вручения уведомления.

При производстве дознания, если в отношении подозреваемого была избрана любая мера пресечения, то обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня избрания этой меры пресечения. При невозможности составить обвинительный акт в указанный срок, подозреваемому предъявляется обвинение в порядке, установленном главой 23 УПК РФ, после чего производство дознания продолжается либо мера пресечения отменяется. Представляется верным и мнение о необходимости допроса подозреваемого не позднее 24 часов с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, за исключением случаев, когда место нахождения подозреваемого не установлено

Соотношение различий в процессуальном статусе подозреваемого при производстве следствия и дознания свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательства для обеспечения равных правовых гарантий независимо от формы расследования преступлений.

1. Овсянников И.И. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого // Юридический мир. 2005. № 10. С. 76.

2. Есина А.С., Арестова Е.Н. Уголовно-процессуальная деятельность ОВД в качестве органов дознания. Учебно-методическое пособие. Москва, 2009. С. 106.

3. Семенцов В.А. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2010. № 1. С. 34; Минулин Р.М. Теория и практика исчисления "проблемных" сроков задержания по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Материалы межвузовской. научно-

практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 245; Астахов Ю.П. Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации на примере Красноярского края // Вестник МВД России. 2003. № 4. С. 27.

4. О проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. // Российская газета. 2000. 4 июля.

5. Семенцов В.А. Указ. соч.

6. Сучков А.В. Обеспечение конституционных прав подозреваемого при производстве дознания // Право. 2007. № 9. С. 167-170.

Филимонов Родион Николаевич
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583757)

Международные стандарты в области прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России

Аннотация

Статья посвящена проблемам международно-правового регулирования охраны прав и свобод человека и гражданина в области уголовного судопроизводства, а также причинам несоблюдения международных стандартов в указанной сфере. Автор проводит анализ основных международных стандартов, обеспечивающих соблюдение и защиту прав личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений, а также способа реализации данных стандартов в отечественном уголовном судопроизводстве.

Annotation

The article is dedicated to problem international-legal regulation guard rights and liberties of the person and person in the field of criminal proceedings, as well as reason of the non-observance international standard in specified to sphere. The author conducts the analysis main international standard, enforcing and protection of the rights to personalities, involved in sphere criminal-remedialof the relations, as well as way to realization data standard in domestic criminal proceedings.

Ключевые слова: права человека, уголовное судопроизводство, международные стандарты, следствие, уголовно-процессуальное право.

Key words: human rights, criminal proceedings, international standards, effect, criminal-remedial right.

Проблемы международно-правового регулирования охраны прав и свобод человека и гражданина в области уголовного судопроизводства, а также причины несоблюдения международных стандартов в указанной сфере обуславливают необходимость анализа основных международных стандартов, обеспечивающих соблюдение и защиту прав личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений, а также способа реализации данных стандартов в отечественном уголовном судопроизводстве.

Для решения вышеуказанной задачи целесообразно обратиться к анализу структуры международных стандартов в области прав и свобод человека и гражданина, регулирующих уголовно-процессуальные отношения.

Исследование совокупности международных стандартов в области прав человека, направленных на обеспечение возможности реализации основных прав и свобод человека и

гражданина при производстве по уголовным делам, позволяет классифицировать соответствующие стандарты в зависимости от объекта регулирования конкретных уголовно-процессуальных отношений.

По нашему мнению, в настоящее время структуру вышеназванных стандартов образуют международные стандарты, объединенные в три группы:

- 1) международное гуманитарное право,
- 2) право международных организаций;
- 3) международное морское право.

В целях ответа на вопрос о способах реализации в отечественном уголовном процессе гарантий в области прав и свобод человека и гражданина, созданных в рамках указанных отраслей международного права, обратимся к конституционным нормам. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, провозгласила общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой

системы.

Как представляется, источник уголовно-процессуального права, определяющий смысл и содержание самого УПК РФ, должен иметь непосредственное действие в регулировании уголовно-процессуальных отношений. Безусловно, таковым источником следует признать нормы Конституции России. При этом непосредственное действие закрепленных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства гарантируется нормой о том, что, если УПК РФ противоречит основному закону государства, то применяются конституционные положения.

Что же касается международных стандартов, то из ч. 3 ст. 1 УПК РФ следует, что международно-правовые гарантии в области прав человека, создающие основу для формирования процессуального положения участников уголовного судопроизводства, необходимо рассматривать как содержащиеся в трех формах: 1) общепризнанные принципы в области прав человека; 2) нормы международного права; 3) международные договоры Российской Федерации.

Как показывает анализ научной литературы и проблем правоприменительной практики, определение содержания понятия принципы и нормы международного права, а также сущности присущей им категории общепризнанности является весьма актуальным как с практической, так и с теоретической точек зрения.

Прежде всего, следует согласиться с высказанным в науке мнением о том, что понятия "принцип" и "норма" международного права, употребляемые в ст. 1 УПК РФ, по содержанию, сущности и объему существенным образом отличаются друг от друга [1].

Раскрывая содержание вышеприведенных терминов, Верховный Суд РФ, указал, что под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве

юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений. [2]

Несмотря на вышеизложенное, как представляется, общепризнанность как свойство того или иного принципа или нормы международного права должно предполагать наличие инструментария признания в качестве таковых. Однако анализ международных стандартов в области прав человека в сфере уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод об отсутствии практики признания международно-правовых актов обязательными для исполнения всеми государствами мира. На данную проблему также указывается и в научной литературе [3].

Понятие международного договора, в отличие от общепризнанных принципов и норм международного права, довольно четко регламентировано в пункте "а" статьи 2 Федерального закона РФ "О международных договорах Российской Федерации" под международным договором Российской Федерации, согласно которому под международным договором надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).

Анализ части 3 ст. 1 УПК РФ, показывает, ее нормы допускают, что в случае противоречия норм УПК РФ международным стандартам, подлежат применению уголовно-процессуальные гарантии прав личности, содержащиеся лишь в международных договорах. Иными словами, международный договор в данном случае признается единственной формой, будучи облеченными в которую права и свободы человека и гражданина, признанные международным сообществом, являются источником отечественного уголовного процесса. В свою очередь, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, не закрепленных в международных договорах России, отечественным уголовно-процессуальным законодательством не признается.

В обоснование нашей позиции следует отметить, что Конституция России признает международные договоры не частью российского законодательства, а частью российской правовой системы. Как представляется, законодательство и система права являются разноплановыми категориями. При этом необходимо учитывать, что международное право и право внутригосударственное представляют собой различные системы права. А формы права одной правовой системы, как справедливо отмечается в научной литературе, не могут быть одновременно формами права другой системы [4].

Наши рассуждения находят свое отражение и в выводах некоторых ученых, исследующих возможность непосредственного действия норм международного права во внутригосударственной сфере. Так, Х. Кронауэр, в частности, говорит о том, что международные договоры связывают "только субъектов международного права" [5]. По мнению С.В. Черниченко, неправоверна сама постановка вопроса о возможности применения международного права во внутригосударственной сфере [6].

Международное право на территории государства не имеет собственной юридической силы. Для того чтобы правило, представляющее собой норму международного права, приобрело юридическую силу в пределах действия национального права, оно должно приобрести силу национально-правовой нормы. Но это может сделать только территориальный суверен, издав соответствующий национально-правовой акт [7]. Нетрудно заметить, что данные мнения категорически отрицают прямое действие международного права внутри страны.

Отправной точкой рассуждений противников прямого действия международно-правовых норм во внутригосударственной сфере является положение, согласно которому непосредственное применение международных норм должно ограничиваться сферой межгосударственных отношений, то есть воздействовать на внутренние отношения между нормами могут лишь через национальное право. Следует согласиться с высказанным в научной литературе мнением о том, что сферой действия международного права являются межгосударственные отношения, сферой действия национального права - отношения с участием физических и юридических лиц [8].

В связи с вышеизложенным необходимо согласиться с А.В. Чумаковым в том, что общепризнанные принципы и нормы

международного права не могут иметь преимущества перед национальным правом уже в силу их неопределенности в законодательстве. Как справедливо отмечает ученый, общепризнанные принципы и нормы международного права могут рассматриваться как часть российского права лишь в форме международного договора РФ [9].

В данной связи следует поддержать Ю.А. Тихомирова, который указывает, что ратификация международных договоров РФ придает им значение своеобразного элемента российской правовой системы. Именно закон облекает международно-правовой акт в национально-правовую форму [10].

Для признания той или иной международно-правовой гарантии в области прав и свобод человека и гражданина в качестве составляющей процессуального статуса участников отечественного уголовного судопроизводства данные гарантии должны быть облечены в форму, определяемую признаками внутригосударственного права.

Иными словами, источниками отечественного уголовно-процессуального права, регламентирующими права и свободы человека и гражданина, могут являться исключительно федеральные законы и конституционные нормы, а также ратифицированные международные договоры Российской Федерации.

Именно указанное определение признаков международных стандартов в области прав и свобод человека и гражданина позволяет говорить об их индивидуально-определенном характере как об элементе процессуального статуса участников отечественного судопроизводства. Лишь индивидуально-определенный характер прав и свобод участников уголовного судопроизводства порождает обязанность органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда создавать условия для возможности осуществления вышеуказанных прав и свобод.

Вместе с тем признак общепризнанности как составляющий элемент общепризнанных принципов и норм международного права хоть и предполагает одобрение и признание демократическими государствами мира той или иной гарантии в области прав и свобод человека и гражданина в качестве обязательной для соблюдения в сфере уголовного судопроизводства, однако, по нашему мнению, общепризнанность принципа или нормы не является признаком их внутригосударственного прямого действия.

Таким образом, следует заключить, что

неопределенность правового регулирования относительно влияния общепризнанных принципов и норм международного права на отечественное уголовное судопроизводство затрудняет реализацию международных стандартов в области прав и свобод человека и права в уголовном процессе России в целом. Аналогичная проблема обсуждалась учеными-процессуалистами еще в период действия уголовно-процессуального закона РСФСР, вступившего в силу в 1961 году [11].

Вышеприведенные посылки отнюдь не противоречат широкому кругу научных мнений относительно роли и способа реализации международных стандартов в отечественном законодательстве. Приводя аргументы в обоснование собственных суждений по данному вопросу мы лишь исходим из того, что способ реализации международных стандартов в области прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве один и носит конкретный характер.

В свою очередь, исходя из теории международного права и теории права в целом, следует, что реализация международных стандартов, в том числе и в области прав человека, в национальном законодательстве может осуществляться тремя способами. Во-первых, прямая трансформация, когда в соответствии с конституцией или законами государства нормы международного права автоматически приобретают силу действующих на территории этого государства. Во-вторых, инкорпорация, когда нормы международного права, в том числе договорные, непосредственно включаются во внутреннее право. В-третьих, опосредованная трансформация, когда международно-правовые нормы приобретают силу норм внутреннего права лишь в результате издания законодательным органом специального акта [12].

По нашему мнению, вышеприведенные выводы убедительно свидетельствуют о том, что международные стандарты в области прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве могут быть реализованы лишь посредством опосредованной трансформации, которая заключается как в ратификации международных договоров Российской

Федерации, так и во внесении в последующем соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон.

1. Мингазов Л.Х. *Эффективность норм международного права*. М., 1990.

2. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. // Российская Юстиция*. № 12. 2003.

3. Чумаков А.В. *Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук*. Спб., 2005. С. 30.

4. Игнатенко Г.В. *Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // СГуП*. 1985. № 1. С. 68.

5. Cronauer H. *Der internationale Vertrag im Spannungsfeld zwischen Verfassung und Volkerrecht*. - Muenchen, 1986. S. 132.

6. Черниченко С.В. *Объективные границы международного права и соотношение международного и внутригосударственного права // СЕМП*. 1984. М., 1985. С. 90.

7. См.: Черниченко С.В. *Субъективные границы международного права и внутренняя компетенция государства // СЕМП*. 1985. М., 1986. - С. 101 - 104.

8. Лукашук И.И. *Международное право. - Часть Общая*. С. 211 - 212.

9. Чумаков А.В. *Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук*. - Спб., 2005. С. 33

10. Тихомиров Ю.А. *Международные договоры Российской Федерации и российское законодательство // Законодательство и экономика*. 1998. № 12. С. 39.

11. Еникеев З.Д. *К вопросу о конституционных основах развития уголовно-процессуального закона России // Российский юридический журнал*. 1999. № 2. С. 7.

12. Тихомиров Ю.А. *Международные договоры Российской Федерации и российское законодательство // Законодательство и экономика*. 1998. № 12. С. 39.

Пахомов Сергей Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612583181)

Соотношение понятий криминалистической тактики и их методологическое значение

Аннотация

В статье рассматриваются научно-теоретические аспекты основных терминологических категорий криминалистической тактики, где с учетом обобщения существующих научных взглядов автор предпринимает попытку привести соотношение таких категорий с методологией данного раздела криминалистики.

Annotation

This article is devoted to scientific - theoretical aspects of the main terminological categories in criminalistic tactics. The author tries to correspond these categories with methodology of this part in criminalistic.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактический прием, тактическая ситуация, следственное действие, свойство тактического приема.

Key words: criminalistic tactics, tactical way, tactical situation, investigative action, criminalistic of tactical way.

Криминалистическая тактика, являясь разделом науки криминалистики, базируется на научно-познавательном и эмпирическом обобщении. Методологические аспекты криминалистической тактики по сей день находятся в рамках научной дискуссии, привлекают внимание ведущих криминалистов отечественных и зарубежных школ. Существующие противоположные взгляды к формированию системы криминалистической науки и криминалистической тактики, в частности, порождают разные подходы к базовым категориям криминалистической тактики. Данное обстоятельство требует научного анализа, и совершенствования концептуальной модели понятийного аппарата данного раздела.

Известно, что ключевыми понятиями раздела криминалистическая тактика являются: тактический прием, тактическая (криминалистическая комбинация), тактическая ситуация, криминалистическая рекомендация и ряд других. Однако, в свете современных представлений относительно существования данных понятий в разделе криминалистическая тактика, вряд ли может присутствовать единодушие.

Одним из базовых понятий криминалистической тактики является понятие тактического приема.

Данная дефиниция в разное время определялась по-разному. Так, А.Н. Васильев считал, что тактический прием - это "метод действия в расследовании для достижения цели, рассчитанный на оптимальный эффект при относительно минимальной затрате времени и сил" [1]. Как совокупность приемов проведения следственных действий представляют себе тактические приемы А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко [2].

С позиции других авторов, тактический прием определяется как адекватный ситуации способ речевого и неречевого воздействия на объект (фрагмент объективной действительности, документ, предмет, человека), способствующий эффективному собиранию и использованию информации, оптимизации решения других задач при проведении расследования [3].

Все эти понятия, на наш взгляд, весьма расширенно формируют представление о сущности тактического приема, поскольку мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой криминалистическая тактика характеризует деятельность субъекта

расследования по планированию, непосредственному проведению и фиксации хода и результатов следственного действия. Следовательно, и тактический прием, может быть реализован именно в рамках проведения конкретного следственного действия, а не в ходе всего процесса расследования. То есть тактические приемы направлены на результативность выполнения следственных действий. Терминологически, формирование сущности тактического приема должно происходить именно в рамках такого представления.

Мы полагаем, что вышеперечисленные черты (присущие понятию тактика), должны учитываться при формировании определения "тактический прием". Вопрос о сущности тактического приема напрямую связан с решением вопроса о соотношении понятия приема и метода.

В криминалистической литературе высказывается точка зрения, что метод, определяясь объектом познания, на который направлена деятельность человека, отображает закономерности познания, тогда как прием по своей гносеологической сущности является элементом метода как пути познания. Специфика тактических приемов заключается в том, что они выступают в качестве способов практической деятельности, направленных на фактическую реализацию содержания соответствующих методов посредством совершения определенных действий, избираемых с учетом конкретно складывающихся ситуаций [4].

В этой связи, нам импонирует подход С.П. Митричева, относительно его понимания тактического приема. С.П. Митричев под тактическим приемом понимал законное и наиболее целесообразное в данных условиях действие или поведение лица, производящего расследование, обеспечивающее достижение эффективных результатов при проведении того или иного процессуального действия [5].

Н.И. Порубов определяет тактический прием как наиболее рациональный и эффективный способ действия следователя в конкретной ситуации [6].

Таким образом, можно определить тактический прием как наиболее рациональный и эффективный способ действия, свободно избираемый лицом, осуществляющим расследование, в конкретных следственных и судебных ситуациях с целью создания условий, обеспечивающих максимальную результативность производства отдельных следственных действий. Такая трактовка дается с учетом направленности, цели

тактического приема и его основных свойств [7].

Неоднозначно решается вопрос и о делении тактических приемов в зависимости от их научного происхождения. Так А.Н. Васильев включал в такую классификацию следующие элементы:

тактические приемы, основанные на применении логики в условиях расследования;

тактические приемы, основанные на научной организации труда следователя;

тактические приемы, основанные на

использовании данных науки психологии [8].

Этот подход поддерживают А.Н. Гусаков, Д.П. Поташник, А.А. Филющенко [9]. По мнению В.С. Комаркова, в такую систему входят всего две группы приемов: психологические и логические [10]. В некоторых источниках рассматривается описанная классификация, но дополненная четвертым элементом: тактические приемы, учитывающие достижение других наук [11].

Р.С. Белкин, освещая свой подход к классификации тактических приемов в зависимости от их научного происхождения указывал, что из числа источников формирования тактического приема необоснованно исключается следственная практика, во-вторых, данная классификация не отражает криминалистического характера тактического приема, не указывая в качестве одного из источников его формирования криминалистическую науку [12].

По мнению Ю.Г. Журавлева, вопрос об исключении следственной практики из источников тактического приема категорично ставить нельзя, так как при рассмотрении основополагающих вопросов о принципах и источниках криминалистической тактики всегда говорится о том, что следственная и судебная практика являются источниками данного раздела криминалистики, а значит, и тактического приема [13]. Мы так же разделяем обозначенную точку зрения.

Поскольку цель применения тактического приема основана на необходимости достижения криминалистически значимого результата при проведении следственного действия, то к самим тактическим приемам должны предъявляться определенные требования.

Так, А.Н. Васильев писал, что "тактическим приемам присущи следующие общие свойства: а) научность тактического приема - его происхождение от специальных наук и обобщения следственной практики; б) структурная форма каждого приема, его принадлежность к системе приемов; в) рекомендательный характер приема,

предоставляющий свободу выбора из нескольких возможных; г) законность - обязательность точного соблюдения всех процессуальных правил, в рамках которых применяется тактический прием; д) направленность на проведение в жизнь соответствующей нормы уголовно-процессуального закона; е) соответствие тактического приема этическим нормам; ж) способность помогать широкому применению научно-технических средств" [14].

Наряду с этим, профессор А.Г. Филиппов указывает еще ряд требований, в частности: а) целесообразность, т.е. зависимость тактического приема от конкретной следственной ситуации, обусловленность конкретной целью; б) экономичность; прием должен обеспечивать достижение цели при минимальной затрате сил и средств; в) простота и доступность; осуществление данного тактического приема должно быть доступно рядовому сотруднику, располагающему штатными технико-криминалистическими средствами [15].

М.П. Малютин, характеризуя тактические приемы, указывает, что из указанных требований необходимо выделить ряд таких, которые важны для решения главного вопроса - допустим ли данный тактический прием или недопустим. О тактическом приеме следует говорить с учетом допустимости, ибо лишь те из них имеют значение для следственной практики, которые характеризуются такими свойствами, как правомерность, научная обоснованность и этичность. Эти признаки характеризуются в литературе как критерии допустимости тактических приемов [16].

А.Г. Филиппов указывает, что все перечисленные требования ни в коем случае не могут противоречить друг другу, хотя соблюсти этот принцип подчас бывает нелегко. Иногда, например, трудно провести четкую грань между целесообразной следственной хитростью и недопустимым обманом допрашиваемого; между целесообразным обыском у лица, прямо не причастного к преступлению, и недопустимым нарушением его прав. Здесь тесно смыкаются вопросы права и морали, а от следователя требуется не только высокое профессиональное мастерство, но и умение подходить к профессиональным вопросам с позиции нравственности [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация тактических приемов при проведении следственного действия должна осуществляться не только в соответствии с вышеописанными формальными принципами, но и на основе лично-волевых, интеллектуальных и профессиональных

свойств субъекта их применяющего.

Мы предлагаем классифицировать тактические приемы в зависимости от того носит ли следственное действие вербальный характер или невербальный, поскольку сущность тактических приемов будет различна, а направленность их применения соотноситься с целью проведения конкретного следственного действия. Такая классификация, на наш взгляд, позволит оптимизировать деятельность по разработке криминалистических рекомендаций в контексте данного обстоятельства.

Принято считать, что среди приемов криминалистической тактики большое значение имеют те, которые связаны с психологическим воздействием на лиц, дающих ложные показания и противодействующие расследованию. Авторы, употребляющие термин "психологическое" воздействие, подразумевают воздействие, основанное на психологии [18]. В криминалистической литературе иногда говорят о "психическом" воздействии, понимая это как психологию воздействия на психику допрашиваемого [19].

Эти понятия не идентичны и во втором случае воздействие основано не только на психологии, но и на других науках. Особенность такой группы приемов заключается в том, что они непосредственно или опосредованно направлены на специфический объект - психику человека. Их содержание и механизм реализации обусловлены необходимостью оказания воздействия на человека (его психику), с целью установления психологического контакта, воспоминания забытого, разоблачения лжи в показаниях и др.

В криминалистической литературе рассматривается реализация таких тактических приемов посредством использования "следственных ловушек" или "следственных хитростей" [20]. Однако, по мнению Н.А. Селиванова, следует отказаться от употребления таких терминов, ибо они вольно или невольно могут ассоциироваться с понятием обмана [21]. Именно Н.А. Селиванов предложил ввести в криминалистику понятие психологического реагента, определив это понятие как тактически значимую информацию, которую следователь использует при производстве допросов [22].

При криминалистическом рассмотрении психологического реагента как раздражителя имеются в виду какие-либо факторы, которые извне воздействуют на человека и вызывают его ответные психические и психофизиологические реакции, которые позволяют получить как доказательственную, так и ориентирующую

информацию.

Среди таких приемов можно выделить те, которые позволяют проследить психологическую реакцию допрашиваемого лица. Различают несколько групп реагентов:

основанные на создании правомерными действиями преувеличенного представления допрашиваемого об осведомленности следователя;

основанные на внушении мысли о наличии у следователя значительных технических возможностей обнаружения доказательств;

основанные на неразглашении подлинной цели действий следователя с использованием фактора внезапности;

основанные на внушении мысли о целесообразных действиях допрашиваемого, способных его изобличить;

основанные на создании условий, при которых поведение допрашиваемого в значительной мере характерно для виновного;

основанные на правомерном использовании внешних факторов (естественных или искусственных), расслабляющих волевую сферу [23].

И все же, реализация тактических приемов обсуждаемого характера, требует четкой линии поведения и детального планирования. Потому что грань между обманом и созданием условий, при которых реакция субъекта будет основана на его личном глубоком убеждении в существовании определенного факта очень тонкая.

На выбор того или иного реагента из возможных вариантов и технологии их предъявления, влияет особенность складывающейся следственной ситуации, поставленной задачи, процессуального статуса лица, в отношении которого следует применять реагент, его психологических и иных особенностей [24].

Анализируя различную криминалистическую литературу в части того, что на выбор тактического приема оказывает влияние следственная ситуация, мы подметили некое несоответствие в понимании сущности такой категории.

Так Р.С. Белкин, рассматривая факторы, влияющие на формирование следственной ситуации, к числу объективных факторов относил:

наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации, что зависит от механизма расследуемого события и условий возникновения его следов в окружающей среде;

наличие и устойчивость существования еще неиспользованных источников

доказательственной информации и надежных каналов поступления ориентирующей информации;

интенсивность процессов исчезновения доказательств и сила влияющих на эти процессы факторов;

наличие в данный момент в распоряжении следователя, органа дознания необходимых сил, средств, времени и возможность их использования оптимальным образом;

существующая в данный момент уголовно-правовая оценка расследуемого события.

Субъективными факторами, по его мнению, являются:

психологическое состояние лиц, проходящих по расследуемому делу;

психологическое состояние следователя, уровень его знаний и умений, практический опыт; его способность принимать и реализовывать решения в экстремальных условиях;

противодействие установлению истины со стороны преступника и его связей, а иногда потерпевшего и свидетелей;

благоприятное (бесконфликтное) течение расследования;

усилия следователя, направленные на изменение следственной ситуации в благоприятную для следствия сторону;

последствия ошибочных действий следователя, оперативного работника, эксперта, понятых;

последствия разглашения данных предварительного расследования;

непредвиденные действия потерпевшего или лиц, не причастных к расследуемому событию [25].

Из приведенного выше явствует, что субъективные факторы есть не что иное, как обстоятельства, влияющие на выбор тактического приема (или приемов) при производстве следственного действия. А объективные факторы учитываются уже в связи с имеющимися результатами произведенных следственных действий, в рамках которых были, возможно, реализованы тактические приемы. Из чего следует, что термин "следственная ситуация" не применим при рассмотрении вопросов выбора тактических приемов.

Именно поэтому проблемы, связанные со следственными и тактическими ситуациями, по праву относятся к числу не решенных в криминалистической науке. Расширительное толкование понятия следственной ситуации, на наш взгляд, стало перегруженным и сложным как для практического использования, так и для последующей разработки некоторых частных криминалистических теорий, в том числе теории

типичных следственных ситуаций.

При всей взаимосвязи компонентов информационного, процессуального, тактического, психологического, материального и организационно-технического характера и их важности для успешного расследования, с практической точки зрения вряд ли стоит относить их к понятию следственной ситуации. Расследование представляет собой специфическую форму познания; одна из особенностей такого познания заключается в том, что следователю приходится преодолевать не только противодействие определенных лиц, но и времени, различных природных факторов и естественных процессов. Все это позволяет сравнивать расследование с борьбой за информацию (доказательства); поэтому перечисленную совокупность компонентов можно свести к двум группам: информационной и тактической [26].

С.В. Кузьмин считает, что следственная ситуация включает в себя только информационный аспект расследования. Все остальное можно отнести к содержанию тактической ситуации, потому что компоненты психологического, процессуального, материального и организационно-технического характера напрямую связаны с линией поведения участников процесса [27].

Поскольку понятие "тактика" всегда связано со столкновением, борьбой человеческих интересов, тактическая ситуация в обязательном порядке должна учитывать наличие или отсутствие, а также степень противодействия или содействия следствию со стороны различных лиц. Говоря о свойствах тактической ситуации, нужно обратить внимание на три важных обстоятельства. Во-первых, тактическая ситуация всегда является отражением реальной действительности и формируется в процессе изучения и оценки ранее перечисленных факторов, что с особой остротой ставит вопрос об адекватности ее диагностики. Во-вторых, она всегда представляет собой динамическую категорию, может быстро меняться в ходе одного следственного действия, например, неумения следователя, установить психологический контакт с допрашиваемым. В-третьих, знание тактической ситуации следователю требуется не только применительно к настоящему, но и к будущему.

В соответствии со сказанным выше полагаем, что такое разделение понятий позволит свести к минимуму споры о том, к какому разделу их отнести. Тактическая ситуация является категорией криминалистической тактики, а

следственная ситуация - методики расследования отдельных видов (групп) преступлений.

Для определения места тактической операции в разделе криминалистической тактики необходимо исходить из комплекса целей, которые стоят перед разделом и решаются в зависимости от характера его задач. На наш взгляд, как и в случае с понятием следственной ситуации, неверно включение понятия "тактическая операция" в раздел криминалистической тактики. Приведем несколько точек зрения относительно понятия тактической операции.

В.А. Образцов дает определение, согласно которому тактическая операция есть "комплекс целенаправленных, взаимосвязанных, скоординированных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, обеспечивающих выяснение определенных обстоятельств (или их совокупности), имеющих значение для уголовного дела, а также решения иных задач выявления, раскрытия и расследования преступлений" [28].

В.И. Шиканов считает, что "тактическая операция - система согласованных между собой следственных, оперативно-розыскных мероприятий, и иных действий, предпринятых в полном соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального законодательства правомочными должностными лицами для выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания по расследуемому уголовному делу" [29].

А.В. Дулов определяет тактическую операцию как совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [30].

Наряду с термином "тактическая операция" в криминалистической литературе встречается термин "тактическая комбинация". Существует ли разница между этими определениями, и может быть отнесена категория "комбинация" к разделу криминалистической тактики?

В.И. Шиканов считает, что термин "тактическая комбинация" применяется, когда "хотят подчеркнуть, что соответствующая тактическая операция связана с особо сложными, многоходовыми расчетами, основанными на рефлексивном анализе, и предполагает широкое применение оперативных возможностей органов дознания" [31].

Некоторые ученые вообще отрицают понятие "тактическая комбинация". Так, Л.Я. Драпкина писала: "Что касается термина "тактическая комбинация", то он представляется нам менее удачным, чем "тактическая операция". Понятие "комбинация" пришло в криминалистику из теории и практики оперативно-розыскной деятельности, где оно имеет иную функциональную и структурную нагрузку [32].

Принципиально отличается от данных определений позиция Р.С. Белкина, который понимает тактическую комбинацию как определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующих цель решения конкретных задач расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией" [33].

Итак, научная полемика по поводу вышеприведенных определений существует, каждый автор отстаивает свои научные позиции, что является неперемным атрибутом научного знания и дает толчок для новых изысканий и формирования теоретических знаний. Однако, на наш взгляд, за рамками внимания остается одна простая истина: ни "тактическая операция", ни "тактическая комбинация", в сущности, не соотносятся с разделом криминалистическая тактика, так как эти определения выходят за грань предмета и объекта соответствующего раздела. Мы можем согласиться с определением профессора Р.С. Белкина только в части, где под тактической комбинацией он понимает "сочетание тактических приемов", и не более того, при условии, что "комбинацию" следует понимать как "сочетание, соединение, взаимообусловленное расположение ряда преимущественно однородных предметов, приемов" [34].

Скорее, эти два определения уместны при рассмотрении вопросов, касающихся организации и расследования преступлений. В защиту нашей точки зрения можно привести энциклопедическое определение понятия "операция". Операция - это "совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, месту и времени действий разнородных войск, сил, проводимых одновременно и последовательно по одному замыслу и плану" [35]. Если абстрагироваться, то суть данного определения вполне соотносится с понятием расследования преступления.

Таким образом, с учетом проведенного анализа научных подходов по определению системы криминалистической тактики и ее основных понятий, а так же на основе собственных убеждений и понимания указанных аспектов можно сформулировать свое определение

криминалистической тактики. Криминалистическая тактика - это система научных положений и разрабатываемых на их основе тактических приемов и рекомендаций по планированию и проведению следственного действия, определению линии поведения лиц, производящих следственные действия, направленные на собирание, оценку и использование доказательств.

1. Васильев А.Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 250.

2. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 23.

3. Образцов В.А. Криминалистика: Учебное пособие. М., 1994. С. 101.

4. Сокол В.Ю. Методологические и организационные аспекты тактико-криминалистического обеспечения раскрытия преступления. - Краснодар, 1998. С. 142-143.

5. Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики. М., 1965. С. 9.

6. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. С. 123-124.

7. Малютин М.П. Тактические приемы в расследовании преступлений. М.: Издательство "Юрлитинформ", 2009. С. 17.

8. Васильев А.Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 250.

9. Гусаков А.Н., Филющенко А.А. Следственная тактика (в вопросах и ответах). Свердловск, 1991. С. 13; Поташник Д.П. Криминалистическая тактика. М., 1998. С. 27.

10. Комарков В.С. Вопросы систематизации тактических приемов расследования. М., 1973. С. 73.

11. Герасимов И.Ф. Общие вопросы криминалистической тактики // Криминалистика / Под ред. Л.Я. Драпкина. И.Ф. Герасимова. М., 1994. С. 225.

12. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. С. 111.

13. Журавлев Ю.Г. Соотношение тактического приема и психологического реагента в криминалистической тактике // Вестник криминалистики. Вып. 2 (30). М.: Спарк, 2009. С. 56.

14. Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. М., 1981. С. 4.

15. Филиппов А.Г. Криминалистика: Учебник / Под ред. проф. А.Г. Филиппова и проф. А.Ф. Волынского. М.: Издательство "Спарк", 1998.

С. 230-231.

16. Малютин М.П. *Тактические приемы в расследовании преступлений*. М.: Издательство "Юрлитинформ", 2009. С. 19.

17. Филиппов А.Г. *Криминалистика: Учебник* / Под ред. проф. А.Г. Филиппова и проф. А.Ф. Волинского. М.: Издательство "Спарк", 1998. С. 231

18. Рубинштейн С.А. *Принципы и пути развития психологии*. М., 1959. С. 110.

19. Ильченко Ю.И. *К проблеме о сущности психического воздействия на допрашиваемого* // Проект УПК РФ и проблемы правоприменительной деятельности. Краснодар, 1999. С. 127.

20. Ларин А.М. *Я - следователь*. М., 1991. С. 147.

21. *Расследование преступлений повышенной опасности: Пособие для следователя* / Под ред. Н.А. Селиванова, А.И. Дворкина. М., 1998. С. 11.

22. Селиванов Н.А. *Этико-тактические вопросы расследования* // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1983. Вып. 38. С. 55.

23. *Расследование преступлений повышенной опасности: Пособие для следователя* / Под ред. Н.А. Селиванова, А.И. Дворкина. М., 1998. С. 13-18.

24. Образцов В.А., Самсонова Н.Д. *Психологический реагент как объект теории криминалистики, оперативно-розыскной и следственной практики* // *Lex russica*. 2005. № 3. С. 524.

25. Белкин Р.С. *Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории - к*

практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 92-93.

26. Кузьмин С.В. *О понятии и содержании тактической ситуации* // *Вестник криминалистики*. Вып. 1 (33). М.: Спарк, 2010. С. 12.

27. Там же. С. 12.

28. Образцов В.А. *Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства*. Иркутск, 1985. С. 89.

29. Шиканов В.И. *Теоретические основы тактической операции в расследовании преступлений*. Иркутск, 1983. С. 17.

30. Дулов А.В. *Тактические операции при расследовании преступлений*. Минск, 1979. С. 44.

31. Шиканов В.И. *Теоретические основы тактической операции в расследовании преступлений*. Иркутск, 1983. С. 19.

32. Драпкин Л.Я. *Первоначальные следственные действия в методике расследования преступлений и проблема повышения их эффективности* // *Вопросы методики расследования преступлений*. Свердловск, 1976. С. 57.

33. Белкин Р.С. *Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы*. М., 1988. С. 145.

34. Михальчук А.Е., Степанов В.В. *Соотношение тактической операции и комбинаций в криминалистике* // *Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений: сб. науч. трудов*. Свердловск, 1987. С. 33-34.

35. *Военный энциклопедический словарь*. М., 1987. С. 56.

Сокол Юрий Викторович

аспирант кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 88612227251)

Особенности криминалистической характеристики вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

Аннотация

В статье рассматривается сущность, значение, система, содержание и особенности криминалистической характеристики вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Annotation

In article the essence, value, system, the maintenance and features criminalistic characteristics of involving of the minor in fulfillment of antisocial actions is considered.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, элементы криминалистической характеристики и их взаимосвязи.

Key words: criminalistic the involving characteristic notfull age in fulfillment of antisocial actions, elements criminalistic characteristics and their interrelations.

Социальное, культурное и экономическое развитие любого государства зависит не только от количества предоставляемых его гражданам прав и свобод, но и от защищенности граждан, в том числе в период их несовершеннолетия. Россия, согласно статье 38 Конституции Российской Федерации, берет под свою защиту материнство, детство и семью. Современное законодательство исходит из принципов защиты детей и ответственности за нарушение прав несовершеннолетних. В целях охраны прав несовершеннолетнего предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Законодатель в части 1 статьи 151 УК РФ закрепляет следующие формы антиобщественной деятельности, вовлечение в совершение которых влечет уголовную ответственность - систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством. В части 2 статьи 151 УК РФ называется специальный субъект преступления

- родители, педагоги и иные лица, на которые законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В части 3 статьи 151 УК РФ содержится указание на такой признак, как совершение вовлечения с применением насилия или угрозы его применения.

Официальная статистика показывает, что на территории Российской Федерации в 2005 г. было зарегистрировано 8802 преступления, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и анти-общественных действий, в 2006 году - 8356 преступлений, в 2007 году - 7746 преступлений, в 2008 г. - 7229 преступлений, в 2009 г. - 6108 преступлений [1].

По данным ИЦ ГУВД по Краснодарскому краю, на территории региона было зарегистрировано в 2005 г. 15 преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, в 2006 году - 27 преступлений, в 2007 г. - 42 преступления, в 2008 году - 46 преступлений, в 2009 г. - 72 преступления.

Приведенные статистические данные не отражают реальную ситуацию в этой сфере. Латентность указанных преступлений является значительной, многие из таких преступлений

остаются невыявленными и, соответственно, нераскрытыми и нерасследованными.

По данным специалистов, в стране отмечается дальнейший рост участия несовершеннолетних в антиобщественной деятельности. Так, по данным главы комитета Госдумы по охране здоровья О.Г. Борзовой, количество детей, употребляющих алкоголь, в 2008 году увеличилось на 15,4% по сравнению с 2007 годом, а количество детей, больных алкоголизмом, возросло по сравнению с 2007 г. на 8,6% [2].

Употребление пива стремительно распространяется среди несовершеннолетних: каждый третий подросток в возрасте 12 лет употребляет пиво, а в возрасте 13 лет - двое из каждых трех [3, с. 48], каждый четвертый подросток совершает преступление в состоянии опьянения [4].

Проблема беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних была озвучена Президентом Российской Федерации как одна из важнейших проблем государства. В России насчитывается около 5 миллионов беспризорников, которые не работают и не учатся, а живут за счёт попрошайничества, воровства, сбыта наркотиков и проституции [4].

В каждом крупном городе России насчитывается от 20 до 45 тысяч беспризорных детей и подростков, среди которых значительное число несовершеннолетних, которые вовлечены в антиобщественную деятельность взрослыми [5, с. 3]. В органах внутренних дел состоят на учете 424,3 тыс. несовершеннолетних.

Изложенное подтверждает, что нерешенной проблемой остается крайне низкий уровень выявления, раскрытия и расследования сотрудниками правоохранительных органов фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий. Это во многом объясняется тем, что практические работники правоохранительных органов не владеют современной методикой выявления, раскрытия и расследования преступлений указанной категории, в том числе не учитывают особенности криминалистической характеристики указанных преступлений. Как следствие, они испытывают серьезные затруднения при выборе криминалистических методов, приемов и средств, которые обеспечили бы эффективное выявление, раскрытие и расследование таких преступлений.

Чаще всего криминалистическую характеристику преступлений рассматривают как типовую модель криминалистически значимых особенностей вида (разновидности)

преступлений [6, с. 26] или информационную модель, представляющую собой описание свойств и существенных признаков преступления, находящих отражение в реальной действительности [7, с. 15].

Термин "криминалистическая характеристика преступлений" прочно вошел в арсенал научного аппарата криминалистики. По рекомендации Все-союзного семинара руководителей кафедр криминалистического цикла в 1974 году, проблема криминалистической характеристики вида преступлений была включена в программу вузовского курса криминалистики [8, с. 307].

Криминалистическая характеристика преступлений как научная категория возникла в результате длительного пути развития криминалистики, в частности, ее заключительного раздела - криминалистической методики расследования преступлений. Первое упоминание о криминалистической характеристике преступления можно встретить в работе А.Н. Колесниченко, который считал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений, поскольку преступления имеют общие черты криминалистического характера [9, с. 10].

Впервые полное определение "криминалистической характеристики преступления" было дано Л.А. Сергеевым, который включил в ее содержание следующие элементы: способы совершения преступления; условия в которых совершаются преступления и особенности обстановки; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений; связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи с вышеуказанными группами обстоятельств [10, с. 4-5].

Если до 70-х годов прошлого века основной исходной позицией формирования всякой методики расследования являлись обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, то впоследствии исходную позицию, детерминирующую содержание научных криминалистических методик, стала занимать криминалистическая характеристика преступлений.

Вопросу о сущности, значении и содержании криминалистической характеристики

преступлений посвящено значительное количество работ известных отечественных ученых, в частности, А.Н. Васильева, Р.С. Белкина, И.А. Возгина, И.Ф. Герасимова, Г.А. Густова, Л.Я. Драпкина, А.Н. Колес-ниченко, И.Ф. Крылова, В.А. Образцова, И.Ф. Пантелеева, В.Г. Танасевича, А.А. Хмырова, Н.П. Яблокова и др.

До настоящего времени на страницах криминалистической литературы продолжается дискуссия о соотношении криминалистической характеристики и предмета доказывания. С одной стороны, высказываются мнения о поглощении предмета доказывания криминалистической характеристикой, с другой стороны, отмечается, что это приводит к расширению понятия криминалистической характеристики до пределов, не соответствующих предмету криминалистической науки [11, с. 167].

Как верно отмечает Л.А. Зашляпин, названные категории нередко используются исследователями для того, чтобы в единственном числе определять содержание и характер формируемых криминалисткой методик расследования преступлений, выступая в качестве стержня для конструируемой методики [12, с. 125].

По мнению Н.П. Яблокова, "содержание криминалистических характеристик с учетом вида преступления должно охватывать не только особенности чисто криминалистического значения, но и аналогичные аспекты круга обстоятельств, подлежащих установлению по делу" [13, с. 114].

С.Н. Чурилов считает необходимым вернуться к оправдавшему себя перечню обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку "предмет доказывания по конкретному виду преступлений, вопреки распространенному мнению, не может являться ядром криминалистической характеристики" [11, с. 323].

Н.А. Селиванов справедливо отмечает, что активный и целенаправленный характер методики расследования проявляется в ее обусловленности предметом доказывания [14, с. 121].

Следует согласиться с А.А. Хмыровым, который четко определил различие в целевой направленности криминалистической характеристики и предмета доказывания, заключающееся в том, что "предмет доказывания определяет конечную цель, криминалистическая характеристика помогает найти конкретные пути и способы её достижения" [15, с. 54]. Частичное совпадение предмета доказывания с содержанием криминалистической характеристики преступлений определенного вида обусловлено тем, что характеризуются одни и те

же объекты, деяния, лица, но речь идет о разных по своему существу обстоятельствах [15, с. 53-54].

Таким образом, понятия криминалистической характеристики и предмета доказывания не конкурируют между собой, поскольку они являются разноплановыми, хотя и близкими понятиями.

Важно отметить, что с момента употребления выражения "криминалистическая характеристика преступлений" до настоящего времени продолжают дискуссии о сущности, структуре, видах и уровнях криминалистической характеристики преступлений. Исследователи отмечают, что, несмотря на значительное число определений криминалистической характеристики, в криминалистике еще не сложилось единого представления о ее сущности и структуре [13, с. 114].

Одни ученые отмечают, что по-прежнему продолжается процесс формирования криминалистической характеристики преступлений [6, с. 31], другие ставят вопрос об оценке значимости криминалистической характеристики преступлений для криминалистической теории и практики вплоть до проверки её научной состоятельности. В частности, В.Я. Колдин указывает на неясность методологического и методического значения понятия криминалистической характеристики преступления [16, с. 65]. А по мнению Р.С. Белкина, "криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом" [17, с. 223]. С.Н. Чурилов призывает "безоговорочно согласиться с мнением Р.С. Белкина о необходимости признать, что попытки создать криминалистические характеристики, соответствующие той роли, которая им отводилась, потерпели неудачу" [11, с. 322-323].

Тем не менее, большинство ученых признают криминалистическую характеристику важной и научно самостоятельной понятийной категорией криминалистики, имеющей значение, как для её общей теории, так и для практической криминалистической методики расследования преступлений [6, с. 25]. Практическая значимость криминалистической характеристики состоит в том, что при расследовании преступлений она способствует выбору рациональных направлений расследования, особенно на первоначальном этапе при дефиците исходной информации о преступлении.

Фактически она представляет собой

информационно-теоретическую и практическую базу для создания типовых программ (алгоритмов) первоначального и последующего этапов расследования преступлений соответствующего вида, описания особенностей тактики наиболее характерных для расследования этих преступлений следственных действий, для формирования содержания других элементов частных методик [18, с. 33].

Соответственно, криминалистическая характеристика преступлений в следственной практике может использоваться в целях:

обнаружения преступлений, оценки их признаков;

выдвижения версий о характере того или иного события;

выдвижения версий о личности вовлечателя, особенно при дефиците конкретной информации о нем, в том числе для выдвижения версии о совершении преступления группой лиц, организованной преступной группой;

определения конкретных источников криминалистически значимой информации и возможных мест ее нахождения с использованием данных о типичных способах преступления определенного вида;

определения тактики проведения отдельных следственных действий и их систем.

Знание типовой модели того или иного вида преступления, позволяет установить, что из типовых криминалистически значимых особенностей выявлено на том или ином этапе раскрытия и расследования преступления, а какие типовые черты еще не установлены, но подлежат выяснению.

Элементы криминалистических характеристик взаимосвязаны между собой. Поэтому, зная, например, способ совершения преступления, обстоятельства, при которых оно было совершено, следы, которые, были оставлены преступниками, можно с очень большой степенью вероятности определить неизвестные элементы, например, особенности личности преступника. Таким образом, разработка криминалистических характеристик, типичных следственных ситуаций и связанных с ними (алгоритмов) действий следователя открывает перед криминалистикой новые широкие перспективы [19, с. 311-312].

Важно определиться относительно структуры криминалистической характеристики преступлений, вопрос о которой относится к числу наиболее спорных в литературе. Попытки же унифицировать систему её элементов путем выделения наиболее типичных из всех указанных в криминалистической литературе не дают

положительных результатов [11, с. 163].

Интерес в этом отношении представляет исследование С.И. Коновалова, который в результате проведенного анализа литературных источников приводит индексы частоты встречаемости того или иного элемента криминалистической характеристики, что позволило ему выделить как "наиболее весомые структурные элементы", которые поддерживаются всеми авторами, так и те, которые имеют нечастое или даже единичное авторское упоминание [20, с. 82-85].

С.И. Коновалов выделяет пять обобщенных структурных элементов криминалистической характеристики [20, с. 88]. В.Ф. Ермолович отмечает, что содержание характеристики отдельных видов (групп) преступлений могут составлять данные о двадцати одном элементе [7, с. 238-240]. А.М. Кустов включает в криминалистическую характеристику сведения о восьми элементах [21, с. 80-81]. А.Ф. Лубин [22, с. 257-258] выделяет девятнадцать модусов, отражающих структурные элементы криминалистической характеристики преступлений.

С.И. Коновалов, проведя обобщение точек зрения различных авторов относительно вопроса криминалистической характеристики, установил единство мнений ученых. Во-первых, в понимании криминалистической характеристики, как обобщенной информации о преступлениях, значимой для их раскрытия, расследования и предотвращения. Во-вторых, в стремлении описать структуру криминалистической характеристики преступлений [20, с. 15].

Р.С. Белкин, исследовав в 1997 г. определения криминалистической характеристики Л.А. Сергеева, И.Ф. Пантелеева, В.Г. Танасевича, В.А. Образцова, И.А. Возгина, А.Н. Васильева, Н.П. Яблокова, И.Ф. Герасимова, А.Н. Колесниченко и других, пришел к выводу, что криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступлений и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) [8, с. 315-316].

Однако, учитывая обоснованное мнение В.Ф. Ермоловича, что в содержание криминалистической характеристики преступлений не могут входить какие-либо элементы, относящиеся не к самому

преступлению, а к его расследованию [7, с. 25], считаем, что так называемая "исходная информация" относится не к характеристике преступления, а к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, и поэтому не может входить в содержание криминалистической характеристики.

В литературе указывается также на такие возможные структурные элементы криминалистической характеристики, как типичные предмет преступного посягательства, механизм преступлений данного вида, орудия и иные средства совершения преступлений, поведение потерпевших, типичные приемы противодействия расследованию, причины и условия, способствующие совершению преступлений данного вида. Сведения об этих характерных для некоторых категорий преступлений обстоятельствах могут использоваться в качестве дополнительных криминалистических значимых признаков при формулировании отдельных криминалистических характеристик и соответственно при разработке некоторых частных методик [18, с. 31]. Однако некоторые нововведения авторов не всегда обосновываются, и мы имеем дело с неаргументированной авторской трактовкой, имеющей претензию на оригинальность, что в конечном счете приводит к размыванию понятия, утрате его четкости и определенности [20, с. 80].

Говоря об особенностях криминалистической характеристики вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность, считаем, что следует выделять следующие структурные элементы данной характеристики:

характеристика системы данных о способе подготовки, совершения и сокрытия рассматриваемой категории преступлений и типичных последствиях его применения;

характеристика личности вовлечателя, мотивов и целей преступления;

характеристика личности несовершеннолетнего, вовлеченного в антиобщественную деятельность;

характеристика времени, места и обстановки совершения преступления.

Данные о способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений (иногда говорят о механизме преступления) выражают функциональную сторону криминальной деятельности. Это еще и сведения о том, как действия преступника отражаются в окружающей среде, то есть какие следы возникают в результате преступного посягательства, где их нужно искать и как по ним восстановить механизм преступления [23, с. 213].

В криминалистической характеристике отражаются те стороны способа совершения преступления, которые индивидуализируют действия лица, направленные на достижение преступного результата. Способ совершения преступления в целом и его отдельные структурные элементы, проявляющиеся преимущественно в материальных следах, являются важным источником сведений о поведении преступника. Например, поиск преступника по способу совершения преступления возможен в силу того, что в нем проявляются навыки, привычки, способности и другие качества преступника. Вместе с тем, преступник выбирает тот способ, который, по его мнению, будет наиболее действенен для реализации его преступного умысла по вовлечению конкретного несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Выбор способа вовлечения несовершеннолетнего обусловлен "свойствами личности самого преступника", его возможностями [21, с. 118]. Здесь и проявляется взаимосвязь двух групп данных, входящих в криминалистическую характеристику [24, с. 453].

Важно отметить, что при раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий практические работники должны иметь четкое представление о содержании таких понятий, как спиртные напитки, одурманивающие вещества, попрошайничество и бродяжничество. Так, согласно статье 2 Федерального закона Российской Федерации от 22.11.1995 года № 171-ФЗ "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции" под спиртными напитками понимается алкогольная продукция, которая произведена с использованием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции и не относится к питьевому этиловому спирту и вину.

Таким образом, при буквальном толковании понятия "спиртные напитки" получается, что уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление питьевого этилового спирта, вина и пива по статье 151 УК РФ не предусмотрена. Очевидно, что такая позиция не в полной мере согласуется с провозглашенными государством задачами защиты здоровья, нормального нравственного и социального развития несовершеннолетних.

Что касается "одурманивающих веществ", то их необходимо отличать от "наркотических средств". Список наркотических средств

утвержден Постановлением Правительства РФ от 30.06.98 № 681 и содержит три перечня. Одурманивающие вещества не являются наркотическими. Как правило, это обычные лекарственные препараты (клофелин, смесь димедрола с алкоголем и т.д.), при передозировке которых у человека наступает затормаживание или расслабление психики. Это могут быть и предметы бытовой химии (например, ацетон, хлороформ, эфир), вдыхание паров которых также вызывает одурманивание [25, с. 163].

Вовлечение несовершеннолетнего в бродяжничество заключается в возбуждении у него стремления к скитанию по различным местностям, длительному непроживанию по месту своего жительства, связанным с паразитическим образом жизни [26, с. 182].

Попрошайничество представляет собой систематическое выпрашивание в виде подаяния денег, одежды или иных материальных ценностей у других лиц. Целью такого антиобщественного действия является обогащение не трудовым путем [25, с. 164].

Следует иметь в виду, что преступления, ответственность за которые предусмотрена статьей 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий независимо от того, совершил ли несовершеннолетний какое-либо из указанных противоправных действий [27, с. 35].

Избрание конкретного способа вовлечения зависит от формы антиобщественного действия, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний. Зачастую вовлекателем последовательно или в комбинации применяются различные способы вовлечения (например, совместно предложениями и уговорами употребить спиртной напиток, вовлекатель может использовать такие способы как предоставления какой либо выгоды, обещания защитить от кого-либо).

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий представляет собой активное целенаправленное воздействие на несовершеннолетнего со стороны виновного лица, направленное не только на возбуждение желания совершить действия (употребить спиртной напиток, заняться попрошайничеством, бродяжничеством), но и на укрепление такого желания у несовершеннолетнего.

Наиболее полное описание возможных способов вовлечения дается в постановлениях Пленумов Верховных судов СССР и РФ. Так, постановление Пленума Верховного Суда СССР

№ 8 от 12 сентября 1969 года указывает на такие способы вовлечения как: убеждение, запугивание, подкуп, обман, возбуждение низменных побуждений, предложение, обещание, дача совета о месте и способах совершения или сокрытия следов и другие [28, с. 237].

Данные о личностных свойствах вовлекателя - это самостоятельный элемент криминалистической характеристики данного вида преступлений. В раскрытии преступлений большое значение имеют социальные, социально-демографические, социально-психологические и другие данные о личности преступника.

Эти данные могут использоваться в целях установления лица, совершившего определенное преступление. Сюда относятся сведения биографического характера (пол, возраст, национальность, образование, семейное положение и т.п.); сведения о трудовой деятельности (участие в трудовой и общественной деятельности, род занятий, профессия и т.п.); о социально-психологических свойствах личности (темперамент, воля, эмоции и т.п.); сведения о физической силе, характеризующие антиобщественное, противоправное поведение субъекта до совершения преступления (прежние судимости, отношение к деятельности правоохранительных органов, поведение на следствии, связи с лицами, склонными к совершению преступлений, и т.д.).

Самостоятельное значение имеют данные о личностных свойствах несовершеннолетнего, вовлеченного в антиобщественную деятельность. Информация о несовершеннолетнем должна включать демографические данные (пол, возраст, место жительства, образование и т.д.), сведения о характере и объеме нанесенного ему ущерба, физических, биологических и психологических особенностях потерпевшего, его образе жизни, заболеваниях, виктимности поведения, уровня культуры, ценностных ориентациях, наличии связей и отношений с другими людьми. Данные о несовершеннолетних и их поведении (до, в момент и после вовлечения) позволяют глубже проникнуть во многие обстоятельства преступления, а не редко объяснить направленность и мотивы поведения вовлекателя, его общие и индивидуальные качества [24, с. 457].

При расследовании уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, необходимо тщательно выяснять характер взаимоотношений между взрослым и подростком, поскольку эти

данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого в вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Немаловажную роль играют и другие обстоятельства совершения преступления, например, такие как время, место и обстановка совершения преступления. Место совершения преступления влияет на выбор способа совершения преступления, а в некоторых случаях само зависит от него и от времени, когда оно совершается. Например, попрошайничеством обычно занимаются в местах большого скопления людей. Это могут быть оживленные улицы, переходы, рынки, территории около церквей. Данные о времени совершения преступления позволяют верно оценить обстоятельства события, сузить круг подозреваемых и т.д. Некоторые преступления совершаются в определенное время года (сезон), в определенные дни (например, для вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков - используются праздничные дни), в определенное время суток (вовлечение в употребление спиртных напитков чаще осуществляется вечером или ночью). Преступления всегда совершаются в конкретных, реально существующих условиях действительности. Сочетание этих условий (внешняя среда) и образует обстановку, в которой протекает преступление. В подавляющем большинстве случаев обстановка совершения преступления носит объективный характер и не зависит от воли субъектов преступления. Но в ряде случаев она сознательно формируется или изменяется ими [24, с. 455].

Выявление корреляционных связей, зависимостей и взаимодействий между элементами криминалистической характеристики преступлений является важным аспектом. Р.С. Белкин обоснованно указывал, что криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между её элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях [8, с. 316], "в противном случае криминалистическая характеристика лишалась всякого смысла, поскольку сводилась к повторению общеизвестных истин" [17, с. 221-222].

Связи зависимостей между элементами криминалистической характеристики несут мощный потенциал развития обобщенных представлений о системе криминалистической

характеристики [20, с. 88]. Закономерные связи между элементами криминалистической характеристики могут быть как однозначными (динамическими), так и вероятностными (статистическими) [14, с. 57].

Вместе с тем, следует высказать предостережение о преувеличении значения видовой (групповой) криминалистической характеристики преступлений. Представляя собой обобщенное знание о криминалистически значимых признаках преступлений, она способна служить в качестве некоего ориентира для следователя на первоначальном и последующих этапах расследования конкретного уголовного дела, прежде всего, при выборе направлений расследования, построении и проверке следственных версий и т.д.. Требуется дальнейшая кропотливая работа по установлению и доказыванию всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по каждому уголовному делу.

1. <http://www.mvd.ru/content/11/Стаматсика>
2. <http://www.amic.ru/news/118628/>
3. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л., Вострокнутов Н.В., Зайцев С.Б., Никифоров Б.А. *Девиация подростков и молодежи: алкоголизация, наркотизация, проституция. М.: ИНФРА-М, 2001.*
4. <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=546395&soch=1>
5. *Молодежь в условиях социально-экономической трансформации российского общества // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, №15 (103)- 1999.*
6. Яблоков Н.П. *Криминалистическая характеристика преступлений - важный элемент криминалистической теории и практики // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 23-24 мая 2002 г. - Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2002.*
7. Ермолович В.Ф. *Криминалистическая характеристика преступлений. Мн.: Амалфея, 2001.*
8. Белкин Р.С. *Курс криминалистики. В 3-х т. Т.3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997.*
9. Колесниченко А.Н. *Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис., д-ра. юрид. наук.*

Харьков, 1967.

10. Сергеев Л.А. *Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ.* Автореф. дис... канд. юрид. наук. М. 1966.

11. Чурилов С.Н. *Криминалистическая методика: История и современность.* М.: Маркетинг, 2002.

12. Зашляпин Л.А. *Детерминанты методики расследования преступлений // Современные проблемы расследования преступлений: Материалы межвузовской конференции.* Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1992.

13. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. *Предмет, система и теоретические основы криминалистики.* М.: МГУ, 1984.

14. Селиванов Н.А. *Советская криминалистика: система понятий.* М., 1982.

15. Хмыров А.А. *Криминалистическая характеристика и предмет доказывания // Криминалистическая характеристика преступлений.* М.: Юрид. лит., 1984.

16. Колдин В.Я. *Криминалистическое знание преступной деятельности: функции моделирования // Советское право.* №2. 1987.

17. Белкин Р.С. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики.* М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРА - М), 2001.

18. *Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова.* - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

19. *Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова.* М.: Высшее образование, 2007.

20. Коновалов С.И. *Теоретико-методологические проблемы криминалистики.* Монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2001.

21. Кустов А.М. *Криминалистика и механизм преступления.* Цикл лекций. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2002.

22. Лубин А.Ф. *Механизм преступной деятельности.* Н.Новгород: НЮИ, 1997.

23. *Криминалистика: учебник / Под ред. Е.П. Ищенко,* 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006.

24. Шурухнов Н.Г. *Криминалистика: Учебное пособие.* М.: Юристъ, 2005.

25. *Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев.* 5-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2005.

26. *Практика применения Уголовного Кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника.* М.: Волтерс Клувер, 2005.

27. *Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 7 от 14.02.2000 г. "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних". // Законность,* № 5. 2000.

28. *Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 8 от 12 сентября 1969 года "О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность" // Уголовный кодекс РСФСР.* М.: Юридическая литература, 1971.

Затолокин Александр Александрович

преподаватель кафедры административной и служебной деятельности
Краснодарского университета МВД России
(тел.:88612583770)

Совершенствование правовой и организационной основы деятельности Госавтоинспекции по регистрации и учету транспортных средств как государственной услуги

Аннотация

Настоящая статья раскрывает вопросы правового регулирования, описания и определения регистрации и учета транспортных средств Госавтоинспекцией как оказания Государственной услуги. Действующее законодательство не в состоянии исключить "черные дыры" в порядке регистрации транспортных средств. Автор представляет свое видение проблемы, грамотно аргументирует свою точку зрения и предлагает пути решения этой проблемы.

Annotation

This article reveals the questions of the legal regulation, descriptions and determinations to registrations and account of the transport facilities National Auto Inspection as rendering State facilities. Acting legislation unable to exclude "black holes" in order of the registrations of the transport facilities. The author presents its vision of the problem, literate argues its standpoint and offers the way of the decision of this problem.

Ключевые слова: регистрация и учет транспортных средств, оказание государственной услуги, административный регламент, Закон Российской Федерации о "Регистрации транспортных средств".

Key words: the Registration and account of the transport facilities, rendering state facilities, administrative regulations, law to Russian Federation about "Registrations of the transport facilities".

Человечеству регистрация, как действие по ведению записей была присуща всегда. В русском языке слово регистрация происходит от немецкого Registration и означает запись, и в широком смысле означает внесение в список, в книгу или составление перечня, описи [1]. Регистрацию, как новую процедуру, как самостоятельное производство в структуре административного процесса имеющую цель - обеспечение достижение юридического результата, рассматривает В.Д. Сорокин [2]. Государственная регистрация, как институт динамична, ввиду того, что меняются способы, объемы и процедуры. Анализ практической деятельности свидетельствует, о том, что обоснованности регистрации и обеспечению общественных и индивидуальных интересов, препятствуют разноплановые нарушения.

Например, такие как: сама функция по регистрации зачастую необоснованно затянута во временном хронометраже, что влечет за собой бюрократизм и несет коррупционную составляющую.

Совершенствование законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и проводимая административная реформа создают хорошие предпосылки для оптимизации организации деятельности Госавтоинспекции. Административная реформа, проводимая в настоящее время, предусматривает повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти, качества оказания государственных услуг. Правительством Российской Федерации был утвержден Порядок разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных

услуг [3]. На основании этого Порядка административные регламенты должны определить сроки и последовательность административных процедур и административных действий федерального органа исполнительной власти, систему связи между его структурными подразделениями и должностными лицами, взаимодействие между заявителем и органом исполнительной власти.

С учетом вышеизложенного рассмотрим деятельность Госавтоинспекции МВД России по регистрации и учету транспортных средств как государственную услугу.

Под услугой принято понимать "действие, приносящее пользу, помощь другому" [4]. Функция по оказанию государственной услуги по регистрации транспортных средств включают в себя предоставление государственным органом исполнительной власти (милицией) [5] через подведомственные им государственные учреждения (Госавтоинспекцией) услуг гражданам и организациям в области регистрации транспортных средств. В Российской Федерации основу деятельности по регистрации транспортных средств составляют: Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. N 1026-1 "О милиции"; Федеральный Закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ "О безопасности дорожного движения"; Указ Президента РФ от 15.06.1998 N 711 "О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения" (вместе с "Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации"); Постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. N 938 "О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации". Одной из обязанностей возлагаемых на милицию в соответствии с Законом РФ "О милиции" является осуществление регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним, предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования; Согласно п.3 ст.15 ФЗ N 196 от 10.12.1995 "О безопасности дорожного движения" допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, осуществляется путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов. Регистрация транспортных средств без документа, удостоверяющего его соответствие установленным требованиям безопасности

дорожного движения, запрещается. Обязанность [6] по регистрации и учету автотранспортных средств и прицепов к ним, предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования, а так же выдачи регистрационных документов и государственных регистрационных знаков на зарегистрированные автотранспортные средства и прицепы к ним возлагается на Госавтоинспекцию. Правительство Российской Федерации в своем постановлении от 12 августа 1994 г. N 938 "О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации" [7] установило, что регистрацию автотранспортных средств, имеющих максимальную конструктивную скорость более 50 км/час, и прицепов к ним, предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования на территории Российской Федерации осуществляют подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Основным ведомственным нормативным актом, регламентирующим порядок регистрации автотранспортных средств на территории Российской Федерации, являются Правила регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001. Правила [8] устанавливают единый на всей территории Российской Федерации порядок регистрации в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации автотранспортных средств с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 куб. см или максимальной мощностью электродвигателя более 4 кВт, а также максимальной конструктивной скоростью более 50 км/час и прицепов к ним, предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования и принадлежащих юридическим лицам, гражданам Российской Федерации, иностранным юридическим лицам и гражданам, лицам без гражданства. Приложением № 2 к Приказу МВД России от 24.11.2008 года № 1001 является Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по регистрации автотранспортных средств и

прицепов к ним.

В настоящее время Госавтоинспекция работает над инновационными методами и формами предоставления государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения, а именно владельцу транспортного средства после приобретения предоставляется возможность в Интернете на сайте ГИБДД того региона, где он проживает оформить заявление на регистрацию своего транспортного средства. Собственнику предоставляется возможность выбрать день и удобное время. На сайте необходимо заполнить все поля, после чего распечатать заявление и квитанции, которые в свою очередь следует оплатить. После чего процедура регистрации займет буквально час-полтора времени [9]. Но в реалиях зачастую собственники наталкиваются на невозможность такого оформления документов из-за того, что периферийные подразделения ГИБДД (ГАИ) не оснащены соответствующей техникой по причине нехватки средств на оснащение регистрационных подразделений, а если и есть какие-либо каналы связи, то они морально устарели и не рассчитаны на большую нагрузку. А так же одной из причин сбоев данной системы является пока и человеческий фактор, как пример: собственник заполняет на сайте регионального ГИБДД квитанцию, оплачивает ее и, прибывая в отдел ГИБДД, для совершения регистрационных действий узнает, что расчетный счет, указанный в квитанции совершенно другого подразделения ГИБДД и т.п.

Кроме всего прочего Административный регламент, основной нормативный документ по регистрации транспортных средств, не в состоянии решить проблем, которые возникают в сфере реализации государственной функции (услуги) по регистрации транспортных средств. Реализуемые направления модернизации и оптимизации структуры Министерства внутренних дел Российской Федерации требуют не только переработки отдельных правовых норм, а в первую очередь формирования новой концепции регулирования деятельности Госавтоинспекции, основанной на переходе от ведомственной регламентации к их федеральному законодательному закреплению. К сожалению, ввиду отсутствия федерального законодательства о регистрации транспортных средств, ряд проблемных вопросов остается нерешенными.

Как показывает практика, имеются значительные недостатки в функции государства по регистрации автотранспортных средств: излишние расходы как собственников

транспорта так и государства, связанные с обязательной заменой государственных регистрационных знаков транспортных средств, при изменении собственника (государственная пошлина за регистрационные знаки 1500 рублей [10]) а также излишние временные затраты связанные с выдачей государственных регистрационных знаков. Анализируя зарубежный опыт регистрации транспортных средств (пример США), где государственный номер закрепляется не за собственником, как это принято у нас, а за транспортным средством, что в свою очередь упрощает работу полиции по идентификации транспортного средства, проверки его по различным базам данных;

излишние расходы собственников по приобретению Паспортов транспортных средств и свидетельств о регистрации (государственная пошлина Паспорт транспортного средства 300 рублей, государственная пошлина за свидетельство о регистрации 500 рублей). Ведь водителям необходим один регистрационный документ - свидетельство о регистрации транспортного, причем определенный Правилами дорожного движения как обязательный [11];

необходимость замены талона о прохождении государственного технического осмотра при замене собственника и соответственно замене государственных регистрационных знаков (государственная пошлина за талон о прохождении ГТО [12] 300 рублей) а так же необходимость прохождения Государственного технического осмотра нового автомобиля после первичной регистрации;

установленные сроки административных процедур согласно Приказа Министерства внутренних дел "О порядке регистрации транспортных средств" [13] утвердившего Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним на наш взгляд необоснованно увеличены;

совершенно необоснованная процедура перерегистрации бывшего в употреблении транспортного средства: снятие с регистрационного учета от прежнего собственника и вновь постановка на учет на нового собственника. Для чего одному владельцу "снимать" с себя автомобиль, а другому тут же "ставить" на себя, ведь гораздо проще имея на руках документ о праве собственности (договор купли-продажи) прибыть в ГИБДД и зарегистрировать автомобиль на нового собственника, а снятие с учета от прежнего собственника сделать автоматическим;

совершенно не урегулирован вопрос наложения ограничений на проведение регистрационных действий с транспортными средствами, являющимися залогом в банках и иных кредитных организациях. Как пример можно привести ситуацию, когда человек приобретает автомобиль в кредит и данный автомобиль находится под залогом в кредитной организации, паспорт транспортного средства находится в банке. Собственник, написав заявление в ГИБДД об утрате паспорта транспортного средства, получает новый ПТС и, продавая автомобиль другому владельцу, тот ни чего не подозревая, перепродает третьему лицу. Поменяв несколько собственников, автомобиль может вернуться законному владельцу - банку, если первый собственник не погасил кредит. В итоге не нужна волокита, суды уголовные дела и несколько "кинутых" порядочных людей. При обращении с заявлением в ГИБДД об утрате документа гражданин не предупреждается об ответственности за дачу ложного заявления, ведь такая мера на сегодняшний день ни чем не регламентируется.

На наш взгляд решение этих проблем состоит в законодательной регламентации регистрации транспортных средств в России на федеральном уровне, а именно в разработке и принятии Федерального закона "О регистрации транспортных средств", причем выработке новых подходов, а не банальному переписанию старых неэффективных ведомственных норм в новый документ. В целях совершенствования структуры и принципов закрепления государственных полномочий, оптимизация перечня и состава административных процедур, оптимизации сроков осуществления процедур, а так же совершенствование режимов нормативного правового регулирования процессов предоставления государственных услуг предлагаем:

предоставить возможность любой торгующей организации право организовать на своей базе проведение регистрации транспортных средств.

упразднить процедуру прохождения государственного технического осмотра для новых транспортных средств учитывая, что автомобили при производстве проходят обязательную государственную сертификацию. Талоны о прохождении государственного технического осмотра выдавать вместе с регистрационными документами на новый автомобиль.

учесть возможность регистрации транспортного средства в любом субъекте Российской Федерации не зависимо от

регистрации собственника автомобиля.

упразднить процедуру, снятия с регистрационного учета и последующей постановкой, предоставив возможность автоматического снятия с учета при регистрации транспортного средства за новым собственником, при предоставлении договора купли-продажи.

разрешить на усмотрение прежнего и нового собственников транспортного средства возможность оставления государственного регистрационного знака за автомобилем, при смене собственника не взимая соответственно за это государственной пошлины. Тем самым исключить процедуру замены талона о прохождении государственного технического осмотра в связи с изменением государственных регистрационных знаков.

упразднить Паспорт транспортного средства как документ вообще, оставив лишь свидетельство о регистрации. Паспорта транспортных средств морально себя изжили, всю информацию об истории автомобиля можно узнать из автоматической базы данных "Регистрация и учет транспортных средств".

предусмотреть возможность проверки в Интернет любого транспортного средства по регистрационному знаку, VIN (номеру кузова, рамы, шасси) по электронным учетам похищенных транспортных средств, а также транспорта скрывшегося с мест ДТП в режиме "есть/нет" для сторонних пользователей.

организовать государственные аукционы, на которых будет реализована возможность заказывать государственные регистрационные знаки. Тем самым убрать коррупционную составляющую деятельности ГИБДД по выдаче регистрационных знаков, переведя "продажу красивых номеров" в правовое поле, контролируемое государством.

рассмотреть вопрос взаимодействия кредитных организаций и Госавтоинспекции по возможности наложения ограничений на совершение регистрационных действий с транспортными средствами, находящимися в залоге у банка.

В заключении хочется отметить, что предоставление государственных услуг Министерством внутренних дел Российской Федерации в сфере безопасности дорожного движения в настоящее время имеет особую актуальность, носит многогранный характер, напрямую связано с социальной и экономической сферами жизни общества и в тоже время является крайне не урегулированной в правовом плане. Государственная услуга по регистрации автотранспортных средств в Госавтоинспекции

представляет собой сложный режим и затрагивает значительный круг общественных отношений и требует должной законодательной регламентации.

1. См.: *Словарь иностранных слов*/Под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. 5-е изд. М.: Гос. Издат. Иностранных и национальных словарей, 1955. С. 594;

2. Сорокин В.Д. *Административный процесс и административно-процессуальное право*. Спб.: издательство Юридического института (Санкт-Петербурга), 2002. С. 196.

3. *Постановление Правительства РФ от 11.11.2005 N 679 (ред. от 04.05.2008) "О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставляемых государством услуг)"* // Первоначальный текст документа опубликован в издании "Собрание законодательства РФ", 21.11.2005, N 47, ст. 4933.

4. *Словарь С.И. Ожегова*

5. См. ФЗ № 1026-1 от 18.04.1991 года "О милиции" ст.1 Милиция в Российской Федерации.

6. п. 11 Указ Президента РФ от 15.06.1998 N 711 "О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения" (вместе с

"Положением о Государственной инспекцией безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации")//первоначальный текст документа опубликован в изд. *Российская газета* №116 от 23.06.1998 года, изменения внесенные в Указ Президента № 711 вступили в силу 03.07.2008 г.

7. *Постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. N 938 "О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации"*//СПС КонсультантПлюс

8. *Приказ № 1001 от 24.11.2008 г. "О порядке регистрации транспортных средств"*

Зарегистрировано в Минюсте РФ 30 декабря 2008 г. N 13051//СПС КонсультантПлюс

9. *"Российская газета" - Федеральный выпуск №5233 (154) от 15.07.2010*

10. *Данный на февраль 2011 года УГИБДД ГУВД по Краснодарскому краю.*

11. п. 2.1.1 ПДД постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации № 1090 от 23.10.1993 г. По состоянию на 20011 г.

12. *Государственный технический осмотр*

13. *Приказ МВД РФ № 1001 от 24.11.2008 года "О порядке регистрации", зарегистрированный в Минюсте 30.12.2008 года №13051// СПС Консультант Плюс.*

Сизоненко Александр Борисович

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Siz_al@mail.ru)

Классификация информации ограниченного доступа в соответствии с законодательством Российской Федерации

Аннотация

В Российском законодательстве фигурирует более 30 видов тайн. Упоминания о них разрознены и содержатся в большом количестве нормативно-правовых документов. В данной статье предпринята попытка дать классификацию всего многообразия информации, доступ к которой ограничен законами Российской Федерации.

Annotation

More than 30 kinds of secrets are figured in the Russian legislation. Mentions of them are scattered and are contained in a large number of legal documents. The attempt to classify the variety of information, which is restricted by laws of the Russian Federation, is presented in this article.

Ключевые слова: информация, сообщение, тайна, правоотношения в информационной сфере, информация ограниченного доступа, общедоступная информация, виды тайн.

Key words: information, message, secrecy, legal relationship in information sphere, restricted information, public information, the types of secrets.

Первоисточником термина информация является латинское слово *informatio* (изложение, истолкование, разъяснение). В русском языке известно с Петровской эпохи. [5]

Согласно словарю русского языка Ожегова С.И. информация - это сообщение, осведомляющее о положении дел, о состоянии чего-нибудь [2]. Сообщить значит уведомить кого-нибудь о чем-нибудь, довести до сведения [2]. Сведение, в свою очередь, это знание, представление о чем-нибудь, познания в какой-нибудь области, известие, сообщение [2].

Таким образом, на общелексическом, бытовом уровне под понятием "информация" понимаются сведения, сообщения, передаваемые от человека человеку и осведомляющие о каких-то явлениях, событиях, процессах, состоянии дел и т.д. Этот уровень отражает, так называемый, антропоцентрический подход к понятию информация. А вся рассматриваемая в этом

контексте информация является семантической, т.е. содержащей смысл (для человека).

Семантическая информация - продукт абстрактного мышления человека, отображаемые с помощью символов на языках общения людей объекты, явления, образы и модели. Языки общения включают как естественные языки национального общения, так искусственные профессиональные языки. Сущность семантической информации не зависит от характеристик носителя. Например, одну и ту же семантическую информацию можно представить в виде письменных и речевых сообщений. [3]

Однако, такой подход к определению понятия информация представляется неполным. Он не включает взаимодействие человека с ЭВМ, а также признаковую информацию, описывающую конкретный материальный объект на языке его признаков. Описание объекта содержит признаки его внешнего вида, излучаемых им полей и элементарных частиц, состава и структуры веществ, из которых состоит объект [3].

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Источниками признаковой информации являются сами объекты.

Информация сама по себе нематериальна, т.к. невозможно измерить известными физическими приборами ее массу, размеры, энергию, но может храниться, обрабатываться, передаваться по различным каналам связи в виде сообщений, записанных на различные материальные носители. Материальные носители подразделяются на 4 группы: люди, материальные тела, микрочастицы (электроны) и различные поля (акустическое, электрическое, магнитное, в том числе в оптическом диапазоне) [3].

В Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (далее ФЗ "Об информации ..." под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [4]. Это определение является наиболее общим и включает в себя различные виды информации.

ФЗ "Об информации ..." является базовым в информационной сфере и регулирует отношения, связанные с осуществлением права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применением информационных технологий; обеспечением защиты информации.

Классификация информации, как объекта правовых отношений, в соответствии со ст. 5 ФЗ "Об информации ..." показана на рис. 1.

Рис. 1. Классификация информации как объекта правовых отношений

К общедоступной информации относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен. В соответствии со ст. 7 ФЗ "Об информации ..." общедоступная информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничений в отношении распространения такой информации.

В соответствии со ст. 5 ФЗ "Об информации ..." под информацией ограниченного доступа понимается информация, доступ к которой ограничен федеральными законами. Доступ к информации это возможность ее получения и использования (ст. 2 ФЗ "Об информации ...").

Обобщив эти определения и положения ст. 9 ФЗ "Об информации ...", можно дать следующее определение - под информацией ограниченного доступа понимается информация, возможность получения и использования которой ограничивается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Понятие информации ограниченного доступа неразрывно связано с понятием тайна, которое достаточно часто встречается в Российском законодательстве. Под тайной понимается нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет [2]. В нормативно-правовых актах термин "тайна" употребляется как синоним понятия "информация, доступ к которой ограничен" [1].

По мнению Городова О.А. понятие тайна несводимо к информации [1]. Тайна это не информация, а правовой режим информации. Поэтому следует говорить, что информация находится в тайне (в особом правовом режиме), а не составляет какую-либо тайну. [1]

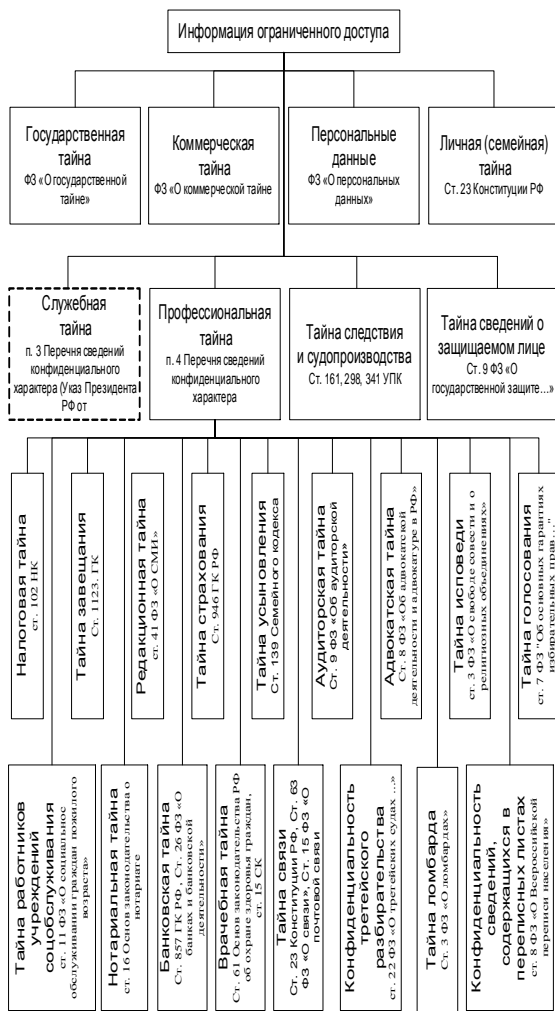
Обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами, т.е. обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя [4].

Указом Президента РФ от 06.03.1997 № 188 утвержден Перечень сведений конфиденциального характера. К ним относятся: персональные данные; сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, а также сведения о защищаемых лицах и мерах государственной защиты; служебная тайна; профессиональная тайна; коммерческая тайна; сведения о сущности изобретения, полезной

модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них.

Классификация информации ограниченного доступа в соответствии с нормативно-правовыми документами Российской Федерации представлена на рис. 2.

Рис. 2. Классификация информации ограниченного доступа

Порядок обращения со служебной информацией ограниченного распространения (составляющей служебную тайну) в федеральных органах исполнительной власти осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 03.11.1994 N 1233 и ведомственными инструкциями. В соответствии с указанным постановлением к служебной информации ограниченного распространения

относится несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью. Носители информации, составляющей служебную тайну, имеют пометку "Для служебного пользования". Однако складывается парадоксальная ситуация. После отмены с 01.01.2008 Федеральным законом от 18.12.2006 N 231-ФЗ статьи 139 "Служебная и коммерческая тайна" части первой Гражданского кодекса от 30.11.1994 № 51-ФЗ ни одним Федеральным законом доступ к служебной тайне не ограничивается. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация. Служебную тайну нельзя признать информацией ограниченного доступа, несмотря на наличие требований по ее защите в подзаконных нормативных актах. Поэтому на рис. 2 служебная тайна выделена пунктиром.

Защита информации, составляющей государственную тайну, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной тайне (Закон Российской Федерации "О государственной тайне" от 21.07.1993 г. № 5485-1).

Государственная тайна это защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Перечень конкретных сведений, составляющих государственную тайну, утвержден Указом Президента РФ от 30.11.1995 № 1203.

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну закреплено в п. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993. Личная и семейная тайна в соответствии со ст. 150 части первой Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ отнесены к нематериальным благам, и на них распространяется соответствующий правовой режим.

Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ "О коммерческой тайне" дает определение коммерческой тайны, под которой понимается конфиденциальность информации, позволяющая ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду.

27 июля 2006 г. был принят Федеральный закон № 152-ФЗ "О персональных данных, в

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

соответствии с которым персональные данные это любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация. Обращать персональные данные может оператор с согласия их субъектов, за исключением случаев, предусмотренных Законом.

В статье 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ указывается на недопустимость разглашения данных предварительного следствия (тайна следствия). Они могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

Помимо тайны предварительного следствия уголовно-процессуальный кодекс содержит следующие нормы:

тайна совещания судей (ст. 298). Приговор постановляется судом в совещательной комнате, где могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному уголовному делу.

тайна совещания присяжных заседателей (ст. 341). После напутственного слова председательствующего коллегия присяжных заседателей удаляется в совещательную комнату для вынесения вердикта. Присутствие в ней иных лиц, за исключением коллегии присяжных заседателей, не допускается.

Налоговая тайна рассматривается ст. 102 части первой Налогового кодекса РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, за исключением сведений: 1) разглашенных налогоплательщиком самостоятельно или с его согласия; 2) об идентификационном номере налогоплательщика; 3) о нарушениях законодательства о налогах и сборах и мерах ответственности за эти нарушения; 4) предоставляемых налоговым (таможенным) или правоохранительным органам других государств в соответствии с международными договорами (соглашениями).

Статья 857 части второй Гражданского кодекса РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ содержит положения о банковской тайне. Банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада,

операций по счету и сведений о клиенте. Сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены только самим клиентам или их представителям, а также представлены в бюро кредитных историй на основаниях и в порядке, которые предусмотрены законом. Банковская тайна определена также ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 "О банках и банковской деятельности".

Статьей 946 части второй Гражданского кодекса РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ законодательно закреплена тайна страхования - страховщик не вправе разглашать полученные им в результате профессиональной деятельности сведения о страхователе, застрахованном лице и выгодоприобретателе, состоянии их здоровья, а также об имущественном положении этих лиц.

В соответствии со статьей 15 Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ "О негосударственных пенсионных фондах" фонд не вправе передавать третьим лицам, за исключением правопреемников участников и застрахованных лиц, а также организаций, которые в соответствии с договором осуществляют ведение пенсионных счетов, если указание на такие организации содержится в правилах фонда, информацию, полученную в процессе сбора, хранения, передачи и использования сведений, содержащихся в пенсионных счетах негосударственного пенсионного обеспечения, пенсионных счетах накопительной части трудовой пенсии, а также при выплате негосударственной пенсии и накопительной части трудовой пенсии, выплатах (переводе) выкупных сумм и выплатах правопреемникам.

Статья 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 N 4462-1 устанавливает нотариальную тайну. Нотариус обязан хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности. Суд может освободить нотариуса от обязанности сохранения тайны, если против нотариуса возбуждено уголовное дело в связи с совершением нотариального действия.

Тайна завещания установлена статьей 1123 части третьей Гражданского кодекса РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Нотариус, другое удостоверяющее завещание лицо, переводчик, исполнитель завещания, свидетели, а также гражданин, подписывающий завещание вместо завещателя, не вправе до открытия наследства разглашать сведения, касающиеся содержания завещания, его совершения, изменения или отмены.

Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений закреплена п. 2 ст 23 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993. Кроме того, тайна связи закреплена статьей 63 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ "О связи". Статьей 15 Федерального закона РФ от 17.07.1999 № 176-ФЗ "О почтовой связи" уточняется понятие тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи. В соответствии с указанной статьей осмотр и вскрытие почтовых отправлений, осмотр их вложений, а также иные ограничения тайны связи допускаются только на основании судебного решения. Все операторы почтовой связи обязаны обеспечивать соблюдение тайны связи. Информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, а также сами эти почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения являются тайной связи и могут выдаваться только отправителям (адресатам) или их представителям.

Аудиторская тайна закреплена ст. 9 Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности". Аудиторскую тайну составляют любые сведения и документы, полученные и (или) составленные аудиторской организацией и ее работниками, а также индивидуальным аудитором и работниками, с которыми им заключены трудовые договоры, при оказании услуг, предусмотренных указанным Федеральным законом, за исключением сведений, разглашенных самим лицом, которому оказывались услуги, либо с его согласия.

Статья 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.01.1993 № 5487-1 устанавливает, что врачебной тайной является информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении.

Пункт 2 ст. 15 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ устанавливает, что результаты обследования лица, вступающего в брак, составляют медицинскую тайну и могут быть сообщены лицу, с которым оно намерено заключить брак, только с согласия лица, прошедшего обследование.

Семейный кодекс РФ (ст. 139) гарантирует охрану тайны усыновления ребенка. Судьи,

вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления.

Тайна исповеди закреплена в п. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" и охраняется им. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди, и не подлежит допросу в качестве свидетеля о таких обстоятельствах согласно.

Конфиденциальность третейского разбирательства установлена статьей 22 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ "О третейских судах в Российской Федерации". Третейский судья не вправе разглашать сведения, ставшие известными ему в ходе третейского разбирательства, без согласия сторон или их правопреемников.

В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Статья 11 Федерального закона от 02.08.1995 № 122-ФЗ "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" констатирует, что сведения личного характера, ставшие известными работникам учреждения социального обслуживания при оказании социальных услуг, составляют профессиональную тайну.

Согласно статьи 3 Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ "О ломбардах" к информации, составляющей профессиональную тайну при осуществлении ломбардом своей деятельности, относится информация, полученная ломбардом от заемщика или поклажедателя.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" голосование на выборах и референдуме является тайным, исключая возможность какого-либо контроля за волеизъявлением гражданина.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 25.01.2002 № 8-ФЗ "О всероссийской переписи населения" сведения о населении, содержащиеся в переписных листах, являются

информацией ограниченного доступа.

Видное место среди законов, регулирующих отношения в информационной сфере, занимает Федеральный закон РФ от 27.12.2010 № 2124-1 "О средствах массовой информации". В соответствии со статьей 41 указанного Закона редакция не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, предоставленные гражданином с условием сохранения их в тайне (редакционная тайна).

1. *Городов О.А. Информационное право: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С 284 .*

2. *Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд, доп. М. : ИНФОТЕХ, 2009. - 938 с.*

3. *Торокин А.А. Инженерно-техническая защита информации: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям в обл. информ. безопасности М.: Гелиос АРВ, 2005. С 960 .*

4. *Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ.*

5. *Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. Том 1: А-Пантомима - М: Русский язык, 1999. С 626 .*

Жалкиев Валентин Тильманович
 начальник отдела организации научных
 исследований и научной информации
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: 89183937255)

Категориализация социальной солидарности в концепции Э. Дюркгейма

Аннотация

Основная цель настоящей статьи - освещение категории солидарности в методологической системе Э. Дюркгейма. Свою систему французский философ разворачивал, исходя из сформулированного им ключевого положения о солидаризационной природе общественного.

Annotation

Main idea of this article is to illuminate a category of solidarity in E. Durkheim's methodological system. The French philosopher developed the system, proceeding from the key position formulated by him about solidarity nature of the public.

Ключевые термины: солидарность, разделение общественного труда, коллективное сознание, механическая солидарность, органическая солидарность.

Key words: solidarity, social activities division, collective consciousness, mechanical solidarity, organic solidarity.

Основная цель настоящей статьи - освещение категории солидарности в методологической системе одного из величайших представителей классической социально-философской мысли - Э. Дюркгейма. Однако истинный исследовательский мотив связан с извечным философским вопросом о первичности. В данном случае речь идет о первичности ценностного над экономическим. Выбор творчества именно этого мыслителя для настоящего исследования связан прежде всего с тем, что свою систему французский философ разворачивал, исходя из ключевого положения о солидаризационной природе общественного, став, таким образом, первым из методологов социального познания, обосновавшим примат ценностного над экономическим.

В своей работе "О разделении общественного труда" философ рассуждает следующим образом: "...теоретик с тонким аналитическим умом часто имеет особую склонность к практическим людям, к здравому смыслу, к быстрым интуициям; робкий - людям отважным и решительным; слабый - к сильному, и наоборот.

Как бы богато мы ни были одарены, нам постоянно не хватает чего-нибудь и лучшие из нас чувствуют свое несовершенство. Вот почему мы ищем в наших друзьях недостающих нам качеств: соединяясь с ними, мы некоторым образом становимся причастными к их натуре и чувствуем себя менее несовершенными. Таким образом создаются маленькие ассоциации друзей, где каждый имеет свою роль, сообразную с его характером, где есть настоящий обмен услугами. Один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет - и именно это разделение функций, или "... разделение труда, вызывает отношение дружбы" [2, с. 62].

Надо сказать, что в определенной степени эта точка зрения уже была представлена в истории философии, причем уже в трудах античных классиков. В частности, Платон писал, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен. Однако никто до Э. Дюркгейма не рассуждал в подобном ключе о сути дружбы. Рассмотрим этот существенный для нашего

исследования фрагмент работы Э. Дюркгейма в онтологическом ключе. Цель этого анализа - ответ на принципиальный для нас вопрос о первичности солидарности по отношению к разделению общественного труда либо наоборот.

Разбирая предложенный Э. Дюркгеймом алгоритм возникновения разделения общественного труда, мы получаем следующую его последовательность:

из-за собственного несовершенства человек ищет того, кто может его дополнить в некотором недостающем личном качестве, причем этот поиск мотивирован тем, что человек стремится быть "менее несовершенным". Мотивация, как можно заметить, ценностный характер: стремление к объединению для того, чтобы дополнить себя и стать тем самым "менее несовершенным". Исходя из этого фрагмента, становится очевидной онтологическая ценностная предзаданность разделения труда;

однако уже в следующем фрагменте мыслитель пишет, что, объединяясь в процессе функционального взаимодействия, люди начинают чувствовать себя "причастными натуре" другого, в связи с чем возникает чувство дружбы. Ситуация становится несколько запутанной: здесь по сути утверждается, что дружба (чувство дружбы) возникает в процессе реализации разделения общественного труда, то есть как один из его сопутствующих результатов.

Наконец, далее по тексту Э. Дюркгейм пишет: "...мы приходим к рассмотрению разделения труда с новой стороны. Действительно, в этом случае экономические услуги, которые оно [разделение труда] может оказывать, ничто в сравнении с производимым им моральным действием; истинная функция его - создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности. Каким бы образом ни получался этот результат, именно солидарность порождает эти общества друзей и она их отмечает своей печатью" [2, с. 62-63]. Провозглашая примат морального над экономическим и утверждая, что солидарность порождает "сообщества друзей", Э. Дюркгейм "возвращает" разделению общественного труда ценностную основу и, вместе с тем, обнаруживает некоторую путаницу в понятиях: мыслитель в некоторых местах, представленных в зацитированных фрагментах, отождествляет дружбу и солидарность. Причем неправомочность такого отождествления вытекает из его дальнейшего текста, касающегося иллюстрации солидарности на примере брака (супружества), который в своем юридическом аспекте "...только символизирует состояние супружеской

солидарности" [2, с. 65]. Таким образом, Э. Дюркгейм утверждает, что и дружба, и супружество суть проявления солидарности, на основании которых в процессе общественного развития выстраивается система разделения общественного труда.

Подытоживая свое рассуждение о соотношении солидарности и разделения общественного труда, Э. Дюркгейм пишет: "Если часто утверждали, что общественные отношения, берущие начало в разделении общественного труда, состоят только в обмене, то потому, что не знали, чего требует обмен и что из него вытекает. Он предполагает, что два существа взаимно зависят друг от друга, потому что оба они несовершенны; он же только выражает внешним образом эту взаимную зависимость. Он, стало быть, является лишь поверхностным выражением внутреннего, более глубокого состояния" [2, с. 68]. Тем самым мыслитель обнаруживает принципиальную разницу между своим концептом и экономически-ориентированными социально-философскими концепциями О. Конта и К. Маркса.

Исходя из описанных социально-онтологических установок, Э. Дюркгейм в дальнейшем определяет две солидаризационные модели социального устройства, первая из которых содержательно отличается размытой, неясно проявленной формой профессиональной специализации, вторая же предполагает высокую степень дифференциации общественного труда. С точки зрения Э. Дюркгейма, возрастающая функциональная специализация влечет за собой не только рост производительности, но и, что более важно, качественную трансформацию типа социальных отношений в обществе: существенное, прогрессивное изменение типа социальной солидарности. Исследователь обосновывает эту трансформацию как необходимый переход от механической солидарности к органической солидарности. Первая характерна для традиционного общества, в котором индивиды исполняют, в общем, одни и те же функции, и отличаются значительным подобием статусов и идентичностей. Э. Дюркгейм называет этот тип солидарности еще "солидарностью по сходствам". Вторая же - "солидарность по различиям" - свойственна обществу современного типа, и основана на высоком уровне разделения труда и значительном разнообразии общественных отношений.

Э. Дюркгейм высвечивает типы солидарности, проявляющиеся через исключительно подлинный, с его точки зрения, индикатор - закон,

в характерных для того или иного общества формальных и содержательных модусах, и, в зависимости от специфики репрессивных акций, которые предполагает та или иная правовая система. Мыслитель считает, соответственно, что в традиционных обществах, для которых характерна механическая солидарность, самое серьезное преступление - нарушение типа коммуникации социальной солидарности. "В низших обществах наиболее многочисленные проступки те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии, нравов, авторитета и пр. Достаточно посмотреть, как относительно мало места уделено в Библии, в законах Ману, в памятниках, оставшихся нам от древнего египетского права, предписаниям, защищающим личность, и, напротив, пышное развитие репрессивного законодательства относительно различных форм святотатства, пренебрежения разными религиозными обязанностями, требованиями церемониала и т.д. Именно эти преступления наказываются наиболее сурово" [2, с. 101]. В отличие от традиционных, в развитых обществах трансформируется как структура, так и иерархия наказуемых действий - органическая солидарность предполагает особое внимание к преступлениям против человека, и это - один из индикаторов нивелирования ценности всеобщего подобия партнеров трудового взаимодействия, а также достаточной степени дифференциации рабочей силы.

Солидарность по сходствам, с точки зрения великого французского социального философа, даже там, где она весьма устойчива, не обладает интегрирующей способностью, сопоставимой с силой разделения общественного труда. Последняя, по сего мнению, "все более исполняет роль, которую некогда исполняло общее сознание; именно оно главным образом удерживает единство социальных агрегатов высших типов" [2, с. 181]. У общественной жизни, согласно подходу Э. Дюркгейма, есть двойной источник: она детерминирована, во-первых, подобием сознаний, и, во-вторых, разделением общественного труда. В первом случае исследователь наглядно обосновывает доминирование социальной природы человека: подавляя собственную индивидуальность, "традиционный" человек сливается с подобным себе в едином коллективном типе; во втором случае возможна индивидуализация, потому что, выражая собственную индивидуальность, социальная "ипостась" человеческого проявляется в его зависимости от экономической структуры общества, не затрагивая при этом своим детерминирующим воздействием сущно-

стные модусы личности.

Может показаться, что в логике французского социолога содержится некоторое противоречие - действительная, высокоорганизованная солидарность имеет, судя по его заключениям, место, когда отсутствует "сходство сознаний" и доминирует функциональная дифференциация. Но что есть "сходство сознаний" как не разделенная общая картина мира, без которой никакое объединение социального сообщества невозможно и, с другой стороны, что есть функциональное дифференцирование, как не результат общественного прогресса в экономической сфере, атрибутом которого по определению выступает отчуждение? Однако и сам Э. Дюркгейм некоторым образом снимает это противоречие, определяя в качестве важнейших феноменов общественного сознания религиозные верования, идеалам - все то, что имеет моральную основу. С помощью предзаданных моральных детерминант общество "плотно объемлет" человека, определяя его путь в качестве члена данного сообщества. Британский философ Тревор Нобл следующим образом интерпретирует влияние "коллективного сознания" в традиционных обществах: "Члены такого общества разделяют единые верования и представления, общие способы действия и общие моральные ценности. Они идентифицируют себя со своим сообществом и говорят преимущественно о том, "что мы думаем", "что мы всегда говорим", или "как мы действуем". Их ощущение себя как индивидуумов со своим мнением, которое может отличаться от мнения другого - недоразвито, или даже подавляемо. Моральные нормы здесь очень сильны, всякая девиация воспринимается в качестве угрозы социальной солидарности и не очень-то терпится.

Коллективное сознание диктует гомогенность культуры, противостояние всякому изменению и предписывает для всех ясный жизненный путь, которым и необходимо следовать" [4, с. 147-148].

Следует сразу же оговориться, что Э. Дюркгейм не склонен ни к недооценке важности коллективных представлений для современного общества, ни к их преувеличению. Коллективные представления, с его точки зрения, важны для формирования социальной интеграции, но при этом в условиях органической солидарности они не носят настолько жесткого, необходимого характера, насколько это характерно для механической солидарности.

Что касается второй стороны приведенного выше противоречия - дифференциации - то она, согласно Э. Дюркгейму, не только не подавляет

индивидуальность, но способствует ее проявлению: в контексте усложнения общественных отношений усложняется и личность, социализирующаяся в этой системе. Разделение труда в условиях органической солидарности "способствует освобождению, ибо индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и в силу этого отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний, которые могут действовать только на простые и общие вещи" [2, с. 412]. Мы увидели, что это принципиальное для нашего исследования противоречие, обнаруженное в рассматриваемой работе Э. Дюркгейма, в значительной мере снимается его тезисом об освобождающей личностной силе профессиональной дифференциации. Подтверждение сему можно увидеть у Р. Арона, который пишет: "Дифференциация, отличительный феномен современных обществ, служит созидательным условием личной свободы. Только в обществе, где коллективное сознание частично утратило свою навязчивую непреклонность, индивид может обладать определенной самостоятельностью суждения и действия. В этом индивидуалистическом обществе основанная проблема состоит в поддержании минимума коллективного сознания, при отсутствии которого органическая солидарность повлечет за собой общественную дезинтеграцию" [1, с. 326]. К подобному выводу приходит и современный британский мыслитель Грэхем Кроу: "именно Дюркгейм, в рамках социологической традиции рассмотрения проблемы солидарности, настоятельно подчеркивал, что в современных обществах близость интересов - недостаточное основание для поддержания социальной целостности и коллективных действий. Вывод Дюркгейма о том, что "если взаимный интерес и сближает людей, то не более чем на короткий момент", напрямую ведет к заключению, что социальная солидарность между людьми требует общности взглядов и убеждений для того, чтобы являться устойчивой. Для Дюркгейма, люди должны быть интегрированы в упорядоченные социальные классификации с

определенными границами - каркасы, и его труд может восприниматься и в качестве предостережения против опасности "деклассификации", которую может повлечь за собой отсутствие такого каркаса" [3, с. 12].

Э. Дюркгейм непостижимым образом "ухватил" природу социального и разработал на основе своих базовых посылок целую систему, объяснительная способность которой значительно выше, чем того требует социология как позитивная наука. Непостижимость алгоритма его открытий заключается в том, что логика теоретических построений мыслителя имеет исключительно прямую направленность (*intentio recta*), неудобную для социального познания. Следствием этого стали многочисленные противоречия, допущенные философом в процессе обоснования его положений, часть из которых выявлена нами. Вместе с тем, из догматического по сути утверждения примата солидарности в формировании общественных отношений, будь то системные свойства разделения общественного труда либо коллективного сознания (дюркгеймовских социальных фактов), он выстраивает социологическую научно-исследовательскую программу, включающую объяснение сущности важнейших общественных явлений: морали, права, разделения общественного труда.

1. Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. М., 1992 г.

2. Дюркгейм Э. "О разделении общественного труда". М., 1996 г.

3. Crow G. *Social Solidarities: Theories, Identities and Social Change* / G. Crow. - Buckingham; Philadelphia, 2002 г.

4. Noble T. *Social Theory and Social Change* / T. Noble. - New York, 2000 г.

Кулинская Светлана Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России
(тел.: 89654710800)

Картина мира как национально-культурный и языковой феномен

Аннотация

Картина мира является набором знания и представлениями лица об окружении его действительности. Картина мира влияет на культуру и социальное поведение лица. Лицо является основным фактором картины мира.

Annotation

The picture of the world is a collection of the knowledge and presentations of the person about surrounding his reality. The picture of the world influences upon culture and social behavior of the person. The person is the main factor of the picture of the world.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, национальная культура, обычаи, традиции, цвет.

Key words: picture of the world, language picture of the world, national culture, customs, traditions, colour.

Понятие картины мира в лингвистике формируется на основе изучения представлений человека о мире, оно определяет тип отношения и нормы поведения человека в мире. Все это отражается и фиксируется в языковой форме, в различных концепциях, которые представляют собой "языковую репрезентацию мира" или, другими словами, "языковую картину мира".

В основе каждого конкретного языка лежит особая модель или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. Картина мира воплощается в языке, так как язык является средством фиксирования и хранения накопленных человеческих знаний. Иными словами, язык отражает наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации). В связи с этим можно говорить о языковой картине мира.

По определению Е. С. Кубряковой, картина мира понимается как "исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной

активности человека" [6, 107].

Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Именно этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию "объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира" [5, 15]. Выходит, что в принципе человек привносит в мир не себя, со своими законами и закономерностями, а лишь особое взаимодействие "человек - мир", в результате которого рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему роду человеческому и существующая в форме "язык - мышление".

Языковая картина мира, по мнению ряда исследователей (Ю. Д. Апресян, Е. И. Диброва, Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева), представляет собой совокупность представлений и знаний человека о мире, интегрированных в некое целое и помогающих человеку в дальнейшем восприятии и познании мира.

Иными словами, языковая картина мира - это то, каким рисует мир человек в своем сознании и воображении, это отражение бытовых представлений о мире, которое имеет "привязку"

к языку и преломлено через языковые формы. Без языковой картины мира невозможным оказалось бы человеческое общение и взаимопонимание, поэтому именно она - стержень интеграции людей, средство гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой.

Сущность и строение языковой картины мира не ограничиваются только ее словесным изображением: это изображение осмысливается, связуется и репрезентируется всеми уровнями языка. На словесное "изобразительное полотно" накладывается сеть языковых смыслов, придающих такому изображению качество неоднородности и глубины [11, 15].

Языковая картина мира оказывает воздействие на мировосприятие, культуру, социальное поведение человека. Каждый народ посредством языка по-своему представляет мир, что находит отражение, в частности, в свойственных языку данного этноса способах номинации, предикации, атрибуции и в других средствах. Однако, роль человеческого фактора в языке пока недостаточно исследована, в то время как антропоцентрический подход к изучению языковых процессов позволяет выявить национальную специфику языковых механизмов, определить то, как человек влияет на язык и как язык влияет на человека и его культуру, а также, что представляется особенно важным, - исследования подобного рода позволяют изучать народ, его менталитет через язык.

Именно человек - самый важный фактор и компонент картины мира, которая формирует тип отношения человека к миру, задает нормы и правила поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству.

Человек становится человеком, по мнению В. Гумбольдта, только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть духовная энергия народа [2, 314-319].

Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций картину мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую, или, как справедливо отмечала В. Н. Телия, "антропоцентрическую интерпретацию", в которой существенную роль играет и антропометричность, т.е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия масштабами мира, его образами, эталонами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов (к последним, например, относятся представление о лисе как о хитром животном, о камне как эталоне

бесчувствия, о твердости как непоколебимости, о рабе как образце безволия и т. д.) [8, 135].

Итак, образ мира возникает в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности, в актах миродействия.

Говоря об антропоцентричности языковой картины мира, отметим, что она определяется как обобщенное дискретное представление человека об окружающей действительности, как знание законов природы и общества, как отношение к предметам и явлениям реального мира. Если мир - это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира - это результат переработки информации о среде и человеке.

Языковая картина мира служит своеобразной "программой поведения для личности и коллектива" (Вс. В. Иванов), определяя набор операций, применяемых человеком для воздействия на мир, правила их использования в деятельности и их мотивировку.

Языковая картина мира оказывается в системе различных картин мира наиболее долговечной, устойчивой, во многом (разумеется, лишь на том или ином конкретном временном срезе) стандартной, ибо "воспроизводимы" именно стандартные единицы языка, ставшие узувальными. Рассматривая особенности функционирования языковых картин мира, исследователи Н. С. Новикова и Н. В. Черемисина выделили шесть основных характеристик, описание которых основывается на методе бинарных оппозиций.

1. "Универсальная и идиоэтническая". Наличие универсалий, по мнению авторов, можно объяснить тем, что язык есть "биопсихосоциальный" феномен: биологически, психологически, социальными сферами бытования языка, а значит, социально-коммуникативно обусловлены основные разноуровневые универсалии.

2. И в универсальной, и в идиоэтнической картине мира различаются прежде всего миры материальный (реальный) и духовный (ментальный); эмпирический и рациональный; миры пространственные и временные.

3. Как в универсальной, так и в идиоэтнической языковых картинах мира противопоставляются миры реальный и фантастический, реальный и мифологический, земной и небесный, природы и человека.

4. В пределах общей идиоэтнической языковой картины мира:

противопоставляются общенациональная

(общеизвестная) языковая картина мира и языковые картины мира, ограниченные социальной сферой - территориально (диалекты, говоры) и профессионально (подязыки наук и ремесел);

особые языковые миры составляют и стили языка;

выделяется множество "возможных миров", соответствующих тем или иным стереотипным ситуациям.

5. В функционировании идиоэтнической языковой картины мира четко противопоставляются мир речи взрослых людей и мир детской речи.

6. В индивидуальной языковой картине мира и во всех текстах одного автора, т. е. в макротексте идиостиля, также можно выделить более частные миры: внешний и внутренний" [7, 41, 42 -45].

Опираясь на исследование Н. С. Новиковой и Н. В. Черемисиной, делаем вывод о том, что языковая картина мира отражает способ восприятия, организации и концептуализации мира, а выделение универсальной и идиоэтнической картины мира обуславливает закономерности поведения человека в мире и определяет его отношение к нему.

Центральным аспектом языковой картины мира является национальная картина мира. Оставаясь многоликой и многомерной, она, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, "объединяет представление человека о различных сторонах окружающей его действительности" [9, 47]. Для того чтобы вскрыть особенности национальной картины мира, присущей представителю той или иной национальной культуры, необходимо изучить сознание человека, зафиксированное посредством языка. Мы воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации как бы предопределяется языковыми привычками общества. Именно язык фиксирует и вербализует национальную картину мира, хранит и передает её из поколения в поколение. Таким образом, особенности национальной картины мира проявляются именно на языковом уровне.

Язык, будучи частью национальной культуры, концептуализирует и отражает все её элементы, косвенно репрезентируя национальные формы жизни народа и его психологию.

В системе национальных ценностей концепт "цвет" занимает одну из главных позиций. Цвет является естественным знаком, или символом, поскольку обозначаемое и обозначающее в нем неразрывно слиты, что не противоречит возможности его интерпретации. Главная особен-

ность подобного рода знаков - слитность плана выражения (формы) и плана содержания (его семантики). Основной лингвокультурологический смысл этого понятия - способность отражать в своей семантике национальный менталитет как совокупность мировоззренческих и поведенческих особенностей этноса и национальный характер как относительно устойчивый и целостный склад духовной жизни языковой личности, определяющий её качественное своеобразие - её этнос.

Известно, что у каждого человека есть собственное представление о том, что такое красный цвет, синий цвет, оттенок цвета и т. д., но при всей схожести данных представлений у каждой языковой личности существуют особенности их интерпретаций. Таким образом, цветообозначения репрезентируют сущностные свойства и образы мира, лежащие в основе мировидения человека.

Являясь наиболее упорядоченной из всех лексико-семантических групп, система цветообозначений варьируется необычайно широко на уровне отдельных языков и на уровне диалектов.

Исследуя языковую картину мира, Р.М. Фрумкина выявила в ней отношения сходства - несходства по цвету и пришла к выводу о том, что "розовый и красный для русского похожи по цвету. Желтый и коричневый для русского просто разные цвета, столь же разные, как красный и фиолетовый" [10, 30].

Интерес представляет и размышления Н. Д. Арутюновой, изучавшей глаголы, обозначающие симптомы покраснения лица в русском и английском языках. Ею было отмечено, что "в русском языке существует немало глаголов для обозначения симптома покраснения лица. Все они отсылают к названию цвета, реже - к огню и горению: покраснеть, раскраснеться, закраснеться, порозоветь, побарговеть, заалиться и т.д. В английском же языке наблюдается обратная тенденция: в нем предпочтение отдается одному глаголу to blush / краснеть, лишь косвенно ассоциирующемуся с названием цвета, зато входящему в число эксклюзивных атрибутов человека. The man is the only animal that blushes / Человек - это единственное животное, которое краснеет [1, 59 - 70].

Язык с помощью цветообозначений отражает и закрепляет абстрактные понятия, свойственные данному народу, обязанные своим существованием специфическим условиям трудовой, культурной и исторической жизни этого народа. Так, цветочное прилагательное крас-

ный в русском и английском языках имеет одинаковое значение, т.е. обозначает один и тот же цвет. Однако, обратившись к изучению реальных фактов языковой действительности обоих языков, замечаем, что значение одного и того же цвета не всегда совпадает. Например, при описании рыжего цвета волос в английском языке обычно употребляют сочетание *red hair, red-gold hair*, тогда как в русском словосочетание "красные волосы" звучит нелепо, и наиболее подходящим вариантом является сочетание "рыжие волосы". Тот же процесс происходит с цветообозначением коричневым. В русском и английском языках прилагательное *коричневый* обозначает один и тот же участок цветового спектра. Но при описании соответствующего цвета глаз в английском языке употребляются сочетания *brown eyes* и *hazel eyes*, а в русском прилагательное *коричневый* в сочетании "коричневые глаза" почти не употребляется. Единственно правильным вариантом является сочетание "карие глаза". Иными словами, прилагательные цвета, функционируя на основе единства языка и речи, синхронии и диахронии, денотации и коннотации, не только описывают физически реальный цвет, но и отражают национально-культурные особенности восприятия явлений действительности в сознании говорящих.

Цветообозначения можно сравнить с кусочком мозаики. У разных языков эти кусочки складываются в разные картины, которые будут различаться своими красками: там, где русский язык заставляет своих носителей видеть два цвета: синий и голубой, англичанин видит один: *blue*. При этом и для русского, и для английского языков важен один и тот же объект реальности - кусочек спектра.

Говоря об изучении цветообозначений в языковой картине мира, выделим работы Л. М. Грановской. Исследовав первообразные имена прилагательные: *белый, черный, красный, зеленый*, она пришла к выводу, что они в силу присущей им абстрактности имели наибольший круг сочетаний с существительными различных семантических групп, и, помимо собственного цветового значения, они имели и ряд других, производных, связанных с картиной мира русского народа, с его обычаями, верованиями и опытом.

Рассмотрение цветообозначений, например, в кельтских языках, показывает, что в этой группе принято называть или выделять в первую очередь прилагательные, обозначающие различные оттенки сине-зеленой гаммы, которые действительно не имеют аналогов в других сопоставляемых индоевропейских языках. Одни и

те же основы могут обозначать одновременно синий, зеленый и даже серый цвет.

Значимость цвета развивается в языковом сознании благодаря ассоциативным связям цветовых определений не только с миром окружающей человека природы (*красный - кровавый, голубой - небесный, белый - молочный*), но и с конкретными историческими фактами и событиями, с национально-культурным и историческим контекстом (*красная девица, Красная площадь, красные - белые*).

В целом следует отметить, что в психике рядового носителя языка существует наивная картина мира, которая фиксируется посредством языка, хотя ни процесс фиксации, ни возникающие при этом связи и отношения самим говорящим не осознаются по той причине, что они уже твердо закреплены в языке и "наивная картина мира цвета" оказывается, таким образом, одним из элементов наивной картины мира в целом, проявляющейся через язык. Изучение картины мира цвета как части языковой картины мира помогает раскрыть национальные особенности языковой личности, проникнуть в глубины национального сознания и самосознания.

Тот факт, что картина мира несет в себе черты своего создателя, его мировидение, не вызывает никакого сомнения. При сохранении целостной картины мира в ней могут меняться отдельные этапы или фрагменты. И цветовые прилагательные являются ярким отражением этих изменений. Об этом свидетельствуют индивидуальные цветовые картины мира поэтов и писателей.

М. З. Долинский, исследуя автобиографию А. Блока, отмечал, что "цветовое видение поэта менялось на разных этапах жизни". В юности - "зареве белое, желтое, красное", "золотые и красные маки"; потом "черная роза в бокале золотого, как небо, "аи""; а ещё потом - "за окном черно и пусто" [3, 34].

Л. В. Зубова выделяет в поэзии М. Цветаевой пять основных цветов: *черный, белый, красный, желтый, зеленый*. Черный - полный, значительный, самый лучший. Но в то же время употребление черного связано с утратой и страданиями. Белый - пустой, незначительный, но может быть и счастливым. Зеленый - символ жизни. Зеленый употребляется и в переносном значении (молодо - зелено), что становится сигналом к метафорическому восприятию остальных цветовых прилагательных. Красный - символ молодости, страсти, с одной стороны, и символ крови - с другой. Всем этим цветообозначениям противостоит символика желтого как

знака мифологического мира нечистой силы. Желтого (янтарного) цвета кровь у змея, победенного Георгием. В русских былинах эта кровь называется бусурманской, окаянной, проклятой. Семантика желтого цвета как знака социальной внеположенности, по мнению Л. В. Зубовой, "служит базой для образования фразеологизмов желтый дом, желтый билет" [4, 138].

Таким образом, языковая картина мира и цветообозначения неразрывно связаны между собой - события и явления, которые происходят в жизни того или иного народа, а также той или иной конкретной языковой личности обязательно имеют и цветовые характеристики.

Итак, особое место в картине мира занимает языковая картина мира, которая имеет "привязку" к языку и преломляется через языковые формы. Центральное положение в языковой картине мира занимает образ человека. Человек - важнейший фактор картины мира. Он ощущает мир, созерцает его, познает, понимает, отражает, пребывает в нем и т. д.

Языковая картина мира отражает всю совокупность знаний и представлений человека об окружающей его действительности, что проявляется и в предпочтении того или иного цвета или сочетания цветов. Это позволяет выявить национально-культурную специфику восприятия мира, создать портрет нации, указать на особенности поведения, а также влияния общества на жизнь человека.

1. Арутюнова Н.Д. *О стыде и стуже*// *Вопросы языкознания*. 1997, №2.
2. Гумбольдт В.фон *Язык и философия культуры*. М., 1985.
3. Долинский М.З. *Искусство и Александр Блок*// *Книжная и журнальная графика. Театр. Портреты*. М., 1985.
4. Зубова Л.В. *Поэзия М.Цветаевой* // *Лингвистический аспект*. Л., 1989.
5. Колшанский Г.В. *Логика и структура языка*. М., 1995.
6. Кубрякова Е.С. *Человеческий фактор в языке*. М., 1998.
7. Новикова Н.С., Черемсина Н.В. *Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира*// *Филологические науки*. 1996. №6.
8. Телия В.Н. *Русская фразеология*. М., 1996.
9. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М., 2000.
10. Фрумкина Р.М. *Цвет, смысл, сходство*// *Аспекты психолингвистического анализа*. М., 1984.
11. Шведова Н.Ю. *Теоретические результаты, полученные в работе над "русским семантическим словарем"* // *Вопросы языкознания*. 1999. №1.

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором своего материала (статьи) в адрес редакции журнала "Вестник Краснодарского университета МВД России" с предложением опубликовать свою статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала "Вестник Краснодарского университета МВД России", который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

- воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);
- распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);
- импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);
- публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);
- переводить Произведение (право на перевод);
- переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала "Вестник Краснодарского университета МВД России", соответствующей законодательству РФ об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных системах должен быть выражен таким образом, из которого явственно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала "Вестник Краснодарского университета МВД России" и вышеперечисленными условиями.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
"ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ"

Редактор: Алексаньян Н.К.
Оригинал-макет: Кириллова В.В.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия ПИ № ФС 77 - 29892
от 15 октября 2007 г.

Изд. лиц. № 04378 от 23.03.2001
Подписано в печать 25.12.2010 г. Бумага типографская №1
Формат 60x841/8. Усл. печ. л. 9,8
Гарнитура "Прагматика". Печать RISO
Тираж 1000 экз. Заказ № 546

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел. (861) 258-32-49

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО СЛЕДУЮЩИМ НАПРАВЛЕНИЯМ:**

ОЧНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030901.65	Правовое обеспечение национальной безопасности
031001.65	Правоохранительная деятельность
080101.65	Экономическая безопасность
030900.62	Юриспруденция
080109.65	Бухгалтерский учет, анализ и аудит

ФАКУЛЬТЕТ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65	Юриспруденция
030505.65	Правоохранительная деятельность
080109.65	Бухгалтерский учет, анализ и аудит

ФАКУЛЬТЕТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65	Юриспруденция
030301.65	Психология

ВНЕБЮДЖЕТНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030504.51	Право и организация социального обеспечения
030501.65	Юриспруденция
080100.65	Экономика
080109.65	Бухгалтерский учет, анализ и аудит

Информацию
об условиях поступления можно получить по адресу:
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128,
тел.: (861) 258-42-87

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МВД РОССИИ**

**осуществляет научную и научно-педагогическую деятельность
для различных категорий граждан
по таким направлениям, как:**

**1. Обучение в очной докторантуре и прикрепление соискателей для
подготовки диссертаций на соискание ученой степени доктора наук
по следующим научным специальностям:**

- 09.00.11 Социальная философия
- 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- 12.00.09 Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность
- 22.00.04 Социальные структуры, социальные институты и процессы

**2. Обучение в очной и заочной адъюнктуре (аспирантуре), прикрепление
соискателей для сдачи кандидатских экзаменов и подготовки диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук по следующим научным
специальностям:**

- 08.00.01 Экономическая теория
- 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством
- 09.00.11 Социальная философия
- 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
- 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право
- 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- 12.00.09 Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность
- 12.00.11 Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности
- 12.00.14 Административное право, финансовое право, информационное право
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.04 Социальные структуры, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления
- 23.00.02 Политические институты, политические процессы и технологии

Срок обучения в докторантуре:

очно – 3 года;

для подготовки докторской диссертации в форме соискательства – 4 года;

Срок обучения в адъюнктуре, аспирантуре:

очно – 3 года;

заочно – 4 года.

Соискательство для сдачи кандидатских экзаменов – 2 года.

Справки и подробную информацию
об условиях обучения можно получить по адресу:
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128,
тел.: (861) 258-42-65